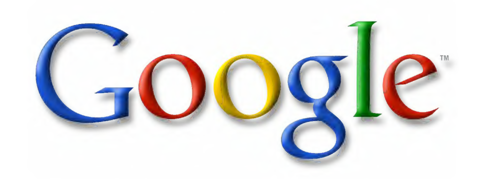
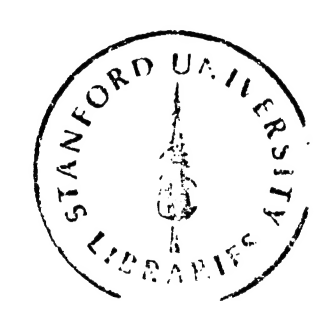

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго.

Выпускъ I.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр. № 12.
1892.

Оглавленіе.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Очеркъ русской діалектологіи.

Введеніе.

Русская діалектологія имѣетъ много правъ на вниманіе.

1) Каждый изъ насъ, какъ Русскій, обязанъ обладать хотя бы самыми общими свѣдѣніями о томъ, что такое русскій языкъ, какъ говорятъ подъ Новгородомъ, подъ Тулою, около Вильны, Полтавы.

2) Занимающіеся исторіею русскаго языка имѣютъ особенную потребность въ знакомствѣ съ діалектологіею. Интересуются ли они исторіею звуковъ и формъ, или слѣдятъ за судьбами синтаксическихъ явленій, словарнаго матеріала, все равно,—они могутъ найти въ современныхъ русскихъ говорахъ то, что давно исчезло изъ языка образованнаго общества, и такимъ образомъ получить ясное представленіе о прошломъ нашего языка. Напримѣръ, мы не имѣемъ теперь въ своемъ говорѣ мягкаго *ц*, которое въ немъ, какъ показываютъ памятники, нѣкогда существовало; обратившись къ говорамъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы встрѣчаемся съ этимъ *ц* и такимъ образомъ составляемъ себѣ понятіе о качествѣ древняго звука.

3) Тѣ, которые изучаютъ древніе памятники нашей письменности (какъ литературные, такъ и историческіе, юридическіе), чрезъ изученіе діалектологіи пріобрѣтаютъ средства къ пониманію текста памятниковъ. Значительное число словъ, прежде употреблявшихся во всемъ русскомъ языкѣ и нашедшихъ себѣ мѣсто въ памятникахъ, теперь у насъ, въ нашемъ говорѣ, неизвѣстны, но остаются въ употребленіи въ другихъ говорахъ. Такимъ образомъ знакомство съ говорами даетъ намъ возможность опредѣлить значеніе этихъ словъ. Напримѣръ, въ Русской Правдѣ мы находимъ слово о л е к ъ: «аже бчелы выдерутъ, то 3 гривнѣ продаже, а за медъ—оже будутъ бчелы не подраны, то 10 кунъ, будетъ ли о л е к ъ, то 5 кунъ». Костромскіе и пермскіе говоры объясняютъ намъ это слово. Въ нихъ о л е к ъ = [illegible] безъ пчелъ. Слѣдовательно, Русская Правда противупоставляетъ улей [illegible]

занному, «не лаженному»,—улей съ небольшимъ количествомъ меда, оставленнымъ для пчелъ на зиму. Или, въ Словѣ Даніила Заточника мы читаемъ: «дивья за буяномъ кони паствити, а за добрымъ княземъ воевати». Слово буянъ въ говорахъ значитъ: гора, холмъ. И такъ, фразу Слова мы можемъ перевести: хорошо за горою коней пасти (т. е. въ укромномъ, прикрытомъ отъ вѣтра мѣстѣ). Конечно, не всѣ слова нашихъ памятниковъ сохраняются въ говорахъ; такъ, слово тылѣснь Русской Правды пока еще ни въ одномъ говорѣ не нашлось. Но за то и значеніе этихъ словъ остается неизвѣстнымъ; оно и останется неизвѣстнымъ, если лучшая разработка діалектологіи не дастъ ключа къ ихъ пониманію.

4) Діалектологія имѣетъ нѣкоторое значеніе, какъ вспомогательная наука, при изученіи исторіи. Историкъ безпрестанно сталкивается съ такими вопросами, на которые нѣтъ отвѣтовъ въ лѣтописяхъ и документахъ, но которые могутъ быть разрѣшены современными говорами. Напримѣръ, существуетъ вопросъ о населеніи верхняго Поволжья, нынѣшней Ярославской и Костромской губерній, какого оно происхожденія, откуда пришло и къ какому большому городу первоначально тянуло. Обыкновенно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ такъ, что-де Поволжье было заселено выходцами изъ новгородской области и первоначально должно было тянуть къ Новгороду. Но большая часть говоровъ названныхъ губерній довольно ясно отличается отъ говоровъ древней новгородской земли и новгородскихъ колоній (въ нихъ нѣтъ мѣны *ц* и *ч*); напротивъ того, они близки къ говорамъ средней Руси (Московской, Тульской и друг. губерній). Слѣдовательно, вопросъ о происхожденіи поволжскаго населенія долженъ быть разрѣшенъ иначе: Поволжье заселилось съ юга и его жители никогда не тянули къ Новгороду, а составляли одну область съ Москвою, Муромомъ, Рязанью.

Мы не хотимъ приписывать знакомству съ діалектологіею какого-либо значенія для нашего литературнаго языка и не думаемъ, чтобы діалектическій матеріалъ могъ пригодиться для обогащенія и вмѣстѣ сохраненія чистоты литературнаго языка. Нѣтъ сомнѣнія, вмѣсто того, чтобы заимствовать новыя слова изъ иностранныхъ языковъ,—было бы для насъ несравненно полезнѣе брать подходящія по значенію слова изъ своихъ діалектовъ. Но мы сомнѣваемся, чтобы такое пользованіе было часто возможно. Дѣло въ томъ, что то русское, чего нѣтъ въ нашемъ говорѣ и что есть въ сосѣднемъ, обыкновенно кажется намъ смѣшнымъ или даже достойнымъ насмѣшки. Мы не удерживаемся отъ улыбки, когда герой «Жениха изъ ножевой линіи» (Чернышева) говоритъ хотитé; намъ немножко смѣшно, когда герой «Бѣшеныхъ денегъ» употребляетъ слово шабёръ. Что же касается до простаго народа, то онъ почти всегда насмѣхается надъ своимъ сосѣдомъ, имѣющимъ какія-

нибудь, хотя бы незначительныя особенности рѣчи, «дразнитъ», преслѣдуетъ его особыми поговорками съ этими особенностями (въ родѣ: курича на уличѣ яйчо снесла), даетъ ему насмѣшливыя прозвища (въ родѣ: *ягунъ*, отъ формы родительнаго падежа *яго*=его, съ *г*, вмѣсто *яво*, съ *в*), вообще обнаруживаетъ къ діалектическому матеріалу полную нетерпимость.

Наша задача—указать главныя особенности русскихъ говоровъ въ звукахъ и формахъ, на основаніи почти исключительно печатнаго матеріала. Послѣдній такъ скуденъ и отрывоченъ [1]), а часто и старъ, что нашъ очеркъ русской діалектологіи не имѣетъ притязанья на полноту ни въ какихъ отношеніяхъ. Мы убѣждены, что намъ не пришлось воспользоваться даже всѣмъ тѣмъ, чѣмъ можно бы воспользоваться, но что зарыто въ разныхъ провинціальныхъ «памятныхъ книжкахъ», календаряхъ, газетахъ. Изданіе въ свѣтъ настоящаго очерка должно показать, какіе говоры до сихъ поръ остаются наукѣ неизвѣстными и для какихъ она владѣетъ данными неполными и невѣрными. Вслѣдствіе этого всякаго рода дополненія, поправки и т. п. со стороны свѣдущихъ лицъ будутъ принимаемы нами съ благодарностью [2]).

---

[1]) Мы до сихъ поръ еще не имѣли спеціалистовъ по русской діалектологіи. Ученые занимались ею въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ и при томъ наскоро, проѣздомъ, ухватывая лишь случайно встрѣтившіяся черты. Этнографы обращали на говоры крайне мало вниманія, и мы имѣемъ рядъ хорошихъ сочиненій по этнографіи, гдѣ или нѣтъ никакихъ замѣчаній по діалектологіи, или помѣщены самыя ничтожныя. Помѣщики, священники, уѣздные учителя и т. п. народъ, если дѣлали наблюденія надъ говорами имъ отлично знакомыми, то не могли—вслѣдствіе отсутствія какой-либо подготовки—дать сколько-нибудь полный и ясный отчетъ объ особенностяхъ этихъ говоровъ, а иногда даже изобразить ихъ звуки. Вообще мы имѣемъ чрезвычайно мало описаній говоровъ. Обыкновенно мы должны извлекать данныя изъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. сырого матеріала и безпрестанно подвергаться опасности увидѣть діалектическую особенность въ простой опискѣ или опечаткѣ.

Мы можемъ назвать лишь одинъ трудъ посвященный вообще русской діалектологіи. Это—статья проф. Потебни въ «Филологическихъ Запискахъ» 1865 года: «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій», вышедшая въ свѣтъ 25 лѣтъ назадъ и основанная почти исключительно на печатномъ матеріалѣ. Другой трудъ, сходный съ этимъ по названію, статья Надеждина въ вѣнскихъ «Jahrbücher der Literatur» 1841 года: «Mundarten der russischen Sprache», посвященъ не столько описанію, сколько изслѣдованію о происхожденіи русскихъ нарѣчій. Сверхъ того, въ «Исторической Христоматіи» Буслаева 1861 г. и въ «Сборникѣ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи» проф. Смирнова 1882 г. приведены образцы разныхъ русскихъ говоровъ, взятые главнымъ образомъ изъ печатныхъ источниковъ. Наибольшее количество матеріаловъ по русской діалектологіи издано (безо всякой системы) въ изданіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, особенно въ «Этнографическомъ Сборникѣ»; далѣе, эти матеріалы разсѣяны въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ», разныхъ годовъ.

Ни грамматики, ни словаря всего русскаго языка у насъ нѣтъ.

[2]) Редакція «Живой Старины» съ величайшею охотою дастъ мѣсто всѣмъ такимъ дополненіямъ и поправкамъ. Ред.

I. Великорусское нарѣчіе.

Мы не будемъ говорить о границахъ великорусскаго нарѣчія съ языками инородцевъ въ европейской Россіи, въ Сибири и на Кавказѣ. Ихъ можно видѣть на этнографической картѣ русскаго государства. Мы скажемъ лишь вкратцѣ о границахъ великорусскаго нарѣчія съ нарѣчіями бѣлорусскимъ и малорусскимъ, какъ они опредѣляются имѣющимися у насъ скудными данными [1]).

Великорусское нарѣчіе граничитъ съ бѣлорусскимъ на сѣверо-западѣ приблизительно по чертѣ губерній Псковской и Новгородской. Такимъ образомъ бѣлорусское нарѣчіе начинается ниже Опочки, Псковской губ., ниже Торопца и Великихъ Лукъ, Новгородской губ., причемъ Себежъ, Полоцкъ и Суражъ находятся уже въ области бѣлорусскаго нарѣчія [2]). Далѣе граница великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій идетъ внутри губерній Тверской и Смоленской. Ржевскій и Зубцовскій уѣзды съ частью Осташковскаго (сѣверо-западная и западная части Тверской губ. [3]) принадлежатъ бѣлорусскому нарѣчію; западная половина Смоленской губ. говоритъ или бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, или говорами скорѣе бѣлорусскими, чѣмъ великорусскими, а восточная—Вяземскій, Гжатскій, Сычовскій и Юхновскій уѣзды вмѣстѣ съ восточною и сѣверною окраинами Бѣльскаго—по великорусски [4]). Далѣе граница идетъ приблизительно по границѣ Могилевской губ. и по сѣверо-восточной окраинѣ Черниговской.

Пограничная черта великорусскаго нарѣчія съ малорусскимъ опредѣляется

---

[1]) Точное опредѣленіе границъ между двумя нарѣчіями часто невозможно, по причинѣ существованія такихъ переходныхъ и смѣшанныхъ говоровъ, которые могутъ быть съ равнымъ основаніемъ причислены и къ одному, и къ другому нарѣчію. Сверхъ того, во многихъ губерніяхъ, занятыхъ Русскими въ XVIII—XIX вв., тамъ, гдѣ нарѣчія еще не перемѣшались между собою, ихъ территоріи въ полномъ смыслѣ слова черезполосны.

[2]) «Жители Невельскаго и Велижскаго уѣздовъ говорятъ правильнымъ великороссійскимъ нарѣчіемъ. У тѣхъ, которые имѣютъ сношенія съ Новгородскою губ., слышно въ произношеніи *о* сѣверныхъ губерній; а ходящіе въ С.-Петербургъ для заработковъ говорятъ правильнымъ русскимъ языкомъ». (Этнографич. Сборн., II, 113, 1854 г.).— «Оканье начинается въ сѣверныхъ уѣздахъ Смоленской губ.» (Добровольскій, Смоленскій Этнографич. Сборникъ, I, 13).

[3]) Крестьяне той части Осташковскаго уѣзда, которая прилегаетъ къ Псковской и Смоленской губ., «отдѣлены будучи самою природою отъ другихъ жителей какъ своего, такъ и смежныхъ уѣздовъ, различаются отъ послѣднихъ нравомъ и образомъ жизни, въ особенности же нарѣчіемъ языка, которымъ они близки къ Бѣлорусцамъ» (Іос. Бѣловъ, Путевыя замѣтки и впечатлѣнія по Московской и Тверской губ., стр. 63. М. 1852).

[4]) «Рославльскій уѣздъ составляетъ часть Смоленской губ., населенную жителями бѣлорусскаго племени. Крестьянинъ Рославльскаго уѣзда рѣзко отличается отъ крестьянъ восточной части губерніи въ образѣ жизни, домашней утвари, пищѣ, одеждѣ, однимъ словомъ—во всемъ, что касается народнаго характера, домашняго быта и хозяйства» (Пам. книжка Смол. губ. на 1858 г., стр. 126). Точно также Матеріалы для географіи и статистики Россіи (Смол. губ.) относятъ Рославльскій и Смоленскій уѣзды безъ всякихъ оговорокъ къ числу бѣлорусскихъ (стр. 125).

съ трудомъ. Восточная окраина Черниговской губ., пограничная съ Орловской губ. [1]), съ ея смѣшанными говорами, и почти вся Курская губ. (кромѣ южной окраины), [2]) принадлежатъ великорусскому нарѣчію. Половина Воронежской губ.[3]) и большая часть Земли Войска Донскаго [4])—также. Въ восточной части Харьковской губ. есть чисто великорусскія поселенія. Русскіе жители восточной части сѣвернаго Кавказа—переселенные съ Волги и Дона терскіе казаки—говорятъ по-великорусски, а ихъ сосѣди на западѣ—Кубанцы, потомки Запорожцевъ—по-малорусски; впрочемъ, въ Терской области есть нѣкоторое число малорусскихъ, а въ Кубанской—великорусскихъ поселеній. Въ Новороссіи великорусское нарѣчіе находится, въ сравненіи съ малорусскимъ, у значительнаго меньшинства населенія. Сверхъ того, съ одной стороны болѣе или менѣе крупныя колоніи съ малорусскимъ населеніемъ и нарѣчіемъ находятся въ великорусскихъ приволжскихъ губ. (особенно въ Саратовской, Самарской и Астраханской), а остатки другихъ, меньшихъ по численности колоній, можетъ быть,

---

[1]) «На сколько говоръ черниговскій, распространенный въ особенности въ сѣв. части уѣзда Черниговскаго, въ уѣздахъ Городненскомъ, Суражскомъ, Новозыбковскомъ, Мглинскомъ и зап. части Новгородсѣверскаго, составляетъ переходъ изъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому, на столько сѣверскій, распространенный въ вост. половинѣ Новгородсѣверскаго, сѣв. части Глуховскаго уѣзда Черниговской губ., въ юго-вост. углу Трубчевскаго и въ зап. части Сѣвскаго уѣзда Орловской губ., составляетъ переходъ къ нарѣчію великорусскому». Р. Филол. В. 1884 г., № 1, стр. 118.

[2]) Около 1/10 населенія Обоянскаго уѣзда Курской губ.—Малоруссы переселенцы (Этногр. Сб., V, ст. «Бытъ крестьянъ Курской губ.», стр. 1).

[3]) «Малорусское населеніе составляетъ едва ли не половину всѣхъ жителей Воронежской губ. Два самые большіе уѣзда оной—Острогожскій и Богучарскій, за исключеніемъ въ каждомъ двухъ-трехъ селъ великорусскихъ, населены Малоруссами. Бирюченскій и Валуйскій населены ими въ большей степени; въ Павловскомъ 12 слободъ малорусскихъ, кромѣ хуторовъ, и по нѣскольку слободъ въ уѣздахъ Бобровскомъ и Новохоперскомъ. Только въ сѣверныхъ уѣздахъ—Задонскомъ, Землянскомъ, Нижнедѣвицкомъ и Воронежскомъ—Малоруссовъ нѣтъ» (Пам. книжка Воронежск. губ. на 1870—71 г., стр. 247).—Въ Валуйскомъ уѣздѣ «жители состоятъ изъ Русскихъ и Малороссіянъ, почти на половину и тѣхъ, и другихъ» (Статистическіе очерки Воронежской губ., кн. I, стр. 15, 1850 г.).

[4]) «Жители сѣверныхъ частей (Земли В. Д.)—до Хопра и Медвѣдицы—настоящіе Великоруссы». «Жители среднихъ частей Дона болѣе сходны съ Великоруссами, чѣмъ низовые». «Населеніе нижней части—потомки древнѣйшихъ казаковъ, которые поселились по низовьямъ Дона; они—Великоруссы, но принимали къ себѣ людей всѣхъ націй; отъ этого низовое населеніе какъ въ наружности, такъ въ нравахъ и обычаяхъ имѣетъ особенный, почти самостоятельный характеръ». «Малоруссы издавна приходили на Донъ; особенно много ихъ въ нижней части Донской земли». «Когда былъ воспрещенъ переходъ на Донъ, войсковые чины стали записывать за собою приходившихъ сюда большими обществами Малоруссовъ и заселили ими округи Міусскій и Донецкій». «Нѣкоторые Малоруссы получили права казаковъ и составили нѣсколько станицъ за Дономъ, близъ Кавказской дороги» (Матеріалы для хозяйственной статистики Россіи, издаваемые Импер. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ. Кн. I, Спб. 1853, стр. 23—27).—«Донцы-низовцы, купно съ донецкими,.... отъ Россіи Малыя» (Чтенія Общ. ист. и древн. 1863 г., кн. 3, ст. «Историч. свѣдѣніе о Верхней Курмоярской станицѣ», стр. 4).

еще существуютъ въ губ. Нижегородской [1]) и Вологодской; съ другой стороны — великорусское нарѣчіе слышится въ малорусскихъ губерніяхъ и во всемъ русскомъ государствѣ у образованныхъ Русскихъ, по преимуществу по городамъ.

Казалось бы, на огромной территоріи великорусскаго нарѣчія должно было бы быть очень много говоровъ; но, вѣроятно, благодаря отчасти почти исключительно равнинному характеру этой территоріи, допускающему самое широкое общеніе для ея населенія, отчасти значительной консервативности великорусскаго нарѣчія,—мы видимъ лишь ограниченное количество рѣзко опредѣленныхъ діалектическихъ разновидностей [2]).

Великорусское нарѣчіе ясно дѣлится на два поднарѣчія, сѣверное и южное, окающее и акающее, граница между которыми идетъ сначала по Тверской губ. (здѣсь въ Старицкомъ уѣздѣ акаютъ), потомъ по Московской (здѣсь, приблизительно въ 60 верстахъ къ сѣверу, въ Дмитровскомъ уѣздѣ, и къ востоку, по направленію къ Покрову, говорятъ уже на *о*); Владимирская губ. почти вся (кромѣ части Меленковскаго уѣзда) принадлежитъ окающему поднарѣчію; затѣмъ граница идетъ по Нижегородской, Казанской и Симбирской губ. такимъ образомъ, что въ Арзамасскомъ уѣздѣ Нижегородской губ. отчасти окаютъ, въ Ардатовскомъ, Сергачскомъ и Лукояновскомъ той же губ.—акаютъ, въ Буинскомъ и Симбирскомъ уѣздахъ и въ сѣверной части Курмышскаго уѣзда Симбирской губ., къ сѣверу отъ р. Пьяны, по преимуществу окаютъ, въ южной части Курмышскаго уѣзда акаютъ, въ Лаишевскомъ и Чистопольскомъ уѣздахъ Казанской губ., за Волгою, акаютъ [3]).

---

[1]) Въ Лукояновскомъ уѣздѣ Нижегор. губ., въ бывшихъ имѣніяхъ гр. Разумовскаго—«около 2000 человѣкъ Малоруссовъ, почти совсѣмъ уже обрусѣвшихъ» (Нижегородск. Сборн., II, 20).

[2]) Это—одна изъ причинъ слабой разработки великорусскихъ говоровъ, особенно южныхъ, которые мало отличаются отъ языка образованнаго общества и потому для изслѣдователя мало интересны. Всѣ наши печатныя свѣдѣнія о великорусскихъ говорахъ вообще ограничиваются статьею Даля при I томѣ его «Толковаго Словаря» (которою надо пользоваться съ очень большою осторожностью), да книгою Колосова: «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка», Варшава, 1878. Къ сожалѣнію, послѣдняя, посвященная всему великорусскому нарѣчію, имѣетъ такое расположеніе матеріала, что по ней трудно составить себѣ понятіе объ особенностяхъ того или другаго великорусскаго говора.

Грамматики великорусскаго нарѣчія у насъ нѣтъ, но словарныя данныя этого нарѣчія собраны въ довольно значительномъ количествѣ. Первое мѣсто занимаетъ великолѣпный 4-хъ томный «Толковый Словарь живаго великорусскаго языка» Даля (2-ое изд. Спб. 1880); за нимъ можетъ быть поставленъ «Опытъ областнаго великорусскаго словаря», Спб. 1852, съ «Дополненіемъ» къ нему, изданный Академіею Наукъ.

[3]) Должно замѣтить, что опредѣлить точно границу поднарѣчій окающаго и акающаго въ среднемъ Поволжьѣ едва ли возможно, въ виду того, что здѣсь много смѣшанныхъ говоровъ, соединяющихъ въ себѣ особенности обоихъ поднарѣчій. Замѣтимъ, что городское населеніе Саратова въ 40-хъ годахъ окало (Сарат. Губ. Вѣд. 1845 г. № 31—32).

Пріуралье и Сибирь принадлежатъ окающему поднарѣчію, за исключеніемъ небольшихъ клочковъ, занятыхъ переселенцами изъ средней Руси; впрочемъ, теперь число этихъ клочковъ, вслѣдствіе происходящихъ значительныхъ переселеній, должно увеличиться. Сверхъ того, акающее поднарѣчіе раздается въ Псковской губ., кромѣ сѣверной и сѣверо-восточной ея частей (Порховскаго уѣзда).

Слѣдуетъ замѣтить, что акающее поднарѣчіе понемногу вытѣсняетъ окающее, по преимуществу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ отхожіе промыслы,—особенно въ Костромской губ. Мѣстные крестьяне съ дѣтства проводятъ по многу лѣтъ въ Москвѣ и Петербургѣ и здѣсь усваиваютъ особенности акающаго поднарѣчія; послѣднія отъ нихъ переходятъ къ мѣстному осѣдлому населенію. Такимъ образомъ цѣлый рядъ деревень и селъ Костромской губ. теперь уже не принадлежитъ окающему поднарѣчію. Такая же замѣна одного поднарѣчія другимъ начинаетъ замѣчаться въ значительныхъ размѣрахъ въ Владимирской губ., среди мѣстныхъ плотниковъ и каменщиковъ.

А. Южно-великорусское, или акающее поднарѣчіе.

Передъ нами тотъ говоръ, который употребляемъ мы сами, который слышится у всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ людей во всей Россіи и который можетъ быть названъ литературнымъ, или обще-русскимъ языкомъ. Центръ и родина его—Москва; здѣсь у мѣстныхъ уроженцевъ онъ является въ наибольшей чистотѣ; въ другихъ городахъ къ нему иногда примѣшиваются мѣстныя черты (изъ ближайшихъ говоровъ); такъ, въ Кіевѣ у образованныхъ людей мѣстнаго происхожденія и воспитанія можно слышать *h* вмѣсто *g*: *h*алка, *h*орохъ, и неслоговое *ў* вмѣсто *в* и *л*: любо*ў*, да*ў*, пи*ў*; въ западно-русскихъ городахъ у мѣстной интеллигенціи замѣчается то особенно сильная мягкость согласныхъ, свойственная польскому языку, то полная или значительная твердость *р* въ словахъ въ родѣ бу*ра* (= бу*ря*).

Обще-русскій языкъ въ его чистомъ видѣ будетъ для насъ исходнымъ пунктомъ при характеристикѣ говоровъ: мы будемъ характеризовать эти послѣдніе, сопоставляя ихъ особенности съ особенностями своего собственнаго языка. Поэтому мы прежде всего остановимся на звукахъ своего языка.

Гласные ударяемые. Ударяемое *а* обще-русскаго языка—звукъ открытый, то болѣе широкій (бр*а*тъ, п*я*тка), то болѣе узкій (р*а*ть, п*я*ть), всегда вполнѣ отличный отъ ударяемаго *о*; этотъ звукъ слышится на мѣстѣ каждаго древняго (=орѳографическаго) *а, я*.

Ударяемое *е*—звукъ мягкій, почти всегда смягчающій предъидущіе согласные, то болѣе открытый (*э*тотъ, ш*е*стъ), то менѣе, съ приближеніемъ къ

и (пл*е*ть, л*е*чь), но вполнѣ отличный отъ *и*; этотъ звукъ слышится на мѣстѣ какъ древняго (=орѳографическаго) *е*, такъ и древняго *ѣ*.

Ударяемое *о* звучитъ открыто, ближе къ *а*, чѣмъ къ *у*; оно слышится на мѣстѣ древняго (=орѳографическаго) *е* постоянно въ концѣ словъ (плеч*ó*, ещ*ó*, тво*ё*) и очень часто въ серединѣ словъ, передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ (вёлъ, расплётывать, гребёнка [1]).

Ударяемыя *и* и *ы* вполнѣ ясно отличаются другъ отъ друга; они находятся на мѣстѣ древнихъ *и* и *ы*.

Гласные неударяемые. Изъ нихъ на мѣстѣ древнихъ (=орѳографическихъ) неударяемыхъ *а* и *о* слышится: 1) въ концѣ словъ и въ серединѣ словъ послѣ искони твердыхъ согласныхъ (не *j*, не *ц* и не шипящихъ) и передъ удареніемъ—*а*, нѣсколько закрытое, приближающееся къ *о:* слóв*а*, мáсл*а* (=слов*о*—слов*а*, масл*о*—масл*а*, имен. и род. ед.), пит*а*чóкъ, ны дв*а*рé, чист*а*кóлъ, зых*а*тéлъ (=пят*а*чокъ, на дв*о*рѣ, част*о*колъ, зах*о*тѣлъ); 2) въ серединѣ словъ послѣ j, мягкихъ согласныхъ, шипящихъ и *ц* какъ непосредственно передъ удареніемъ, такъ и послѣ ударенія—*и* или (послѣ *ж, ш, ц*) глухой близкій къ *ы*: j*и*снéть, п*и*тóкъ, ч*и*сы́, ж*ы*лéть, ш*ы*гѝ (=*я*снѣть, п*я*токъ, ч*а*сы, ж*а*лѣть, ш*а*ги), вы́j*и*снить, скýш*ы*ла (=выяснѣть, скушала); 3) въ серединѣ словъ во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, если передъ ними j, мягкій согласный или *ч, щ,*—то *и*: j*и*равóй, п*и*тачóкъ, ч*и*савóй (=*я*ровой, п*я*тачокъ, ч*а*совой), если же передъ ними твердый согласный, *ж, ш, ц,*—то глухой близкій къ *ы*: з*ы*хатéлъ, с*ы*ракóфка, ш*ы*павáлъ (=з*а*хотѣлъ, *с*роковка, ш*а*повалъ).

Неударяемый гласный на мѣстѣ древняго (=орѳографическаго) *е, ѣ* всегда, кромѣ конца словъ, звучитъ какъ *и*: п*и*р*и*хóтъ, п*и*рó, в*и*зý, j*и*вó (=п*е*р*е*ходъ, п*е*ро, в*е*зу, *е*го); въ концѣ же словъ онъ звучитъ: 1) какъ *и* (въ формахъ дат. и мѣстн. ед., 2-го л. мн. повелит. н.): на бéриг*и*, на вóз*и*, бирѝт*и* (=на берег*ѣ*, на воз*ѣ*, берит*е*), и 2) какъ открытое *е*, или какъ *а* съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ: пóл*е*, мóр*е*, или пóл*я*, мóр*я* (=пол*е*, мор*е*; часто мы произносимъ имен. пол*е* и род. пол*я* тожественно).

Неударяемый гласный на мѣстѣ древняго (=орѳографическаго) *ы* звучитъ какъ глухой близкій къ ударяемому *ы*, но не тожественный съ нимъ, такъ что есть разница между гласными въ д*ы*рá и д*ы*рка, с*ы*нóкъ и с*ы*нъ.

Неударяемое *и* по качеству звука ничѣмъ не отличается отъ ударяемаго; неударяемое *у* не приближается къ *в* и всегда составляетъ слогъ.

Опущеніе неударяемыхъ гласныхъ очень рѣдко: исподволь, рядомъ съ испод*о*воль.

---

[1]) Подробнѣе см. въ нашихъ «Лекціяхъ по исторіи русскаго языка».

Изъ согласныхъ, губныя *б*, *в*, *п*, *ф*, *м* могутъ быть и твердыми, и мягкими; послѣднія слышатся въ *би*ть, *вя*знуть, *пя*лить, сы*нь*, чер*фь*, се*мь*. При этомъ *в* никогда не приближается къ *у*.

Гортанный *г* произносится передъ гласными, какъ латинское *g*, за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, гдѣ обыкновенно слышится *h* (*г*осподь, *г*осударь, бо*г*а, бла*г*ословить).

Гортанное *к* передъ *а* и *у*, гдѣ было въ древности твердо, остается твердымъ: бабуш*ка*, бабуш*ку*.

Зубныя *д* и *т*, будучи мягкими, сохраняютъ древнее качество своихъ звуковъ: *дядя*, *тё*тка.

Группа *щ* звучитъ какъ двойное *ш*: *шш*юка (=*щ*ука).

Шипящія *ж* и *ш* и свистящее *ц* постоянно произносятся твердо, коль скоро они не повторяются: *жэ*чь, *жо*къ, *шо*лъ, *цэ*пъ (=*же*чь, *же*гъ, *ше*лъ, *цѣ*пъ);

Шипящія *ж* и *ш* при удвоеніи сохраняютъ древнее мягкое произношеніе: ви*жжю*, во*жжи*, *шшю*ка, *шшя*дить (=визжу, возжи, щука, щадить). Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ двойное *ж* или *ш* образовалось черезъ соединеніе конечнаго согласнаго предлога-префикса съ начальнымъ согласнымъ имени или глагола, эти *ж*, *ш* звучатъ твердо: *жжэ*чь, *шшы*ть (=*сж*ечь, *сш*ить).

Шипящее *ч* не смѣшивается съ *ц* и всегда вполнѣ ясно отличается отъ *ц*.

Плавное *р* можетъ быть и твердымъ, и мягкимъ: бу*ра*къ, бу*ря*; древнее плавное *л* всегда сохраняется и не переходитъ въ *в* или *ў*: па*л*ъ.

Древніе (=орѳографическіе) звонкіе (=звучные) согласные *б*, *в*, *г*, *д*, *ж*, *з*, твердые и мягкіе, въ концѣ словъ звучатъ какъ соотвѣтствующіе глухіе (=отзвучные) *п*, *ф*, *к* (*х*), *т*, *ш*, *с*, твердые и мягкіе: бо*п*ъ, обу*ф*ь, дру*к*ъ, бо*х*ъ, де*т*ъ, но*ш*ъ, во*с*ъ (=бо*б*ъ, обу*в*ь, дру*г*ъ, бо*г*ъ, дѣ*д*ъ, но*ж*ъ, во*з*ъ).

Точно также произносятся древніе звонкіе согласные передъ глухими согласными: ба*п*ка, ла*ф*ка, выра*ф*ство, сасе*т*ка, ро*ш*ки, пиривó*с*ка (=ба*б*ка и т. д.).

Нѣкоторые древніе (=орѳографическіе) согласные постоянно опускаются нами при стеченіи согласныхъ, какъ въ серединѣ, такъ и въ концѣ словъ. Это — всего чаще — *д*, *т*, *с*, *з*, *л*: *é*с*ли*, па*é*с*ка*, п*ó*и*с*ъ, х*ú*трыс*ь*, ве*с*ь, ɉирасл*á*ф*ь* (=е*ст*ьли, поѣз*д*ка, поѣз*д*ъ, хитрос*ть*, вѣс*ть*, Яросла*вль*).

Между формами нашего говора мы должны отмѣтить:

Формы имен.-вин. ед., родит. мн. и 2-го л. ед. повелит. накл. на *éй* и *óй*: *сей*; агн*éй*, гаст*éй*, дычир*éй*, кан*éй*; *бей*, *пей*; слип*óй*, бальш*óй*, *мой* (отъ мыть), кр*ой* (а также ф. 2-го л. мн. повел. н.: *бéй*ти, м*óй*ти, и наст. врем. м*óю*, кр*óю* и т. д.).

Формы мѣстн. ед. муж. и женск. р. и дат. ед. ж. р. съ гортаннымъ согласнымъ: ны пар*ге*, въ ру*ке́*, пы са*хе́* (=на порогѣ, по сохѣ).

Формы род.-вин. ед. мин*я*, ти*бя*, си*бя*, дат. т*ибе́*, с*ибе́* (=тебя, тебѣ...).

Формы род.-вин, ед. прилагательн. и мѣстоименій на *во*, *о́ва*, *ыва*, *ива*: јиво, сли*пова*, до́бр*ыва* (=его, слѣпого, добраго).

Формы род. и вин. ед. женск. р. на *ё*, не на *е*: јиё, сымаё (=ее, самое).

Формы им.-вин. множ. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій на *и*, иногда ударяемое: до́бры*и*, бальшы*и*, ма*и́* (=мои); но фс*е*, т*е*, ан*е́* (=всѣ, тѣ...).

Формы род. мн. муж. р. именъ сущ. мягкаго склоненія на *е́й*: рубл*ей*, граш*ей*; послѣ *ц* — на *о́фъ*, *ыфъ* (=евъ); купц*о́фъ*, ме́сиц*ыфъ*; формы род. мн. женск. р. никогда не имѣютъ окончаній *о́фъ*, *ыфъ*.

Формы 3-го л. ед. и мн. на *тъ*: идё*тъ*, иду*тъ* (но ес*ть*, вѣс*ть*), съ сохраненіемъ древнихъ шипящихъ: пи*ч*отъ (=печетъ), *жж*ётъ.

Формы 2 л. ед. и мн., 1 л. мн. изъявит. накл. съ *о* при удареніи: идёшъ, ид*ёти*, идёмъ, при чемъ ф. 1 л. мн. всегда имѣетъ окончаніе *мъ*.

Формы повелит. накл. 1-го л. мн. ид*ё*мъ, ид*и*ти и т. п.

Формы неопред. накл. на *ть* (рѣдко на *ти́*: ит*ти*, вис*ти*).

Формы возвратнаго залога на *са*, *съ*, *ца*: скажу*са*, скажу*съ*, скажут*ца* (=скажуся, скажусь, скажутся).

Подведемъ и т о г ъ. Нашъ говоръ можетъ быть названъ умѣренно акающимъ. Открытыя *а* и *о*, требующія сильнаго движенія губъ, употребляются у насъ лишь подъ удареніемъ; неударяемое *а* (неударяемаго *о* у насъ нѣтъ) произносится нами какъ нѣсколько закрытое *а*, слѣдовательно, съ сравнительно слабымъ движеніемъ губъ, и слышится неособенно часто. За то у насъ въ большомъ употребленіи звуки *и*, *ы* и глухой близкій къ *ы*, произносимые почти безъ двиганья губами. Въ виду этихъ и другихъ особенностей нашъ говоръ можетъ быть причисленъ къ числу л е г к и х ъ для рѣчи. Употребляющіе его, начиная съ Ломоносова, находятъ его п р і я т н ы м ъ для слуха; но обиліе *ы* и глухаго близкаго къ *ы* едва ли можетъ производить на свѣжій и развитой слухъ пріятное впечатлѣніе, и потому, можетъ быть, болѣе правы наши окающіе сѣверяне, которымъ не нравится наша «высокая», какъ они выражаются, рѣчь (мы говоримъ, по ихъ мнѣнію, «свысока»).

Если мы обратимся къ московскому простонародному и п о д м о с к о в н о м у говору, то увидимъ, что никакихъ звуковыхъ особенностей онъ не имѣетъ. Главное отличіе его отъ нашего говора — въ формахъ и словарномъ матеріалѣ.

Московское и подмосковное простонародье употребляетъ всѣ формы и огромное большинство словъ, которыя мы употребляемъ, но сверхъ ихъ, имѣетъ еще рядъ формъ и словъ, которыя намъ извѣстны, но которыя мы считаемъ вульгарными. Это формы: им.-вин. мн. *ма́е* (=мои), *тва́е*, род. мн. *рублёфъ*, *бара́нкыфъ* (рядомъ: бара́нкыкъ), д ё н ъ, с а ж о́ н ъ (=дней, сажень), да ке́ихъ поръ, повелит. н. п а л о́ ш ь (=положи), п а л о́ ш т и, н и т р о ш ь (=трогай), с л ы ш ь, наст. времени х о ш ь (=хочешь); это слова: пужа́ть, пуща́ть, жа́литца, убе́чь (=убѣжать), встре́тца (=встрѣтиться), сусе́тъ, убі́йвицъ, е́фтотъ, но́нича, тапе́рича, да́вя, ту́тытка, дарма́, во́ (=вотъ), аттэ́дыва и т. п. Не безъинтересно замѣтить, что большая часть нынѣшнихъ вульгарныхъ формъ и словъ были въ употребленіи у всѣхъ Москвичей не только XVII в. (напримѣръ, у царя Алексѣя Михайловича), но даже XVIII в.; они встрѣчаются болѣе или менѣе часто въ литературномъ языкѣ писателей XVIII в. Очевидно, наша интеллигенція утратила эти слова не ранѣе конца XVIII вѣка.

Нашъ умѣренно акающій говоръ не обладаетъ значительною территоріею. На сѣверѣ отъ Москвы, гдѣ не слышится оканья, на югѣ, на юго-востокѣ и на западѣ Московской губ. уже появляются особенности говоровъ сильно акающихъ. Говоръ С е р п у х о в с к а г о и В е р е й с к а г о уѣздовъ имѣетъ большее количество случаевъ употребленія неударяемаго *а*, чѣмъ подмосковный: по̀л*я*, мо̀р*я* (им.-вин. ед., постоянно); сверхъ того, въ нихъ древнее твердое *к* въ концѣ нѣкоторыхъ именъ и нарѣчій, передъ *а* и *у*, замѣняется мягкимъ: Ва̀нь*кя*, капе́й*кя*, чі̀й*кю*, толь*ки* (откуда иногда мягкое *т*: Вань*тя*); появляются формы род.-вин. *мине́*, *тибе́*, *сибе́* (рядомъ съ мина̀), дат. *та*бе́, *са*бе́ (рядомъ съ *ти*бе́), род.-вин. *іе́* (рядомъ съ *јие́* = ее), 3-го л. идё*ть*, иду*ть*, возвратн. залога скажу*си*, скажы*сси* (рядомъ съ —*са*), мѣстоименіе 3-го лица иногда звучитъ *ё н ъ*, *ј и н а́*, *ј и н о́*. Говоръ сѣверныхъ частей Тульской и Калужской губ., вѣроятно, ничѣмъ или почти ничѣмъ не отличается отъ говора юга Московской губ. Но далѣе начинаются сильно акающіе говоры.

С и л ь н о а к а ю щ і е говоры, имѣя нѣкоторыя отличія другъ отъ друга (на которыя мы укажемъ ниже), въ общемъ представляютъ одно цѣлое, занимающее почти всю Калужскую, почти всю Тульскую, едва ли не всю Рязанскую, всю Тамбовскую, всю Орловскую, всю Курскую, всю Воронежскую губ. [1]), весь вр. югъ, отчасти востокъ и западъ (о нихъ у насъ недо-

[1]) Мы говоримъ, конечно, только о вр. частяхъ.

статочно свѣдѣній). Особенности этихъ говоровъ, повторяющіяся въ большинствѣ ихъ,—слѣдующія.

Гласные неударяемые. Мѣсто нашего неударяемаго *а* занято тоже *а*, но болѣе открытымъ, рѣзкимъ, произносимымъ отчетливо, непріятно для нашего слуха. Этотъ послѣдній звукъ слышится также на мѣстѣ нашихъ *и* и глухаго близкаго къ *ы*—послѣ j, мягкихъ согласныхъ, шипящихъ и *ц*: 1) въ слогѣ передъ ударяемымъ твердымъ слогомъ: п*я*тòкъ, ч*а*сы̀, ш*а*гàть, ц*а*нà, пир*я*хòтъ, ц*я*рò, в*я*зỳ, а нерѣдко и въ томъ же слогѣ передъ ударяемымъ мягкимъ слогомъ: ш*а*гѝ, па ц*а*нѐ, в*я*злѝ, б*я*рѝтя, н*я*вѐста (= в*е*зли....); 2) въ слогѣ послѣ ударенія: скỳш*а*ла, пѐр*я*тъ (= передъ), тѐр*я*мъ, въ тѐр*я*ми; 3) въ концѣ словъ: пòл*я*, мòр*я*, скарѐ*я*, на вòз*я*, бярѝт*я*, скàч*а* (= скачетъ), игрà*я*. Иногда *а* является даже на мѣстѣ древняго неударяемаго *и*: бàр*я*нъ (= баринъ), вид*я* (видитъ). Вслѣдствіе этого употребленіе неударяемыхъ *и* и глухаго *ы* здѣсь ограничено; эти гласные всего чаще слышатся во 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ: j*и*равòй, п*и*тачòкъ, т*ы*рапѝть, з*ы*хатѐлъ, и то не всегда (можетъ быть и *я*равòй, п*я*тачòкъ, з*а*хатѐлъ), но *и* (послѣ *ж, ш, ц—ы*) сравнительно нерѣдко въ слогахъ передъ и послѣ ударенія при слѣдующемъ мягкомъ слогѣ: в*и*злѝ, н*и*вѐста, ж*ы*лѐть, игрà*и*ть, слыш*ы*ть (3 л. ед.), и въ концѣ словъ (особенно послѣ гортанныхъ): на бѐряг*и*, въ скаск*и* (сказкѣ).

Неударяемое *у* приближается къ *в*, и на оборотъ, является на мѣстѣ *в*: *в*кралъ (= укралъ), *в*ъ атцà (=у—), *у* гòратъ, *у*мѐсти, *ув* афсѐ (=въ овсѣ).

Согласные. Конечныя губныя (особенно *п* и *ф*) звучатъ постоянно твердо: гòлу*п*ъ, любò*ф*ъ, даже се*м*ъ.

Гортанное *г* передъ гласными произносится или болѣе часто, чѣмъ у насъ, или даже постоянно какъ *h*.

Гортанное *к* передъ *а* и *у* въ концѣ словъ (особенно уменьшительныхъ), всего чаще при предъидущемъ мягкомъ согласномъ или *j*, звучитъ не твердо, какъ у насъ, а мягко: Вàнь*кя*, капѐй*кя*, бабуш*кя*, бабуш*кю*, толь*кя* (откуда иногда мягкое *т*: Вань*тя*).

Шипящія *ж* и *ш* при удвоеніи звучатъ всегда твердо: ви*жжу*, во*жжы*, *шш*ука, *шш*адить.

Между формами въ сильно акающихъ говорахъ распространены формы род.-вин. мин*é*, тиб*é*, дат. т*а*бѐ, с*а*бѐ, род.-вин. і*é*, я*é* (= её); формы род. ед. прилагат. и мѣстоим. не только на *в*ò, *ò*ва, *а*ва, но и на *h*ò, ò*h*а, а*h*а: я*h*ò, ча*h*ò, дòбра*h*а; 3-го л. ед. и мн. на *тъ* и безъ *тъ*: ид*ё*тъ или ид*е*тъ, ид*ё* или ид*е*, вѝдя*тъ* и вѝд*я* (=видятъ), съ гортанными вмѣсто шипящихъ: пя*к*ёть, пя*к*ѐть; возвратнаго залога на *си* (рядомъ: *ся*, рѣже *са*): скажу*си*, скàжут*си*.

Остановимся на отдѣльныхъ говорахъ сильно акающаго центра и отмѣтимъ въ нихъ то, что уклоняется отъ сдѣланной нами характеристики или не вошло въ нее.

О говорахъ Калужской губ. мы имѣемъ крайне мало свѣдѣній.

Мосальскій уѣздъ, кажется, не отличается никакими выдающимися особенностями говора. Отмѣчены: м*а*ладёшинька, н*я* пьётъ, бирѝт*я*, свѝт*и* = цвѣты, в*и*нòкъ, б*и*рёза, *у* вм. *в*, мягкость *к*, твердость двойнаго *ш*, формы род. мин*é*, 3 л. на *ть:* ид*ёть* [1]).

Относительно говора Жиздринскаго у. мы знаемъ лишь то, что въ немъ есть мѣна *у* и *в*.

Наблюдатель указываетъ, что «въ произношеніи Мосальскаго у. и западной части Жиздринскаго замѣтно вліяніе Бѣлоруссіи» [2]).

Наши свѣдѣнія о говорахъ Тульской губ. болѣе обширны.

Около Тулы и у мѣщанъ самой Тулы аканье сильно: п*я*тòкъ, в*я*зỳ, ч*а*сы̀, ж*а*нà, н*я* знàю, дòбр*ай*, даже: м*я*тёть, б*я*рёза, з*я*лёнай, падѝт*я* (пойдите), х*а*рашò, т*а*рапѝть, м*я*лòй (милый), н*я*чавò (ничего); но: б*и*рèчь, *и*щò, с*и*чàсъ, ч*и*сàть, кàм*и*нь, ч*и*лавѣкъ, на вòз*и*, въ скàск*и*, на бèриг*и*, т*ы*рапѝть [3]). Конечныя *п* и *ф* здѣсь еще могутъ быть мягки: кара*пь*, любо*фь*; *г* = *h* чаще, чѣмъ у насъ, но не постоянно: на биря*h*ỳ (отсюда: бèря*хъ*, удрỳ*хъ*, но*хъ*); формы мин*я*, тиб*я*, іѐ, ча*в*ò, дòбра*в*а, ф. 3 л. ед. на *ёть* и *ё*, *ить* и *я*: пь*ёть*, жг*ёть*, пьё, игрà*ить*, игрà*я*, даже хòд*я*. Формы возвр. з. на *си* не отмѣчены. Можно указать еще на *а* вмѣсто *ое*: м*а*вò, тв*а*вò (род.), на *ф* вмѣсто *хв*: *ф*остъ, *ф*òростъ, на *х*, *хф* вм. *ф*: *х*рунтъ, *х*ранцỳсъ, *Хф*ёдаръ, на ф. сравнительной степ. на *я́я* (иногда): скар*яя*. [4])

Въ сосѣднемъ съ Тульскимъ Кропивенскомъ уѣздѣ говоръ почти тотъ же, что въ Тульскомъ. Только формы род. ед. звучатъ ча*h*ò, дòбра*h*а, ф. 3 л. ед. пь*еть* (съ *е*, не съ *ё*); другія формы настоящ. вр.: пь*е*шъ, пь*е*мъ,

---

1) Р. Филол. Вѣстн. 1879 г. № 1, стр. 98.

2) Матеріалы для географ. и стат. Россіи (Кал. губ.). Отмѣтимъ кстати мѣстныя названія жителей. Жители западной части Мосальск. у. Калужск. губ. и Брянскаго и Трубчевскаго у. Орловской извѣстны подъ именемъ полѣховъ, а жители вост. ч. Мосальскаго у. наз. поляне (Мат. для геогр. и стат. Р. Кал. губ.; Очерки Россіи, Пассека, IV).

3) Наблюдатель говоритъ: «въ Тульскомъ уѣздѣ неударяемое *я* почти никогда не переходитъ въ другіе звуки: напротивъ, существуетъ какое-то особенное тяготѣніе къ этому звуку» (Р. Филологич. Вѣстн. 1883 г. № 3, стр. 28) Говоръ тульскихъ мѣщанокъ еще недавно былъ пѣвучимъ. «Нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ слышать разговаривающихъ между собою здѣшнихъ женщинъ. Одни слова они повышаютъ и тянутъ, другія понижаютъ и скрадываютъ» (Глаголевъ, Записки р. путешественника, съ 1823 по 1827 г. Спб. 1837, I, 28).

4) Р. Фил. В. 1880 г. № 2, 1883 г. № 3.

пье́тя; отмѣчено употребленіе ф. дат. мн. въ значеніи твор.: бить нагáмъ. Замѣна *хв* через *ф* здѣсь неотмѣчена [1]).

О говорѣ Новосильскаго уѣзда наши свѣдѣнія скудны. Отмѣчено, рядомъ съ употребленіемъ *я* въ *ля*пёшка, зна́*я*, люб*я*, вид*я* (3 л. ед.) и т. п., частое употребленіе *и*: *р*и́бина, ч*и*сóвня, ч*и*пра́къ, *р*идавóй. Отмѣчены также ф. дат. и мѣстн. съ древнимъ свистящимъ: на парó*зи*, въ каба*цé*, на вéр*си*, и ф. дат. *тае́*, *сае́* (= тебѣ, себѣ) [2]).

О говорѣ Бѣлевскаго уѣзда мы узнаемъ лишь то, что въ немъ есть замѣна *в* через *у*: *у* Тулѣ [3]).

Изъ говоровъ Орловской губ. мы имѣемъ немного свѣдѣній о говорахъ Елецкаго, Ливенскаго и Малоархангельскаго уѣздовъ.

О говорѣ Елецкаго у. наши свѣдѣнія скудны. Наблюдатель указываетъ на сильное аканье: б*я*жа́лъ, *Я*лéцъ, зна́*я*, вид*я* (3 л. ед.) [4]), на *у* вм. *в* и на оборотъ: *у*зя́лъ, *ув* Яльцу́, *в*шолъ (= ушелъ), *въ* батюшки, на мягкое *к*, твердость двойнаго *ш*, формы 3 л. без *ть* (пайдё), ф. возвр. з. на *си*. Онъ отмѣчаетъ еще одну «важную» черту—мягкое *л*, «слышимое особенно въ женскомъ говорѣ» и близкое къ франц. *l*: приш*ла*, бы*ла* [5]).

О говорѣ Ливенскаго у. мы знаемъ менѣе. Въ немъ отмѣчены только *у* вм. *в* и на обор., твердое двойное *ш*, формы 3 л. на *ть* (идё*ть*). Аканье его едва ли принадлежитъ къ числу особенно сильныхъ: ж*ы*на [6]).

Говоръ Малоархангельскаго у. принадлежитъ къ числу очень сильно акающихъ. Въ немъ отмѣчены *у* вм. *в* и на обор., формы род. ед. на *во*: *яво*, дат. тибé, 3 л. ед. идё*ть*, сикё*ть*, 2 л. мн. идётя, возвр. з. на *си* (рядомъ съ ф. на *са*) [7]). На мягкость *к* нѣтъ указаній.

---

1) Р. Фил. В. 1880 г. №№ 2 и 4, 1883 г. № 3. Наблюдатель характеризуетъ кропивенскій говоръ: «произношеніе словъ бываетъ грубое и рѣзкое».

2) Этнограф. Сборникъ II, 94.

3) «Бѣлевское нарѣчіе, удаляясь отъ правильнаго тульскаго, приближается болѣе къ калужскому и отличается особеннымъ употребленіемъ предлоговъ, своемѣстнымъ выговоромъ словъ, незамѣтныхъ въ другихъ областныхъ нарѣчіяхъ. Въ короткомъ и звучномъ произношеніи мужчинъ слышно всегда грубое *о* и рѣдко встрѣчаются мягкіе тоны. Бѣлевецъ въ быстромъ, почти всегда визгливомъ выговорѣ звукъ *въ* превращаетъ въ *у* и всегда говоритъ: былъ *у* Тулѣ. Такъ только говорятъ люди средняго класса. Въ выговорѣ поселянъ Бѣлевскаго уѣзда замѣтно болѣе пріятности и очень рѣдко можно встрѣтить людей съ городскими тяжелыми словами». Маякъ 1843 г., кн. 16, стр. 56 (смѣсь).

4) По его словамъ, во всемъ уѣздѣ выговариваютъ по-московски на *а* и весьма рѣзко.

5) Стаховичъ. Исторія, этнографія и статистика Елецкаго у. М. 1858 (то же въ Вѣстн. Имп. Р. Геогр. Общ., ч. 25). Такое же *л* и тоже въ женской рѣчи, говорятъ, слышится въ Казанской губ.

6) Матеріалы въ «Сказкахъ» Аѳанасьева, 1-е изд., вып. 3-й.

7) Матеріалы въ «Пѣсняхъ» собр. Якушкинымъ и въ «Калѣкахъ» Безсонова.

Съ говорами Курской губ. мы сравнительно хорошо знакомы.

Говоръ Щигровскаго у. принадлежитъ къ числу очень сильно акающихъ (*бя*рёза, на нявѣст*я*, вйд*я*, 3 ед.). Глухой *ы* въ немъ большая рѣдкость и является иногда лишь во 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ (т*ы*рапйть, з*ы*латой); неударяемое *и* на мѣстѣ древнихъ *я*, *е* употребляется тоже не часто или во 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ (п*и*лянà), или послѣ ударенія (акòш*и*чка, на бумàг*и*); конечное *п* обыкновенно твердо: гòлу*пъ*; вмѣсто конечнаго *ф*—твердое *в*: кро*въ* (= кровь); *г* постоянно = *h*; *хв* и *х* постоянно вм. *ф*: *Хв*ёдаръ; формы род. на *во*: *явò*; ф. дат. и мѣстн. иногда съ древними свистящими: на дарò*з*я, на ру*ц*ѐ; ф. 3 л. од. няс*е́ть*, пякё*ть*, няс*е́ть*, няс*е́*; при ф. возвр. з. на *си* нерѣдки ф- на *ся* (не *са*) [1]).

Въ Тимскомъ [2]) и Старооскольскомъ [3]) уѣздахъ говоръ тотъ же, что въ Щигровскомъ. Въ Старооскольскомъ отмѣчены ф. род. на *hо*: *ягò*, и ф. 3 л. на *еть*.

Въ Обоянскомъ и Суджанскомъ у. глухой *ы* совсѣмъ неизвѣстенъ (т*ы*рапить), но *и* на мѣстѣ *я*, *е* очень распространено, такъ что рядомъ съ с*я*стрà, б*я*рёза, бàб*я* (дат.)—слышится с*и*стрà, б*и*рёза, у пол*и*. Другія особенности тѣ же, что въ Щигровскомъ у. Можно отмѣтить только ф. род. на *hо*: *ягò*, дòбра*га*, *тіе́*, *сіе́* (= тебя, себя), дат. *тае́*, *сае́* (= тебѣ), дат.-мѣстн. ед ж. р. бяды̀, на рякѝ, а блахѝ, мѣстн. муж.-ср. р. на *у*: абъ Якаву̀, при Иван*у̀*, на канцу̀, при грашу̀, абъ сяну̀ (отъ сѣно), ув акну̀ (рядомъ: на канѝ, абъ рублѝ), 3 л. ед. нис*е́ть*, лг*еть* и нис*е́*, 2 л. нис*е́*шъ, нис*е́*тя (съ *е*), 3 л. мн. стаѝ, спишà (но: нясу*тъ*). Сверхъ того, здѣсь слышны ф. дат.-мѣстн. женск. р. на *эй* (вм. *ой*): т*эй*, адн*эй* [4]).

О говорѣ Новооскольскаго у. можно сказать, что онъ занимаетъ среднее мѣсто между говоромъ Щигровскаго у. и говоромъ Обоянскаго. Глухой *ы* въ немъ неизвѣстенъ; *и* вм. *я*, *е* нерѣдко: нач*и*вàть, л*и*тàть, тыс*и*ча. Но формы *тіе́*, *сіе́*, *тае́*, *сае́* также неизвѣстны (вмѣсто нихъ *тибе́*, *табе́*). Ф. род. имѣютъ оконч. *hо* : *ягò*, но рядомъ отмѣчена форма зилянò*ва*; ф. 3 л. нис*е́*ть и нис*е́*, 2 л. нис*е́*шъ, 3 л. мн. спиш*а̀* и иду*ть*, возвр. з. на *си* и на *ся*. [5])

---

[1]) Матеріалы, прекрасно записанные, въ Р. Филол. Вѣстн. 1879 г. и слѣд. Описаніе говора тамъ же 1879 г. № 2.

[2]) Матеріалы въ «Трудахъ Курскаго Губ. Статистич. Комитета», вып. I, Курскъ, 1863.

[3]) Филологич. Зап. 1867 г.

[4]) Матеріалы и описаніе въ «Трудахъ Курск. Г. Стат. Ком.», вып. I. Р. Филол. В. 1889 г. № 1; Этнограф. Сб., V. О «саянахъ» (какъ называютъ жителей Об. и Судж. у., отъ дат. *сае́*?) см. также ст. Добротворскаго въ Вѣстн. Евр. 1888 г. № 9.

[5]) Р. Филол. В. 1884 г. № 2.

Говоръ Бѣлгородскаго у. принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. Аканье его очень близко къ аканью предъидущаго говора. Глухаго *ы* почти нѣтъ (только послѣ шипящихъ: ж*ы*на); *и* вм. *я, е* нерѣдко. Формы род. мин*é*, тиб*é*, *иво*, сва*во*, дόбра*ва*; ф. дат. т*и*бѐ, 3 л. на *тъ*, возвр. з. на *сы*: запыталс*ы*, лажылс*ы*. Рядомъ съ этими вр. особенностями есть мр.: спорадическое неударяемое *о*: мо*ло*дѐцъ, гὸ*ло*с*о*мъ; спорадич. *и* вм. *ѣ*: къ жынѝ; спорадич. согл. звонкіе вм. глухихъ: дорὸ*ж*ка (рядомъ: па*т*ъ кустὸмъ) [1]).

Говоръ Путивльскаго у. также принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. Глухой *ы* неизвѣстенъ; *и* вм. *я, е* сравнительно часто: р*и*звὸй, д*и*вя̀тай (рядомъ, чаще: б*я*рёза, в*я*лѝкай). Формы род. на *hо*: ягὸ; ф. род.-дат.-мѣстн. ж. р. на *эй*: адн*эй*, свят*эй*, как*эй*, бальш*эй*; ф. дат.-мѣстн. ж. р. на *ы*: къ жан*ы*, на трав*ы*; ф. тв. мн. на *мы*: сань*мы*, слизà*мы*; ф. кр*ы*ю, м*ы*ю. Рядомъ съ этими великорусскими особенностями мы находимъ въ этомъ говорѣ черты малорусскія и бѣлорусскія. Таковы: спорадическое *и* вм. *ѣ*: с*и*яли=сѣяли, пагляд*и*ли; двойныя *л, н, д* и др. вмѣсто *ль, нь, дь*: на*лл*ю = на*ль*ю, вỳга*лл*я, замирѐ*нн*я; звонкіе въ концѣ и серединѣ словъ: го*д*ъ, гры*б*ковъ, слё*з*ки; *в* вм. *л* въ ф. прошедш. вр.: да*в*ъ=далъ; ф. 3 л. ё*сть*=есть. [2])

Наши свѣдѣнія о говорахъ Рязанской губ. отличаются необыкновенною скудостью. Несомнѣнно, эти говоры — сильно акающіе (даже сѣверные).

Мы имѣемъ данныя только о говорѣ Раненбургскаго у., въ южной части губерніи. Онъ имѣетъ глухой *ы* во 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ послѣ ударенія: т*ы*рапить, пὸ м*ы*рю (также ж*ы*лѐть); въ немъ обычно *и* передъ удареніемъ и послѣ ударенія: б*и*рёза, в*и*злѝ, с*и*стрà, кам*и*нь, скàзыва*и*ть, на вὸз*и*, на бериг*и*, рядомъ съ с*я*стрà, *я*вὸ, ч*а*тыри, игра*я* (3 л.). Мѣна *у* и *в* ему чужда; твердость двойнаго *ж* также (ви*жж*ю); но *г* = *h* (постоянно); вмѣсто мягкаго *к* — мягкое *т*: Вань*тя*; двойное *ш* твердо. Формы род. звучатъ *ué*, *яé*, *яво*, дόбры*ва*; ф. 3 л. ед. — прид*ётъ* и придё (ф. 3 л. мн. безъ *тъ* нѣтъ); ф. возвр. з. оканчиваются на *си* и на *ся* [3]).

Въ говорѣ Данковскаго у. отмѣчены только мягкость *к* въ чай*кю* и т. п. и ф. 3 л. на *тъ*: прид*éтъ* [4]).

---

1) Тамъ же 1882 г. № 1. О «курскомъ нарѣчіи» (такъ авторъ называетъ говоры всей Орловской, Курской и юго-зап. частей Калужской и Тул. губ.) см. интересную ст. Васьянова въ «Очеркахъ Россіи» Вад. Пассека, вып. IV. М. 1840. Матеріалы на одномъ изъ курскихъ говоровъ въ Р. Фил. В. 1879 г. № 1, на другомъ—въ «Сказкахъ» Аѳанасьева.

2) Р. Фил. В. 1886 г. № 4.

3) Матеріалы, скудные, въ «Калѣкахъ» Безсонова.

4) Пам. книжка Рязанск. губ. на 1868 г., ст. Ермакова; Жив. Старина 1891 г. IV, ст. О.П. Семеновой.

Мы не богаты свѣдѣніями и о говорахъ Тамбовской губ.

Въ сѣверной ея части, въ Кадомскомъ уѣздѣ, слышится (мѣстами?) очень сильное аканье: *та*рапи̂ть, *ча*тыр*я*, *я*що, н*я* увидя*я*, бу̂д*я* (3 л.), вмѣст*я*. Но есть и *и* передъ ударяемымъ мягкимъ слогомъ: б*и*рёза. Кромѣ того, здѣсь отмѣчены мягкость *к*, формы род. ме́, *яһ*о̂, 3 л. придо́. Мѣстоименіе *что* звучитъ *що* [1]).

Говоры Шацкаго и Тамбовскаго у. акаютъ слабѣе: п*я*то́къ, пи*ря*хо́тъ, но б*и*рёза, н*и*ве́ста. Глухой извѣстенъ: т*ы*рапи̂ть. Отмѣчены еще формы род. миня̂, тибя̂, іо́, возвр. з. на *си*. Ф. 3 л., повидимому, оканчиваются на *тъ* [2]).

Одинъ изъ говоровъ Липецкаго у., кажется, тожественъ съ тамбовскимъ. Рядомъ съ п*я*то̂къ, биригёт*я* (2 л. мн.), здѣсь часты глухой *ы* (т*ы*рапи̂ть, титѐрьк*ы*ю, твор.) и *и* (б*и*рёза, па прѐжн*и*му). Отмѣчены формы род. миня̂, іо̂, 3 л. ед. на *ть* и безъ *ть* (нисё*ть* и ё=есть), возвр. з. на *си*. Мѣстоименіе звучитъ *що*. Мѣны *у* и *в* и мягкаго *к* повидимому нѣтъ.— Другой говоръ того же у. акаетъ сильнѣе: б*я*рёза, н*я*бѣсная, б*а*га́тай, а́нь*я*лъ, злоб*ы*ю, игр*а́я*, убѣйт*я*, даже: иж*ж*а́р*я*нъ (рядомъ: ѐнт*ы*ва, род.). Отмѣчены мягкость *к*, твердость двойнаго *ш* и ф. род. *яв*о̂. Мѣстоименіе звучитъ *що* [3]).

Воронежская губ. занята Вруссами-переселенцами изъ разныхъ областей вр. нарѣчія. Названія селъ (напримѣръ, въ Воронежскомъ у.: Московское, Коломенское, Можайское, Мосальское, Данковъ) часто показываютъ, откуда вышли ихъ жители. Въ одномъ селѣ иногда живутъ переселенцы изъ разныхъ губерній. Отсюда большое разнообразіе мелкихъ чертъ въ говорахъ; говорятъ *яһ*о̂, *каһ*о̂ и *яв*о̂, *кав*о̂, бярёшъ и бяр*е*шъ, *што* и *що*. Отсюда насмѣшливыя прозванія, данныя жителями Воронежской губ. другъ другу: ягуны̂, кагуны̂, цуканы.

Сѣверъ Воронежской губ. едва ли отличается отъ юга Тамбовской.

Середина ея, уѣзды Нижнедѣвицкій [4]) и Бобровскій [5]), имѣетъ говоры очень близкіе къ сосѣднимъ говорамъ Курской губ.—щигровскому и староскольскому. Аканье здѣсь очень сильно: б*я*рёза, н*я*льзя̂, н*я* ездилъ, ве*с*ялъ, игра*я*, плач*а* (3 ед.), бяри̂т*я*, на во̂з*я*, въ астро̂г*я*, на маши̂н*я*, даже жану̂ маладу̂*я*. Глухой *ы*—очень рѣдокъ (т*а*рапи̂ть); *и* вмѣсто *я*, *е*—чаще: б*и*ре́за, н*и*ве́ста, зна*и*шъ, гр*и*бя̂то̂къ. Здѣсь отмѣчены *у* вм. *в* и на

[1]) Матеріалы въ «Сказкахъ» Аѳанасьева.

[2]) Матеріалы тамъ же (1-е изд., вып. 2).

[3]) Матеріалы тамъ же (вып. 2).

[4]) Воронежскій литературный Сборникъ, изд. Н. Гардениным. Вып. I. Ворон., 1861.

[5]) Филолог. Зап. 1885 г., ст. Прядкина.

об., *г* «вообще» произносимое какъ *h*, мягкость *к*, твердость двойныхъ *ж* и *ш*, формы род. *минé*, *тибé*, 3 л. ед. *нясéть* и нясё, пякё, возвр. з. на *си*.

Теперь передъ нами акающіе говоры великорусскаго юга и востока, на сколько мы ихъ знаемъ по наличнымъ скуднымъ даннымъ.

Говоръ городка Погара, Черниговской губ., принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. Аканье здѣсь очень сильное: б*я*рёза, маст*я*ръ, старш*аю* (вин. ед. ж. р.), игр*ая*, вид*я*, бярит*я*, т*а*рапить, причемъ глухой *ы* почти не употребляется, а *и* вмѣсто *я*, *е* сравнительно рѣдко (во 2-мъ слогѣ передъ удар. и въ концѣ словъ: у хат*и*). Здѣсь отмѣчены *у* вм. *в* и на оборотъ, формы род. тяб*é*, яё, *яhó*, свай*hò*, дат. с*а*бè и с*я*бè, 3 л. ед. нясè, сяд*ить* (по малорусски), и нѣсколько мало- и бѣлорусскихъ чортъ: звонкіе на мѣстѣ нашихъ глухихъ: ра*з*каза*въ*, *лл*, *нн* вм. *ль*, *нь* (куша*ння*), *в* вм. *л* (бы*въ*, жа*в*токъ=желтокъ, замо*в*кли=замолкли), префиксъ *з* вмѣсто *с*, *из* (*з*робить, *з*жарицца?), формы им. ед. муж. т*эй* (звѣрь), 3 л. *ёсть*, наст. вр. нашію=нашью, неопр. н. стере*г*ти, распраш*у*вать. Словарный составъ этого говора имѣетъ въ себѣ много мало- и бѣлоруссизмовъ [1]).

Въ восточной части Новгородсѣверскаго у. Черниг. губ. (близь границы Орловск. г.) говоръ одинъ изъ самыхъ смѣшанныхъ, однако болѣе вр., чѣмъ мр. Звуки *е*, *и* часто (не всегда) звучатъ мягко, смягчая предъидущій согласный, при чемъ вмѣсто *е* подъ удареніемъ слышится ё: тёплая хата, рэмённые гужи; *ѣ*=*е*. Аканье сильное: х*а*дити, пр*а*дати, м*ая*, п*а*лèно, т*я*лица, т*я*бè (род.), т*я*пèръ, ч*а*рнèти, кл*я*нóвые, но лишь передъ удареніемъ. А рядомъ много особенностей малорусскихъ: сохраненіе неударяемыхъ гласныхъ послѣ ударенія (а иногда и передъ удар.), сохраненіе звучныхъ согласныхъ (во*зъ* и т. п.), *дж* вм. *ж* (даха*дж*ати), *в* вм. *л* (да*въ*, во*в*къ), *зъ* и *одъ* вм. *съ, изъ, отъ*: *зъ* рòду, *з*за сталà. Сверхъ того, здѣсь *у* вм. *в*, *г*=*h*, формы род. на *hо* (свай*гó*), 3 л. ед. на *е* (по-мр.), возвр. з. на *са* (величать*са*), *що*=што. Этотъ «сѣверскій» говоръ слышится, кромѣ вост. части Новгородсѣв. у., еще въ сѣв. части Глуховскаго у. Черн. г., въ юго-вост. углу Трубчевскаго и въ зап. части Сѣвскаго у. Орловск. губ. [2]).

Говоръ слободы Трехъизбянской, Харьковской губ., Старобѣльскаго у., близь границы Екатеринославской губ., принадлежитъ къ числу сильно акающихъ. Главная часть жителей этой слободы—переселенцы XVIII в. изъ Бѣлгородскаго у.; другая часть—переселенцы позднѣйшаго времени изъ Обоянскаго, Валуйскаго и Нижнедѣвицкаго у. Здѣсь говорятъ не только п*я*тóкъ, ч*а*сы, игр*ая*, но также: б*я*рёза, п*я*тачóкъ, èзд*я*, вид*я* (3 ед.), т*а*рапить;

[1]) Матеріалы въ «Сказкахъ» Аѳанасьева.
[2]) Р. Филол. В. 1881 г. № 1.

впрочемъ *и* вм. *я*, *е* нерѣдко: б*и*рёза, з*и*лёнай. Здѣсь отмѣчены: *у* вм. *в*, формы род. минé *я*ѝ, 3 л. няс*еть* (съ *е*, не ё) и нясé, лит*я*ть и литя̀. У позднѣйшихъ переселенцевъ слышно *каё* и *що*-что [1]).

О донскихъ говорахъ мы почти ничего не знаемъ. Донцы-верховцы, говоритъ наблюдатель начала нашего столѣтія, «изъ той части Россіи, гдѣ говорятъ яго, чаго и подобныя имъ»; ихъ дразнятъ названіемъ чига. Донцы-серединцы — «изъ тѣхъ россіянъ, гдѣ разговоръ подходитъ къ правильному русскому» [2]); у нихъ господствуетъ «рязанскій говоръ» [3]).

То же мы должны сказать о вр. говорахъ сѣвернаго Кавказа. Жители станицы Темижбекской, Кубанской обл., переселенцы изъ Бахмутскаго у. Екатеринославской г., имѣютъ сильное аканье: п*я*тòкъ, н*я*сỳ, б*я*рёза, грà*я*, вѝд*я* (3 л.), ту*я* ризу (вин. ж. р.), съ употребленіемъ глухаго *ы* во 2-мъ слогѣ передъ уд.: т*ы*рапѝть, к*ы* рикѝ, и *и*: іё, *и*шо (еще). Здѣсь отмѣчены: *у* вм. *в* и на об., мягкость *к*, твердость двойныхъ *ж* и *ш*, формы род. мин*é*, тиб*é*, іé, *яво*, св*аво*, 3 л. на *ть* и безъ *ть*: нясё*ть*, нясё [4]).

О жителяхъ великоруссахъ другихъ мѣстъ Кубанской обл. мы знаемъ лишь то, что они переселились изъ Елецкаго у., изъ Нижнедѣвицкаго у., изъ Курской губ., съ Дону [5]).

У жителей Терской обл. отмѣчены *у* вм. *в* и на об., формы род. на *во* [6]).

Акающіе говоры сѣвернаго Поволжья — Нижегородской, Казанской, Пензенской и Симбирской губ. принадлежатъ переселенцамъ изъ разныхъ мѣстъ вр. центра, занявшимъ свои мѣста въ разное время, начиная съ XVII в,, и смѣшавшимся съ переселенцами изъ-за Волги [7]). Отсюда въ ихъ говорахъ не рѣдкость особенности сѣверно-великорусскія, особенно мѣна *ц* и *ч*.

О говорѣ Ардатовскаго у. Нижегородской губ. мы можемъ ска-

---

[1]) Этнограф. Сб., III.

[2]) Чтенія Общ. ист. и др. 1863 г. кн. 3.

[3]) Савельевъ, Сборникъ донскихъ народныхъ пѣсенъ. Спб., 1866 г., стр. 11. О донцахъ-низовцахъ мы здѣсь читаемъ: «ихъ не трудно отличить по говору, въ которомъ малороссійскія слова, подъ вліяніемъ мягкаго рязанскаго говора, получили своеобразный характеръ; да и всѣ другія слова выговариваются здѣсь до приторности мягко».

[4]) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. III, Тифлисъ, 1883.

[5]) Тамъ же, вып. VI.

[6]) Матеріалы въ Терскомъ Сборникѣ (приложеніе къ «Терскому Календарю» на 1891 г.), вып. I. Владикавказъ, 1890.

[7]) Шестьдесятъ лѣтъ назадъ юго-зап. часть Лукояновскаго у. Нижег. губ. состояла изъ двухъ деревень, а въ 1869 г.—изъ 14. Новыя деревни выведены изъ Орловской, Пензенской, Тамб., Нижегородской губ., изъ другихъ частей того же уѣзда (Нижегор. Сборникъ, II, Н.-Новг., 1869). Переселенцы съ сѣвера были даже въ Тамбовской губ. Такъ, село Ново-Кирилловское, Спасск. у., основано въ XVII в. крестьянами изъ Бѣлозерскаго и Пошехонскаго у. (Тамб. Губ. Вѣд. 1887 г. № 27).

зать лишь то, что аканье въ немъ едва ли не близко къ подмосковному: на дв*а*рѣ̀, п*а*ра̀, см*а*три̇̀ съ одной стороны и б*и*да̀, ба*и*тъ съ другой. Отдѣльныя слова могутъ имѣть сѣверное *о*: Іогòрій. Глагольныя формы иногда слышатся съ *а* вмѣсто *ае*: зн*а*шъ, падѣлыв*а*тъ. Мѣна *ц* и *ч* обычна: но*ц*ью, саба*ц*онка, на мельни*ч*ѣ, рыт*ч*а [1]).

Въ говорѣ Сергачскаго у. той же губ. тѣ же особенности. Глухое *ы* повидимому въ немъ довольно употребительно: минỳт*ы*чка; неударяемое *и*— также: п*и*тьсòтъ, н*и*дѐля, м*и*ня̀, н*и* дòлга, л*и*са̀ (рядомъ: п*а*д*а*йди̇̀ в*а*ивòды). Мѣна *ц* и *ч*: тыся*ц*ы, загуляит*ч*а. Форма род.-вин. *тія́*=тебя [2]).

Наблюдатель, сообщая свѣдѣнія о селѣ Ульяновкѣ Лукояновскаго у. Нижегор. г., даетъ понять, что въ этомъ селѣ «языкъ болѣе правиленъ и болѣе пріятенъ для слуха» [3]), чѣмъ въ другихъ селахъ того же у., слѣдовательно, болѣе близокъ къ подмосковному. Въ немъ отмѣчено: з*и*мля̀, дь*и*чòкъ, с*и*длò, гр*и*да̀, рядомъ съ ч*а*вò, ж*а*ва̀ть, даже х*а*рашò, ч*а*лавѐкъ. Но говоръ другихъ мѣстъ того же у., намъ извѣстныхъ, акаетъ не сильнѣе: *и*щò, гл*и*жỳ, с*и*лò, хр*и*ста̀ми (=крестами), п*и*р*и*забылъ, вы̀д*и*ти, встава̀йт*и*, рядомъ съ п*а* канѐцъ стала̀, аст*а*навѝлася̀, *я*мỳ, зилён*а*ва, малодинь*кай*, слугу вѣ̀рн*аю*, бỳйн*аю* гòлаву. Глухой *ы* здѣсь извѣстенъ: маладёх*ы*нька. На мягкое *к* нѣтъ указаній (напротивъ: малодинь*кай*, горь*кая*). Формы род. имѣютъ *в*: ка*во*. Замѣна *ч* черезъ *ц* широко распространена: клю*ц*ы, *ц*ужой, ве*ц*ыръ. Отмѣтимъ еще формы: всё *сво* дабро, так*а* тривога, м*а*вò [4]).

Одинъ акающій говоръ Курмышскаго у. Симбирской г. также принадлежитъ къ умѣренно акающимъ: д*и*вчòнка, тр*и*хнёмъ, в*и*сной, б*и*рỳтъ, в*и*за̀ть; но послѣ шипящихъ и *j* вмѣсто *и* въ слогѣ передъ удареніемъ является *а*: ж*а*нỳ, ч*а*вò, *я*вò, *я*мỳ. Глухой *ы* нерѣдокъ: я̀бл*ы*чк*ы*фъ (род.), мòшк*ы*фъ (отъ мошка). Стяженіе *ае* въ *а*: б*а*тъ, зн*а*тъ, м*а*мỳ, тв*а*мỳ, даже цалỳтъ (=цѣлуетъ), мòтъ (=моетъ). Формы род.-вин. *тія̀*, *сія̀* (=тебя, себя), дат. *тіе́*, *сіе́* (табе и сабе неизвѣстны). Формы 3 л. на *тъ*. Формы имен. мн. худэ̀и, прастэ̀и, друге́и, род. худэ̀хъ, дат. худэ̀мъ и т. д. Мѣны *у* и *в*, *ц* и *ч* здѣсь нѣтъ; мягкаго *к* также. Другой акающій говоръ того же у. (въ 2-хъ верстахъ отъ 1-го) имѣетъ болѣе сильное аканье: д*я*ла̀ и т. п. [5]).

Говоръ Лаишевскаго у. Казанской губ. принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. Наблюдатель даетъ намъ о немъ очень немного свѣдѣній, изъ которыхъ видно лишь то, что аканье этого говора умѣренное, съ частымъ

---

[1]) Русск. Филол. Вѣстн. 1879 г. № 2, стр. 161—162.
[2]) Тамъ же, стр. 154—155.
[3]) Этногр. Сборн., I, 35.
[4]) Р. Филол. В. 1879 г. № 2, стр. 155 слѣд.
[5]) Archiv für slav. Philol. X, 350.

употребленіемъ глухаго *ы* и *и*: с*ы*пагѝ, бстр*ы*фъ, сàх*ы*ру (даже вмѣсто *у*, во 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ: м*ы*жыкѝ, к*ы*лачѝща=м*у*жыки, к*у*лачище). Остатокъ оканья — *о* на мѣстѣ древняго *о* въ слогѣ передъ удареніемъ: сып*о*стàтъ, п*ы*ст*о*мѐля, сыд*о*мòйка [1].

О говорахъ Чистопольскаго у. той же губ. мы знаемъ очень немного. Одинъ изъ нихъ имѣетъ: гòл*а*съ, къ н*я*мỳ, л*я*тàть, лỳтч*а*, двò*я*, трѐт*яй* (имен.), даже к*а*латѝлса, рядомъ съ *и*щò, буд*и*тъ (=будетъ), на дарò*ги*, на свѐт*и*, вмѐст*и*, ден*и*къ (род.). Въ немъ можно отмѣтить: зн*а*шъ, зн*а*тъ (=знаетъ), научáтъ [2].

Говоры южнаго Поволжья намъ почти совсѣмъ неизвѣстны. Отмѣчено, что въ Енотаевскомъ у. Астраханской губ. обычны мѣна *у* и *в* и замѣна *ф* черезъ *хв* (*Хв*ока) и что мѣстоименіе въ немъ звучитъ *що* [3].

Обратимся на сѣверо-западъ. Въ Старицѣ, Тверской губ., по словамъ наблюдателя, «крѣпко звучитъ *а*: г*а*л*а*ва», слѣдовательно — говоръ сильно акающій [4].

Относительно западныхъ уѣздовъ Московской губ. [5] и великорусской части Смоленской мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній. Говоры этихъ мѣстъ, несомнѣнно, — болѣе или менѣе сильно акающіе.

Наши свѣдѣнія объ акающихъ говорахъ Псковской губ. очень недостаточны. Говоръ Псковскаго у. принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ, и рядомъ съ аканьемъ, довольно сильнымъ (г*а*варю̀, б*а*р*а*дà, к*ы*р*а*мыселъ) и *и* вм. *я*, *е* (т*и*лѐга, П*и*трà П*и*трòвича, п*и*кѐ, *и*нà=онà, дѐл*а*и, 3 ед.), здѣсь существуетъ оканье (*о*двà, *о*шшò, ёлòвый, ёмỳ), *у* вмѣсто неударяемаго *о* (к*у*рмилицъ, к*у*нёкъ) и *ц* вм. *ч* и на об. (*ц*ашка), а кое-гдѣ и *и* вмѣсто *ѣ* (мн*и*, теб*и*, н*и*ту). Затѣмъ отмѣчены: *в* вм. *у* (*в*ъ Ивана, *в*ъ залофки = *у*—), формы род. на *òва* (молодòва), дат.-мѣстн. ж. р. на избы̀, формы твор. мн. трё*мъ* мыла*мъ* вымывалася, съ горячи*мъ* слеза*мъ*, 3 л. ед. безъ *ть* (несё, пикё, любѝ), возвр. з. на *си* (јивѝл*си*=явился) [6]. Говоры южныхъ уѣздовъ

[1]) Р. Филолог. В. 1881 г. № 4; 1883 г. № 2.

[2]) Матеріалы въ «Ск.» Аѳанасьева.

[3]) Матеріалы тамъ же (1-е изд., вып. 3-й). Мы имѣемъ еще свѣдѣнія о крестьянахъ Бузулуцкаго у. Самарск. губ., что они «въ нѣкоторыхъ словахъ» произносятъ *дз* вм. *д*, *тц* вм. *ц*: *дз*ѣти, *дз*ѣвка, *тц*ебѣ, *тц*ерпѣ*ть* (при: *д*ѣл*ать*, бога*т*ѣ*ть*). Мы не знаемъ, окаютъ они, или акаютъ (Моск. Телеграфъ 1830 г., ч. 35, стр. 33).

[4]) «Записка о г. Колязинѣ» въ «Архивѣ» Калачова.

[5]) Матеріалы изъ Можайскаго у. въ «Калѣкахъ» Безсонова.

[6]) Псковской на 1871 г. Статистич. Сборникъ, Псковъ, 1871 (здѣсь, на стр. 108: «и въ этомъ уѣздѣ, какъ и во всей Псковской губ., есть много разности въ произношеніи словъ»). — Живая Старина 1891 г., III, стр. 202. Василевъ. Опытъ статистич.-географ. словаря Псковскаго у. Псковской губ. Псковъ, 1882. — «Р. нар. пѣсни» Шейна.

той же губ.—также смѣшанные, но сверхъ особенностей сѣверно-великорусскихъ, въ нихъ слышатся еще особенности бѣлорусскія. Аканье здѣсь очень сильно (*да*бро̀, *ба*р*а*да̀, в*я*сна̀, б*я*рёза, д*я*рѐвня, п*ири*л*я*тѐлъ, п*ир*я*шолъ, лашадина*я* сядло); есть мѣна *у* и *в*; кое-гдѣ *д* и *т* съ свистящимъ оттѣнкомъ; *ц* вм. *ч* (*ц*алавѐ*ц*ецкый, *ц*и*ц*авица); *и* вм. *ѣ* (спорадически); твердое двойное *ш*. Изъ формъ отмѣчены: кое-гдѣ имен. ед. муж. р. далг*ей*, бальш*ей*; род. мян*я*, тяб*я*, *яво̀*; твор. мн.=дат. мн. (на *мъ*); 3 л. ед. почти постоянно безъ *ть* (нисё, лежѝ, *е*, дѐла*я*, пи̇ш*а*) [1]).

Одинъ изъ говоровъ юга Псковской губ., говоръ погоста Морѝпчелки, Великолуцкаго у. (въ 30 верстахъ отъ В. Лукъ), извѣстенъ намъ болѣе подробно. Онъ сильно акаетъ (п*а*ду̀шка, *ага*ро̀тъ, н*я*вѐста, б*я*рѐза, тро̀*я*), причемъ, рядомъ съ *а* изъ *о*, послѣ ударенія встрѣчается и *у*: бярѐз*уй*, суда̀рышк*уй*, ра̀дыст*юй* (твор. ед.). Въ немъ употребительны глухой *ы* во 2-мъ слогѣ передъ удар. и въ 1-мъ послѣ ударенія: д*ы*рагой, з*ы*латой, суд*ы*рь, ра̀д*ы*сь, и *и*: д*и*рявѐньщина, вы̀м*и*ла. Затѣмъ отмѣчены: *у* вм. *в* и на об.: *у* го̀рыди, *въ* нас, *в*знать, *ув*есь; спорадическое *и* вм. *ѣ*: нявѝступка, здѝся; твердое *ф*: свякро*фъ*; *г=g*; *ц* и *ч* не смѣшиваются; формы: им. ед. муж. друг*ей*, дурн*эй*, талст*эй*, хренъ горьк*и*, пирокъ сла̀тк*и*, чѝст*и*; род. ед. ж. р. не минавать бяд*е́*, не адда̀мъ дачк*е́*, многа работ*и*; род. мин*е́*, тиб*е́*, до̀бры*ва*, ѐты*ва*; дат. т*а*бѐ, *са*бѐ; дат.-мѣстн. ж. р. въ избы̀, на горы; твор. мн.=дат. мн. са свай*мъ* съ трёмъ до̀чиря*мъ*; 3 л. на *еть*, съ *е*, не ё: идѐ*ть* [2]).

А. Соболевскій.

---

[1]) Жив. Ст. 1891 г. III, 203.

[2]) Жив. Ст. 1891 г., III, 207. Кое-что для знакомства съ великолуцкимъ говоромъ у Семевскаго, Историко-этнограф. замѣтки о Вел. Лукахъ и Великолуцкомъ у. Спб. 1857, и у Васильева, Опытъ геогр.-статист. словаря Псковск. губ., II, Великолуцкій у. Пск., 1881. Покойный славистъ Прейсъ говоритъ: «къ чистѣйшему бѣлорусскому нарѣчію принадлежитъ псковское нарѣчіе: оно менѣе испещрено заимствованіями изъ польскаго; его отличія, сравнительно съ великорусскимъ, заключаются главнѣйше въ слѣд.: вр. *д, т, і, ло, ѣ, въ*—пск. *дз, ц, тц, h, уо (во), и, у*» (изъ рукописныхъ замѣтокъ, хранящихся у В. И. Ламанскаго).

Балтійскіе Готы
и
Гута-сага [1]).

(Посвящается Аристу Аристовичу Кунику).

Афетово бо и то колѣно: Варязи, Свеи; Урмане, Готѣ, Русь...
Идоша за море къ Варягомъ къ Руси, сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свое, друзіи же Урмане, Анъгляне, друзіи Гъте; тако и си.

I.

Въ западной части Балтійскаго моря, на разстояніи 95 верстъ отъ береговъ Швеціи, лежитъ большой островъ Готландія, почти посрединѣ между Кольмарскимъ берегомъ съ запада и Курляндскимъ съ востока. Раздѣляя Балтійское море на два, почти равной величины, пролива, онъ сторожитъ путь на югъ изъ Россіи и Швеціи; за это издавна зовутъ его «окомъ Восточнаго моря» (Östersjöns öga).

Его известковая, прорѣзанная на югѣ песчанникомъ масса поднимается отъ 9 до 14 сажень надъ уровнемъ моря, обрываясь въ него острыми скалами (klintar). Посрединѣ вздымаются невысокія горы, острова́ того времени, когда площадь Готландіи была еще подъ водою. Тогда спустились на него съ Скандинавскихъ горъ толстые обломки гнейса, гранита и порфира, которые разбросаны по всему острову, мѣстами сплошь покрывая почву.

Не смотря на значительное пространство острова (122 версты длины, 3152 квадр. километровъ), на немъ нѣтъ ни озеръ, ни долинъ, ни рѣкъ, но есть много болотъ, мало по малу превращающихся въ торфяники и въ пахатную землю. Два-три ручья пропадаютъ въ известковой почвѣ, пересыхая лѣтомъ, и только по берегу моря попадаются ключи, на столько сильные, что безъ плотинъ приводятъ въ движеніе мельницы. Тамъ и сямъ торчатъ отдѣльныя скалы, которыя народъ зоветъ каменными великанами (stenjættar).

[1]) Этотъ опытъ представляетъ отрывокъ изъ неоконченнаго изслѣдованія автора о древнихъ сношеніяхъ Руси съ Скандинавами. Отсюда его недостаточная обработка. Перечень источниковъ читатели найдутъ въ книжкѣ W. Molér'a, Bidrag till en gotländsk bibliografi, Stockholm, 1890.

Но островъ далеко не представляетъ собою пустыни: онъ плодороденъ и отличается мягкостью климата. Въ его главномъ городѣ Визби съ удивленіемъ встрѣчаешь роскошныя тутовыя деревья и стѣны домовъ, сплошь увитыя плющемъ.

Его 53,000-ное населеніе—Шведы—занимается хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, обжиганіемъ извести и только въ Визби—торговлей. Островъ представляетъ полунезависимую страну съ собственнымъ войскомъ (nationalbevering), въ которомъ долженъ служить отъ 18 до 50 лѣтъ каждый гражданинъ. Зависимость отъ Швеціи выражается тѣмъ, что Готландія доставляетъ шведскому военному флоту 260 матросовъ.

Ея обособленное положеніе сохранило много древняго въ обычаяхъ, народной поэзіи и въ языкѣ, отличающемся обиліемъ двоегласныхъ. Путешественника поражаютъ тамъ 90 церквей съ стоящими вблизи нихъ четырехугольными башнями (kastaler), въ которыя укрывалось въ старину населеніе отъ непріятельскихъ набѣговъ.

Описаніе замѣчательныхъ памятниковъ готландской архитектуры, относящихся по большей части къ XIII вѣку даетъ Brunius. Русскіе читатели ознакомятся съ ними изъ интереснаго очерка С. В. Арсеньева, который путешествовалъ по Готландіи лѣтомъ 1890 года вмѣстѣ съ королевскимъ шведскимъ антикваріемъ Гильдебрандомъ и описалъ его архитектурные памятники.

Главный городъ острова, Визби (Visby), расположенный на берегу моря, на склонѣ горы Клинта, вышиною въ 14 саж., занимаетъ едва половину того пространства, которое въ XIII вѣкѣ охватывали его четырехъ-верстныя стѣны. Въ средніе вѣка въ немъ было болѣе 20000 жителей, въ 4 раза больше чемъ теперь.

Съ моря городъ, окруженный древними стѣнами, увѣнчанными 38 башнями, съ своими развалинами романскихъ церквей представляетъ рѣдкое по красотѣ и странное зрѣлище, точно обломокъ чужой, давно пережитой эпохи. Визби—городъ прошлаго, и его слава ушла въ даль вѣковъ, точно сѣрое, обманчивое море, которое далеко отошло отъ его старой гавани, превратившейся теперь въ песчаныя низины и сады. Его убило нашествіе Монголовъ на Россію и открытіе новаго пути на востокъ мимо мыса Доброй-Надежды.

А древняя исторія Готландіи заслуживаетъ того, чтобъ ее изучали. Этотъ островъ игралъ съ IX по XIV вѣкъ не громкую, но значительную роль торговаго посредника между востокомъ и западомъ, между Арабами, Новгородцами и Финнами съ одной, Скандинавами и западными Европейцами съ другой стороны. Но пересылая на западъ мѣха, воскъ, закамское серебро, византійское золото, вина и фрукты, арабскіе диргемы и ткани въ обмѣнъ на фряжскіе мечи, кольчуги и украшенія, Готландія передавала въ ту и другую

сторону техническія знанія, новые художественные стили, пѣсенные и сказочные сюжеты и, можетъ быть, религіозныя вѣрованія. Черезъ нее прошли на сѣверъ Норвегіи арабскіе вѣсы съ разновѣсомъ и индѣйская брошь, зарытая подъ руническимъ камнемъ старой Сигтуны. Быть можетъ, съ ея художественно изсѣченныхъ скалъ (Alskogs stenen и др.) попали въ заставки новгородскихъ рукописей точные снимки съ вырѣзанныхъ тамъ «драконовъ и змѣй, которые изъ своей пасти выпускаютъ древесную вѣтку, а хвостомъ перевиваютъ звѣрей, чудовищъ и человѣческія фигуры, руки и ноги которыхъ вплетены въ перевивы ремней и змѣиныхъ хоботовъ». Черезъ Готландію прошелъ къ намъ въ новгородскую лѣтопись изъ шведской пѣсни «поганый злый Дедрикъ изъ Бърна», взявъ въ обмѣнъ въ свою норвежскую Тидрикъ-сагу Илью русскаго, Илью Муромца русской былины. Не оттуда ли пришелъ къ намъ черезъ островъ Даго и черезъ прибалтійскія дебри свѣтлый Дажъ-богъ, богъ скандинавскаго дня, въ обмѣнъ на славянскую молнію—mjölni,—попавшую въ оружіе къ скандинавскому Тору? И навѣрно оттуда шли къ намъ варяжскіе попы, къ которымъ въ XII вѣкѣ носили дѣтей на молитву и которыхъ хоронили въ Кіевѣ въ особой варяжской пещерѣ.

Въ средніе вѣка Готландія была мѣстомъ борьбы пришлаго нѣмецкаго населенія съ туземцами и, можетъ быть, съ перебравшимися туда изъ разрушеннаго датчанами Юлина поморскими славянами. Судьба этихъ народностей въ Готландіи есть сколокъ той роли, которую играли они на аренѣ исторіи: здѣсь въ зачаточномъ видѣ можно наблюдать то же явленіе, которое въ грандіозныхъ размѣрахъ проявилось въ онѣмеченіи датскаго Шлезвига и почти всего западнаго славянства.

Наконецъ, для насъ русскихъ изученіе готландскихъ древностей особенно интересно и поучительно, такъ какъ оно можетъ пролить свѣтъ на связи древней Руси съ западомъ. Доставляя пріютъ и помощь русскимъ князьямъ, которымъ не посчастливилось на родинѣ, и присылая къ намъ конунговъ вродѣ Рогволода и Якуна, Готландія, съ ея русскимъ гостиннымъ дворомъ и русскою церковью, служила морской станціей русскимъ купцамъ, которые ходили оттуда въ Данію (1134 г.), Шлезвигъ (1157), Любекъ и въ шведскіе города: Нючёпингъ (Новоторжецъ 1188), Тросу (Хоружка 1188) и въ Сёдерчёпингъ (1253), привозя туда мѣха, медъ, воскъ, русскіе щиты (clippei rutenici 1337 г.) и серебряныя позолоченныя вещи (ciphi argentei deaurati de opere rutenorum, 1319 г.).

II.

Жители Готландіи называли себя въ древности, какъ и теперь, Гутами [2]), свой островъ Гутландіей. Древніе Скандинавы называли ихъ Гаутами (Gautar), различая ихъ отъ Гётовъ (Götar), населявшихъ юго-восточную часть нынѣшней Швеціи, и, разумѣется, отъ Шведовъ (Svear), обитавшихъ въ сѣверо-восточной ея части.

Древняя повѣсть о началѣ Готландіи — Guta-saga, какъ мы увидимъ ниже, не говоритъ, откуда пришелъ на островъ первый поселенецъ Тіельваръ; изъ ея словъ можно заключить только, что заселеніе совершалось съ сѣвера. Старшій внукъ перваго поселенца получилъ сѣверную треть острова, второй—среднюю, младшій—южную. Принимая, что населеніе Готландіи было шведскаго племени, мы должны бы были предположить, что заселеніе острова совершалось съ сѣвера, такъ какъ древнѣйшій его городъ Визби лежитъ въ сѣверной части Готландіи, на берегу, обращенномъ къ Скандинавскому полуострову. Но археологія съ увѣренностью говоритъ, что заселеніе Готландіи совершалось съ юга и что его первые поселенцы не могли быть Шведами, ибо остатки ихъ быта и предметы обихода были другіе, чѣмъ въ Швеціи и Гёталандіи (Westgötaland и Ostgötaland) того времени. Это утвержденіе трезваго и ученаго археолога (Hans Hildebrand, Svenska folket under hednatiden, 2 изд. 1872, стр. 193), основанное на рядѣ раскопокъ и географическомъ распредѣленіи находокъ, возбуждаетъ въ насъ вопросы, откуда и когда появились на островѣ его первые обитатели, къ какому племени они принадлежали, въ какомъ отношеніи стояли они къ остальнымъ народамъ Скандинавіи и къ другимъ отраслямъ германскаго племени. Такъ какъ русскій читатель не найдетъ въ отечественной литературѣ отвѣтовъ на эти вопросы, то для разрѣшенія ихъ намъ придется сдѣлать небольшое отступленіе въ область древне-германской этнографіи.

Состоя въ болѣе близкомъ родствѣ съ летто-славянскими племенами, чѣмъ съ Греками и Италійцами, Германцы, по мнѣнію Мюлленгофа, основанному главнымъ образомъ на извѣстіяхъ классическихъ писателей, въ древнѣйшія времена, далеко за предѣлами исторіи, дѣлились уже на Восточныхъ — Вандиліевъ и Западныхъ—Суебовъ. Отъ Вандиліевъ отдѣлились Скандинавы,

---

[2]) Gutar, съ короткимъ *u*; ему вполнѣ соотвѣтствуетъ древне-русскій ъ въ словѣ Гътє, которому, такимъ образомъ, незачѣмъ было образовываться изъ латинской формы Guthones, какъ полагаетъ Г. Соболевскій (Исторія русскаго языка, стр. 43). Любопытно, что В. Н. Татищевъ (Исторія Россійская, книга 2, Москва 1773, стр. 11) приводитъ форму *Гути* «Варяги бо суть разныхъ званій, яко Свіа (Шведы), Урмани, Нигляне и Гути (Готы); а сіи особно Варяги Руссы (се есть Фини) зовутся».

тогда какъ древнѣйшіе изъ западныхъ германцевъ—Ирміоны выдѣлили изъ себя Ингевоновъ, ушедшихъ къ морю, на сѣверъ. Къ Рейну проникли Истевоны, прогнавъ оттуда Кельтовъ, отъ нихъ произошли рипуарскіе и салическіе Франки. Къ потомкамъ Ингевоновъ принадлежатъ Англо-саксы, Саксы и Фризы; къ Ирміонамъ—Аллеманы, сохранившіе родовое имя Швабы (т. е. Суебы), Хатты, Тюринги, Лонгобарды и одна изъ составныхъ частей современныхъ Баварцевъ.

Это историческое раздѣленіе Германцевъ на восточныхъ и западныхъ подтвердилъ своими лингвистическими изслѣдованіями Zimmer (Ostgermanisch und Westgermanisch in d. Zeitschrift f. deutsches Alterthum, XIX, 461), но и бѣглый взглядъ на исторію германскихъ племенъ покажетъ намъ, что они раздѣляются по характеру своему на двѣ, ясно различныя группы, въ одну изъ которыхъ должны быть отнесены вмѣстѣ Готы и Скандинавы.

Прямые потомки Вандиліевъ—Готы, Вандалы и Герулы, живые, непосѣдливые, полные силъ и какого то беззавѣтнаго молодечества, всѣ погибли, прогремѣвъ по Европѣ во время переселенія народовъ. Память о нихъ сохраняется теперь только въ эпосѣ: изъ ихъ племени были Эрманрихъ, Дитрихъ Бернскій и Гартунгскіе братья.

Такую же страсть къ приключеніямъ, потребность бродяжничества, хотя и при бо̀льшей внутренней сплоченности, видимъ и въ походахъ Викинговъ, ихъ скандинавскихъ родичей IX—XI вѣковъ. Какъ бы трезво мы не смотрѣли на эту эпоху, какъ бы не были готовы увидѣть въ этихъ безшабашныхъ блужданьяхъ по Старому и даже Новому свѣту не рыцарскую погоню за опасностями и военными подвигами, а морской разбой, какъ средство къ пропитанію (Holmberg, Nordbon under hednatiden, s. 85), мы не можемъ не сознаться, что въ этомъ разбоѣ было мало коммерческой смётки и много дикой и благородной поэзіи. Вчерашніе разбойники дѣлались завтра королями—тираннами въ свободной Англіи, благодѣтелями народа въ порабощенной Сициліи—и, какъ я сказалъ въ другомъ мѣстѣ, за грабежи и убійства при первомъ знакомствѣ съ страной, они, поселившись въ ней, платились своею національностью, платили жизнію вида. Дѣйствительно, въ Скандинавахъ замѣтна какая то особая пластичность, неустойчивость типа, податливость чужимъ вліяніямъ. Куда бы они не переселялись, всюду теряли свою національность. Нормандцы въ Нормандіи, Англичане въ Англіи, Итальянцы въ Сициліи, Русскіе на Руси—они весьма легко ассимилировались съ туземцами и оставляли незначительные слѣды въ ихъ языкѣ и нравахъ.

Другое видимъ въ западныхъ Германцахъ, Нѣмцахъ по преимуществу. Поселившись на мѣстахъ, насиженныхъ Кельтами, ближе къ сферѣ римскаго духовнаго и политическаго вліянія, они, казалось, хотѣли устояться, сгуститься прежде, чѣмъ выступить на арену исторіи въ такихъ громкихъ подвигахъ,

какъ ихъ сѣверные и восточные родичи. Усидчивые и спокойные, съ медленной мыслію и безъ врожденнаго чувства изящнаго, они—народъ-мѣщанинъ, если ихъ восточные братья могутъ быть названы народомъ-витяземъ. Сдавленные кольцомъ Романцевъ и Славянъ, они стали расширяться по линіи наименьшаго сопротивленія, безъ шума великихъ побѣдъ, безъ эпоса и народныхъ героевъ, но цѣпко и стойко, шагъ за шагомъ отъ Карла Великаго до нашего времени. Они не завоевывали, не порабощали, какъ Готы и Скандинавы, а переваривали и поглощали туземцевъ. Столкновеніе съ ними было гибельно для Скандинавовъ, начиная съ онѣмеченія торговыхъ пунктовъ Норвегіи, Даніи и Швеціи въ XIV вѣкѣ, кончая знаменитымъ шлезвигъ - голштинскимъ насиліемъ въ XIX-мъ.

Причины раздѣленія Германцевъ на вѣтви восточную и западную лежатъ за предѣлами точной исторіи и намъ неизвѣстны. Но во времена Тацита, въ концѣ I вѣка, умственная жизнь у всѣхъ Германцевъ была еще общая. Руническая азбука, религія Одина-Водана, германскія названія дней недѣли должны были образоваться въ одномъ какомъ нибудь пунктѣ и потомъ уже разошлись ко всѣмъ племенамъ. Впрочемъ этимъ мы не желаемъ сказать, чтобы раздѣленіе это произошло незадолго до Тацита. Есть основаніе полагать, что палеолитическій періодъ скандинавскихъ странъ принадлежитъ тѣмъ же народамъ, какимъ и желѣзный, а въ передаваемой Тацитомъ этногоніи Нѣмцевъ нѣтъ уже мѣста для Скандинавовъ. Съ своей стороны и Скандинавы временъ Плинія называли свою родину alterum orbem terrarium, повторяя ту же идею и въ Старшей Эддѣ, по которой у сѣверныхъ людей есть своя особая прародина—Mannheimr—родина человѣка (Waitz, D. V. G. I, 1865, S. 6, Ak. 1).

Дальнѣйшее развитіе Скандинавовъ до христіанства идетъ независимо отъ западныхъ Германцевъ. Языкъ дифференцируется, развиваются особенности въ религіозныхъ, политическихъ и юридическихъ понятіяхъ. Сходство въ нихъ у Скандинавовъ и Нѣмцевъ, кромѣ древне-германскихъ переживаній, обусловливается развитіемъ однихъ и тѣхъ же зародышей, передававшихся въ скрытомъ состояніи чрезъ сотни поколѣній, прежде чѣмъ раскрыться въ одинаковомъ учрежденіи и у Франка на Рейнѣ, и у Исландца въ глубинѣ сѣверныхъ льдовъ. Вліяніе торговыхъ сношеній съ нижними Нѣмцами было незначительно, хотя и влекло за собою переходъ бродячихъ пѣвцовъ на скандинавскую почву. Въ VI вѣкѣ къ Скандинавамъ перешла такимъ образомъ пѣснь о Нибелунгахъ, въ XIII—сага о Дитрихѣ Бернскомъ. Введеніе христіанства на сѣверъ, начатое ирландскими миссіонерами въ VIII и оконченное нижне-нѣмецкими въ X вѣкѣ, связало сѣверъ съ нѣмецкимъ католичествомъ, но вліяніе христіанства до XII вѣка не было значительно. Независимо отъ христіан-

ства, въ Исландіи XII вѣка сознавались уже родственныя связи съ Англосаксами, хотя саксонскій элементъ, какъ менѣе культурный, чѣмъ сѣверный, и самъ подчинившійся вліянію Кельтовъ, не могъ оказать никакого вліянія на Исландцевъ и Норвежцевъ, тогда какъ кельтско-ирландское литературное вліяніе на нихъ не подлежитъ уже сомнѣнію, какъ и вліяніе внѣшней скандинавской культуры на Ирландцевъ (Zimmer).

Большое различіе замѣчается также и въ отношеніяхъ Скандинавовъ и Нѣмцевъ къ классической культурѣ, сначала въ ея кельтской переработкѣ, потомъ въ чистой формѣ военно-административнаго воздѣйствія и наконецъ въ формѣ церковно-административной и духовной. Сѣверныя племена не были, подобно Франкамъ, Англосаксамъ, Баварцамъ, Лонгобардамъ, Готамъ, Бургундамъ открыты для непосредственнаго вліянія античнаго міра. Послѣ отдѣленія своего отъ остальныхъ Германцевъ, они цѣлыя столѣтія оставались въ географической замкнутости и, даже по выходѣ ихъ на страницы исторіи, чуждые внѣшніе элементы почти не имѣютъ значенія въ ряду факторовъ ихъ культурнаго развитія. Первыя историческія извѣстія сѣверныхъ Германцевъ рисуютъ намъ полную, ясную картину умирающаго язычества, тогда какъ соотвѣтствующій періодъ исторической жизни ихъ южныхъ родичей покрытъ непроницаемою тьмою. На югѣ христіанство явилось побѣдоноснымъ разрушителемъ старой культуры, на сѣверѣ оно до XII вѣка могло побѣдить только немногіе обычаи. На югѣ христіанство предписывало законы, на сѣверѣ — немногія положенія «христіанскаго права» дѣлались обязательными только по рѣшенію вѣча и только въ наслѣдственной формѣ родного земскаго права, куда они включались какъ санкціонированный свѣтскою властью отдѣлъ.

На югѣ литераторомъ среднихъ вѣковъ былъ монахъ или священникъ, воспитанный на церковной латыни, иногда вкусившій языческихъ римскихъ поэтовъ, но всегда почти враждебно настроенный противъ народной пѣсни, легенды, преданія. На сѣверѣ были народныя литературныя традиціи скальдовъ, была своя историческая проза. Рядомъ съ историкомъ Аромъ, который, хотя и священникъ, писалъ исторію заселенія Исландіи всетаки не по латыни, а на родномъ языкѣ, жизнеописанія королей сочиняетъ богатый исландскій вотчинникъ Снорръ Стурлассонъ. На югѣ церковь заняла все народное воображеніе, ей служило искусство, литература, поэзія. Она воспитала въ обществѣ постоянную потребность въ сверхестественномъ, надежду на помощь Всевышняго. На Сѣверѣ даже тогда, когда прошла уже старая «дружба» къ Одину, Тору и Фрею, большинство еще долгое время было болѣе склонно вѣрить въ свои собственныя силы, чѣмъ въ помощь «бѣлаго Христа». Даже тогда, когда стали погребать уже не подъ вольнымъ курганомъ, а въ «освященную землю» кладбища, на могилѣ по прежнему ставили камень съ старыми рунами, какъ было при языческихъ

предкахъ. И вмѣсто духовныхъ стиховъ и легендъ, на рождественскихъ, свадебныхъ и поминальныхъ «пивахъ» все еще звучалъ мирный ритмъ старой пѣсни о молодецкихъ поѣздкахъ и подвигахъ и разсказывалась строгая сага о враждѣ и тяжбахъ минувшихъ родовъ.

III.

Очертивъ общій характеръ отношеній Скандинавовъ къ среднимъ и южнымъ Германцамъ, сказавшійся, какъ увидимъ ниже, и во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ племенъ въ Готландіи, мы перейдемъ теперь къ поставленному въ предыдущей главѣ вопросу, откуда появилась въ Готландіи народность, называющая себя Гутами (Gutar). Для этой цѣли намъ придется обратиться къ двумъ народамъ, которые жили вблизи острова Готландіи: къ Готамъ Прибалтійскаго края, впослѣдствіи переселившимся къ Черному морю, и Гётамъ, обитавшимъ въ юго-восточной части Скандинавскаго полуострова.

Сбивчивыя показанія древнихъ географовъ и историковъ указываютъ на берега Балтійскаго моря, какъ на мѣстопребываніе германскихъ народовъ, имена которыхъ весьма близко напоминаютъ названіе Готовъ. Въ концѣ перваго вѣка по Р. Х. Тацитъ слышалъ, что тамъ живутъ Gotones (Germ. 43), которые управляются строже, чѣмъ остальные Германцы, но не совсѣмъ деспотически (trans Lygios Gotones regnantur, paullo jam adductius, quam ceteræ Germanorum gentes, nondum tamen supra liberatem). Онъ слышалъ также, что готонъ Катуальда возстановилъ независимость своего племени, ранѣе платившаго дань Марободу, между данниками котораго географъ Страбонъ тоже знаетъ Гутоновъ, но подъ ошибочнымъ именемъ Βούτονες (Zeusz 136). Географъ и астрономъ Птолемей, писавшій въ концѣ первой половины второго вѣка, помѣщаетъ Гутовъ (Γοῦται, II, 11, 35) въ Скандіи, а Гютоновъ (Γύθωνες III, 5, 20) въ Сарматіи, по Вислѣ, ниже Венедовъ. Плиній Старшій помѣщаетъ и Готовъ и Гаудовъ вмѣстѣ на нижнемъ Дунаѣ. Англосаксонская поэзія знаетъ и Geát'овъ и Goth'овъ. Въ своемъ словарѣ древняго поэтическаго языка Skaldskáparmál исландецъ Снорръ Стурлассонъ говоритъ, что земли Даніи въ старину назывались Готландіей, а имя Гутовъ—ютовъ слышится до сихъ поръ въ названіи полуострова Ютландіи. Но уже въ 214 году, императоръ Каракалла сражался съ Готами на прибережьи Чернаго моря (Spart. Carac. Cap. 10) и съ этихъ поръ начинается исторія южныхъ Готовъ, закончившихъ свое жизненное поприще подъ ударами Велизарія въ Африкѣ, подъ мечами Нарсеса въ Италіи, подъ натискомъ Мавровъ въ Испаніи.

Во второй половинѣ VI вѣка Готъ Іорданисъ, нотарій и неизвѣстнаго духовнаго званія, желая объяснить, откуда взялись черноморскіе Готы, приводитъ ходившее въ его время преданіе, что они какъ рой пчелъ вылетѣли съ острова Сканціи, «этой, такъ сказать, мастерской племенъ или вѣрнѣе матки народовъ», подъ предводительствомъ короля Берига поселились между устьями Вислы и Одера, вытѣснивъ оттуда Ульмеруговъ (Jord. 4, § 25), и потомъ уже перешли къ Черному морю. Это преданіе, сообщенное Іорданисомъ, и служитъ главнымъ основаніемъ гипотезы, что черноморскіе Готы вышли изъ Скандинавіи. Я говорю гипотезы, потому что не всѣ Германисты согласны вывести дунайскихъ Готовъ изъ Скандинавіи. Нѣкоторые изъ нихъ слѣдуютъ за исполиномъ германистики Яковомъ Гриммомъ, который (Geschichte der deutsch. Sprache 506) говоритъ, что «никогда ни одинъ народъ германскаго племени не переселялся на югъ, но что, согласно съ великимъ естественнымъ движеніемъ, переселеніе шло съ юго-востока на сѣверо-западъ». Но авторитетъ древне-германской этнографіи Цейсъ (Die Deutschen und die Nachbarstämme, 402) допускаетъ, что южные Готы вышли съ южнаго берега Балтійскаго моря, того же мнѣнія держатся нашъ Несторъ норманизма А. А. Куникъ и знатокъ готскаго языка Эдуардъ Сиверсъ въ своей исторіи готскаго языка, напечатанной въ 1889 году въ Grundriss der germanischen Philologie Paul-я. (T. I, выпускъ 2-й).

Не занимаясь спеціально готскимъ періодомъ, я не считаю для себя возможнымъ входить покамѣстъ въ подробную оцѣнку того и другого мнѣнія. Мнѣ кажется только, что важно было бы опредѣлить,—что можетъ быть и сдѣлано уже германскими учеными,—откуда явилась у Іорданиса увѣренность, что Скандинавія именно и есть мастерская народовъ, что изъ нея, какъ изъ материнскаго чрева, выходятъ цѣлыя націи.

Современникъ Іорданиса, ученый Византіецъ Прокопій знаетъ между жителями великаго сѣвернаго острова Ѳулы (т. е. Скандинавскаго полуострова; если не ошибаюсь, thual по кельтски значитъ «сѣверный»)—13 племенъ, но называетъ изъ нихъ только два: Гаутовъ, отличающихся многочисленностью (Θουλιτῶν ἔθνος πολυάνθρωπον οἱ Γαυτοί εἰσιν, Bell. Goth. II, 15) и Скриѳифиновъ-лопарей, живущихъ «звѣриньскимъ образомъ» (οἱ Σκριθίφινοι ...θηριώδη τινὰ βιοτὴν ἔχουσιν...). Если мы сравнимъ съ этой скудной картиной Скандинавіи то описаніе двадцати пяти ея народовъ, которое даетъ Іорданисъ въ 3 главѣ исторіи Готовъ, то мы придемъ къ убѣжденію, что Іорданисъ, составляя это описаніе, пользовался разсказами человѣка, бывшаго на сѣверѣ, вѣроятно даже Скандинава, въ родѣ короля Родульфа, который, по словамъ Іорданиса, презрѣвъ собственное королевство, примчался изъ Скандинавіи на службу къ готскому королю Теодорику и получилъ то, чего желалъ. А Скандинавъ того времени, разсказавшій Іорданису о Суетахъ (глава 3), у которыхъ прекрасные кони и

которые пересылают Римлянамъ черезъ другихъ безчисленныхъ народовъ чудесныя по своей чернотѣ соболиныя шкуры, передавшій ему свѣдѣнія о кучѣ различныхъ племенъ, о Ваготахъ, Гаутиготахъ, отличающихся крѣпостью и воинственностью, объ Остроготахъ и другихъ народахъ, большинство которыхъ находимъ въ древней Норвегіи и Швеціи, Скандинавъ того времени, какъ я замѣтилъ выше, считалъ себя изначальнымъ жителемъ полуострова, называлъ свою страну прародиной человѣка. «Скандинавія, говоритъ Плиній (IV, 13, 27)—страна величины необъятной. Насколько извѣстно, только часть ее населяетъ племя Гиллевіоновъ, имѣющее 500 волостей. Это племя называетъ ее вторымъ кругомъ земли». Въ стихотворной Эддѣ Скандинавія называется Mannheimr, родина человѣка. Очевидно далеко отъ IV вѣка было то время, когда Скандинавы отдѣлились отъ своихъ нѣмецкихъ родичей, если они тогда уже считали себя аборигенами. Правда, историкъ Снорръ (1178 – 1241) сообщаетъ намъ, что первые жители Скандинавіи, пришли туда подъ предводительствомъ бога Одина изъ Азіи, черезъ Россію и Данію, но этотъ разсказъ есть позднѣйшій домыселъ сѣверныхъ ученыхъ, желавшихъ объяснить совпаденіе слова Асы (души усопшихъ, боги) съ словомъ Азія и названіе Великая Швеція, которое Скандинавы давали южной Россіи. При этомъ также не слѣдуетъ забывать, что Снорръ старался примирить народныя преданія съ данными современной ему науки, съ которыми его познакомилъ воспитатель его Іонъ Лёфтсонъ, учившійся въ Парижѣ и путешествовавшій по Англіи и Германіи [1]).

Сопоставляя эти данныя, я считаю возможнымъ предположить, что мнѣніе Іорданиса, что Скандинавія была древняя родина и мастерская народовъ, а поэтому и родина Готовъ, это мнѣніе едва ли не скандинавскаго происхожденія, а потому и является обоюдоострымъ фактомъ, при желаніи вывести южныхъ Готовъ изъ Скандинавіи.

Далѣе, въ рукописи эдикта, изданнаго въ 643 г. лангобардскимъ королемъ Ротари, находится историческій отрывокъ, Origo gentis Langobardorum, изъ котораго черпалъ свои свѣдѣнія авторъ исторіи Лангобардовъ Павелъ Діаконъ, жившій въ серединѣ VIII вѣка (Monumenta Germaniœ historica, Scriptores rerum Langobardicarum et italicarum sœc. VI — IX, Hannover 1878, p. 2). Этотъ отрывокъ, судя по языку, вѣроятно прямо переведенный съ древне-нѣмецкаго, разсказываетъ о переселеніи Виниловъ-Лангобардовъ изъ острова Scandanan подъ давленіемъ предводительствуемыхъ Асами Вандаловъ. Асы просятъ побѣды у Godan'a. Но вслѣдствіе хитрости жены Godan'a—Frea, побѣда досталась Виниламъ-Лангобардамъ. Это преданіе, котораго я не передаю цѣ-

[1]) См. подробности у R. Keyser'a: Om Nordmændenes Herkomst og Folke-Slægtskab въ Samlinger til det norske Folks Sprog og Historie VI, 2, s. 332.

ликомъ, уже однимъ упоминаніемъ Одина, Фреи и борьбы Виниловъ съ Вандалами, предводительствуемыми Асами, т. е. богами, говоритъ о своемъ скандинавскомъ происхожденіи, но изъ его содержанія нельзя еще вывести, что оно принесено Лангобардами, а не занесено къ Лангобардамъ. Исходъ народовъ изъ Скандинавіи въ доисторическое время не можетъ быть доказанъ такими преданіями, а только археологіей. Но мы знаемъ, что до періода Викинговъ огромныя пространства Швеціи были еще не заселены. Дремучіе лѣса кишѣли звѣрями и птицами, рѣки и море изобиловали рыбами. Трудно предположить, что тогда, во II или III вѣкѣ по Р. Х., могли быть въ Скандинавіи причины для выселенія оттуда цѣлыхъ народовъ, причины возникшія только въ IX вѣкѣ.

Такимъ образомъ преданіе объ исходѣ изъ Скандинавіи въ среднюю Европу народовъ германскаго племени, должны быть, мнѣ думается, отнесены къ разряду скандинавскихъ преданій, порожденныхъ горделивою мыслію, что Скандинавія — родина человѣка, и занесенныхъ въ среднюю Европу въ обмѣнъ на пѣсни о Нибелунгахъ и Титрекѣ Бернскомъ, перешедшія еще въ VI вѣкѣ на сѣверъ.

Но если извѣстіе о выходѣ Готовъ изъ Скандинавіи мы можемъ принимать только какъ преданіе, то пребываніе ихъ на устьяхъ Вислы и въ нынѣшнемъ Остзейскомъ краѣ (а можетъ быть и въ средней Россіи), должно считаться фактомъ, вполнѣ установленнымъ въ наукѣ, установленнымъ иными средствами, чѣмъ изученіе сагъ и археологія.

Въ своей удивительной по ясности и строгости методы работѣ о вліяніи языковъ готскаго отдѣла на языки финскіе (Den gotiske sprogklasses indflydelse paa den finske, переводъ E. Sievers'a Ueber den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen, Halle. 1870) Вильгельмъ Томсенъ доказалъ еще въ 1869 г, что во всѣхъ финскихъ языкахъ, отъ Западной Двины до Камы, есть цѣлый рядъ заимствованныхъ германскихъ словъ, формы которыхъ свидѣтельствуютъ, что заимствованіе происходило въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. и что мѣстомъ заимствованія были Остзейскія провинціи и средняя Россія. Основной германскій языкъ, изъ котораго дѣлались заимствованія, былъ восточно-германскій, весьма близкій къ готскому, и судя по окончаніямъ, болѣе древній, чѣмъ языкъ древнѣйшихъ руническихъ надписей IV вѣка.

Большинство заимствованій сдѣлано Финнами для обозначенія понятій государственныхъ и относящихся до войска, внѣшней культуры и искусства [1]).

[1]) Финское kuningas есть древне-западн. германское kunigaz (оно же заимствовано и Славянами—кънѧзь, кънѧг-ыни и Литовцами), финское ruhtinas—древне-зап. герм. druhtinaz (государь), финское airut (вѣстникъ)—гот. airus; фин. rengas (кольцо)—др. верх. нѣм. hring изъ hringaz; финс. nakla (гвоздь)—гот. nagljan; фин. satula (сѣдло), akana (мякина),

Этотъ рядъ словъ неотразимо свидѣтельствуетъ о непосредственныхъ сношеніяхъ финскихъ племенъ съ Готами, которые, весьма вѣроятно, господствовали надъ Финнами и надъ Славянами въ первые вѣка нашей эры. По крайней мѣрѣ такія слова, какъ князь, усерязь, витязь, пенязь, встрѣчающіяся не въ одномъ древне-русскомъ, но и въ западно славянскихъ языкахъ, существовали еще до шведскихъ сношеній [2]), хотя ихъ неславянское происхожденіе не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Суммируя только что сказанное, мы придемъ къ заключенію, что въ нынѣшнемъ Остзейскомъ краѣ жилъ народъ германскаго племени, который, какъ и Готландцы, именовалъ себя Гутами (Gutos), о чемъ мы можемъ заключить изъ его греческаго имени Γότθοι, лат. Gotti и греч. Γόθοι, лат. Goti, а главное изъ именъ Gutthiuda—готскій народъ, въ одномъ готскомъ календарѣ, и Gutanjo-wi—Гóтовъ святыня, въ надписи на найденномъ около Бухареста перстнѣ, именъ, которыми обозначался этотъ народъ, когда онъ изъ Остзейскаго края переселился уже на берега Днѣпра и оттуда къ Дунаю. Скандинавское же происхожденіе Готовъ мы относимъ къ области преданій.

Исторія южныхъ Готовъ и гипотеза объ ихъ владычествѣ надъ Финнами и Славянами, центромъ котораго былъ сначала Остзейскій край, а потомъ Кіевъ, не составляетъ непосредственной задачи моего изслѣдованія. Любопытные найдутъ въ скоромъ времени интересныя и оригинальныя свѣдѣнія о Готахъ и ихъ отношеніяхъ къ Руси въ печатающихся нынѣ гото-русскихъ этюдахъ моего ученаго коллеги Ѳед. Алек. Брауна. Мнѣ же важно было лишь прослѣдить исторію имени Готовъ въ материковой Европѣ, и я перейду теперь къ Гётамъ Скандинавскаго полуострова, ближайшимъ западнымъ сосѣдямъ Гутовъ, древнихъ обитателей острова Готландіи.

lammas (теленокъ), суть тоже германскія заимствованія. Въ своей послѣдней работѣ: Соотношенія между финскими и балтійскими (литовско-латышскими) языками (Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk—lettiske) sprog, 1890) Vilhelm Thomsen склоняется еще сильнѣе къ тому мнѣнію, что оригиналомъ для финскихъ заимствованій служилъ языкъ готскій.

[2]) Сравн. формы: варягъ, колбягъ, несомнѣнно скандинавскія позднѣйшія заимствованія.

IV.

На два вѣка позднѣе, чѣмъ Данія и Норвегія, выступила Швеція на арену исторіи. Ее, какъ и ихъ, ввело туда христіанство, возвѣщенное англійскими и нѣмецкими миссіонерами въ IX и X вѣкахъ. Ко времени проповѣди святаго Ансгарія, въ 830 и 850 годахъ, Швеція представляла уже одно государство, состоявшее изъ земель, соединенныхъ подъ властію Упсальскаго конунга. Но жители каждой земли считали себя особымъ, независимымъ отъ другихъ народомъ, смотрѣли на другихъ Шведовъ, какъ на чужаковъ, иностранцевъ. Впрочемъ и теперь еще шведскій крестьянинъ называетъ жителя другой волости utländing'омъ, иностранцемъ, а у насъ въ 1471 г. Новгородская судная грамота говоря: «Псковитянину не послуховать, ни одерноватому холопу», считала гражданскія права Псковитянина равными правамъ раба, т. е. смотрѣла на него какъ на безправную личность, какъ на иностранца. Но мы не имѣемъ еще права заключать изъ этого, что Новгородцы и Псковичи принадлежали къ различнымъ племенамъ.

Каждая шведская земля имѣла особое право, особое управленіе, особыя повинности. Въ каждую долженъ былъ явиться новоизбранный упсальскій король, чтобы народъ на вѣчѣ призналъ его своимъ землякомъ; и только тогда, когда король далъ клятвенное обѣщаніе соблюдать земское право, народъ приносилъ ему присягу на подданство.

Ко времени введенія христіанства эти шведскіе народцы или земли образовали двѣ главныя группы — Свеевъ и Гётовъ. Отъ Свеевъ пошло и имя Швеція—Svia-veldi (Свеевъ-волость), Svearіki (Свеевъ-государство) и сокращенное Sverge. Границу этихъ двухъ племенныхъ группъ составляли дремучіе лѣса Тиведъ, между озерами Венеромъ (Wenern) и Веттеромъ (Wettern), и Кульмордъ, Silva Carbonnaria, между Веттеромъ и Балтійскимъ моремъ. Къ сѣверу, выше лѣса, ofvanskogs или northanskogs, жили Свеи, къ югу отъ лѣса, за лѣсомъ, Sunnanskogs или utanskogs,—Гёты. Племенное и политическое различіе этихъ народностей было весьма значительно. Когда король Карлъ Сверкерсонъ († 1167) сдѣлался, послѣ долгихъ междоусобій, королемъ всей Швеціи, онъ назвалъ себя не королемъ верхнихъ и южныхъ Свеевъ и восточныхъ и западныхъ Гётовъ, но королемъ Свеевъ и Гётовъ, изъ чего слѣдуетъ, что между Свеями и Гётами было бóльшее племенное и государственное различіе, чѣмъ между верхними и нижними Свеями. Авторъ написанной въ 1470 году, въ эпоху онѣмеченія шведскихъ городовъ, готской хроники (Chronica Gothorum) Ericus Olai предполагалъ даже для объясненія имени Швеціи—Svearіki—существованіе нѣмецкой формы Zwerike—двойное государство.

Не мало потрачено было труда и ученаго остроумія, чтобы опредѣлить отношеніе Свеевъ къ Гётамъ. Норвежскіе историки Кейзеръ и Монкъ (Munch), а за ними и шведскій археологъ Гансъ Гильдебрандъ полагали, что бронзовая культура Швеціи соотвѣтствуетъ готскому періоду, болѣе древній желѣзный вѣкъ—гётскому, а младшій—шведскому. Говорили о переселеніи Гётовъ изъ Даніи, а Свеевъ съ долины Волги. Но исторія Швеціи имѣетъ слишкомъ мало данныхъ, чтобы рѣшить этотъ вопросъ самостоятельно, она должна искать помощи у антропологіи, археологіи и у науки о языкѣ. Отвѣты же этихъ наукъ неблагопріятны для теоріи послѣдовательныхъ вторженій въ Скандинавію.

Первый вопросъ, который надо рѣшить въ этомъ направленіи, есть вопросъ объ отношеніи древнѣйшихъ обитателей Швеціи къ ея нынѣшнимъ жителямъ. Въ своей работѣ die altnordische Schädel zu Kopenhagen (Archiv für antropologie 1870) профессоръ Вирховъ приходитъ къ выводу, «что шведскіе черепа каменнаго вѣка болѣе схожи съ новошведскими черепами, чѣмъ большинство черепов изъ датскихъ могилъ каменнаго вѣка, признаваемыхъ относящимися къ тому времени», т. е., что древнѣйшіе обитатели Швеціи имѣли другой антропологическій типъ, чѣмъ древнѣйшіе жители Даніи и что этотъ типъ близокъ къ современному. Что касается краніологическаго отношенія Шведовъ къ Гётамъ, то шведскій антропологъ бар. Дюбенъ въ своемъ мемуарѣ Sur les caractères craniologiques de l'homme préhistorique en Suède приходитъ къ заключенію, что если Свеи и Гёты доставили элементы для образованія современнаго населенія Швеціи, то они не составляли двухъ расъ, а одну [1]).

Одинъ изъ солидныхъ авторитетовъ шведской археологіи—Монтеліусъ, въ своей замѣчательной книгѣ: Швеція въ языческую эпоху и въ средніе вѣка (Sveriges hednatid samt medeltid, Stkh. 1877) показалъ, какъ мнѣ кажется, ненужность предположенія послѣдовательныхъ вторженій въ Швецію новыхъ народностей и доказалъ непрерывность развитія ея культуры отъ эпохи неполированнаго камня до желѣзнаго вѣка, перенеся центръ тяжести на торговыя сношенія съ югомъ, откуда двигалась въ Скандинавію и бронзовая, и же-

[1]) Congrès International d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques, 7-e session à Stockholm, 1874, vol. II p. 690. Далѣе: «j'ai trouvé la même forme de crânes dans les tombaux préhistoriques, qu'ils appartinssent à l'age de la pierre, du bronze ou du fer... J'ai vu en grand nombre des descendants de mariages contractés entre des suédois, des finnois et des lapons, trois races bien distinctes. Eh bien, dans ces descendants de mariages mixtes, je n'ai jamais vu des formes crâniennes intermédiaires, pas même dans la 2-me ou la 3-me génération; ils ont toujours eté ou suédois, ou finnois, ou lapons. On y distingue un atavisme continuel, une lutte atavique, si vous me permettez cette expression, mais l'une ou l'autre des races est prédominante».

лѣзная культура [1]). Судя по датскимъ торфенникамъ, уже за 3000 лѣтъ до нашего времени въ Даніи жилъ народъ каменной культуры, который сталъ распространяться на сѣверъ, въ Сконію (Шоненъ) и оттуда по берегамъ рѣкъ и озеръ и по берегу моря въ нынѣшнюю Швецію. Въ Сконіи найдены ³/₄ всѣхъ извѣстныхъ въ Швеціи могилъ каменнаго вѣка, тогда какъ на восточномъ берегу Швеціи и на островахъ Ёландіи и Готландіи не найдено еще ни одной могилы и очень мало каменныхъ вещей.

Появленіе бронзоваго періода въ Швеціи, относящееся приблизительно ко времени Саломона, когда уже Финикійцы, Египтяне и другіе обитатели восточнаго побережья Средиземнаго моря замѣнили бронзу желѣзомъ, не было слѣдствіемъ вторженія новой народности, но не могло быть и слѣдствіемъ внутренняго развитія, такъ какъ на всемъ пространствѣ Скандинавіи не найдено ни одного мѣстонахожденія олова, безъ чего нельзя говорить о туземной бронзѣ. Отсутствіе въ находкахъ, сдѣланныхъ въ Финляндіи и Россіи, бронзовыхъ вещей той формы и стиля, который отличаетъ вещи восточно-скандинавскаго бронзоваго вѣка, заставилъ ученыхъ искать на югѣ источникъ бронзовой культуры Швеціи, и онъ былъ найденъ въ Этруріи для начала періода и въ Греціи для его конца.

Дѣло въ томъ, что появленіе бронзоваго періода въ Швеціи находится въ несомнѣнной связи съ торговлею янтаремъ въ древности [2]). Этотъ драгоцѣнный продуктъ береговъ Балтійскаго моря привозили на югъ двумя путями, на Британію и Марсель для датскаго и западно-нѣмецкаго янтаря, по Вислѣ, чрезъ Панонію, для янтаря восточно-прусскаго и шведскаго. Монеты Филиппа II македонскаго, найденныя въ Готландіи, монеты Дмитрія Поліоркета (294—287 до Р. Х.), найденныя въ Прибалтійскомъ краѣ, монеты изъ Сиракузъ и Тазоса, встрѣчающіяся въ Познани, монеты Александра Великаго, разсѣянныя по Тюрингіи, Венгріи, Семиградью и восточному Дунаю, показываютъ съ достаточною ясностью, по какому пути шла въ Швецію бронза, такъ какъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ почти всегда вмѣстѣ съ ними находимы были и бронзовыя вещи. Центромъ торговли бронзою былъ Гальштатъ въ Австріи, гдѣ найдены были въ одной могилѣ янтарь съ сѣвера, и мечъ съ рукояткой изъ слоновой кости и раковины Cypraea Moneto съ дальняго юга. Раковины

[1]) Hildebrand, op. cit., стр. 17, держится противоположнаго мнѣнія, на томъ основаніи, что не найдено вещей переходныхъ эпохъ, но были сдѣланы лишь смѣшанныя находки. Его аргументъ парализуется тѣмъ обстоятельствомъ, что недавно найдены бронзовые топоры, представляющіе точныя копіи съ каменныхъ, украшенные такимъ же орнаментомъ и т. п.

[2]) Объ ней см. у Бережкова «О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV в. Спб. 1879, глава I, и у Hjalmar Stolpe Sur l'origine et le commerce de l'ambre jaune dans l'antiquité, Congrès de Stockholm, II, p. 777.

эти, еще и теперь служащія въ Африкѣ мелкою размѣнною монетою, были находимы также и въ Готландіи, въ могилахъ бронзоваго вѣка.

Подобно тому какъ возникновеніе бронзовой культуры въ Швеціи можетъ быть объяснено помимо всякаго вторженія новаго народа, такъ причины возникновенія желѣзнаго періода надо искать въ римскомъ вліяніи, шедшемъ черезъ римскихъ и нѣмецкихъ купцовъ. Эти купцы, уже во времена Тацита посѣщавшіе сѣверо-востокъ Германіи, занесли на сѣверъ желѣзныя вещи и научили Скандинавовъ ковкѣ этого металла, какъ занесли они туда и предметы роскоши, вышедшіе изъ римскихъ мастерскихъ Италіи, Англіи и Голландіи, и находимые въ большомъ количествѣ въ шведскихъ кладахъ.

И такъ мы имѣемъ право заключить, что возникновеніе культуры въ землѣ Свеевъ и Гётовъ и развитіе ея на пространствѣ полутора тысячелѣтія не требуетъ для своего объясненія предположенія о вторженіи другихъ, хотя бы принадлежащихъ къ той же расѣ народовъ, но намъ важно узнать, нѣтъ ли въ исторіи восточно-скандинавскаго языка такихъ фактовъ, которые подрывали бы довѣріе къ гипотезѣ непрерывнаго развитія. Для положительнаго рѣшенія этого вопроса мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ, такъ какъ самые древніе памятники сѣвернаго языка—руническія надписи—не восходятъ далѣе IV вѣка нашего лѣтосчисленія, принадлежа, такимъ образомъ, къ старшему желѣзному періоду. Но по мнѣнію Софуса Бугге, авторитетнаго въ вопросахъ исторіи древне-сѣвернаго языка, объясненіе развитія языка съ этого времени тоже не требуетъ предположенія объ иноплеменныхъ вторженіяхъ и даже исключаетъ его.

С. Н. Сыромятниковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Сага Гутовъ.

(Guta Saga).

C. I. Schlyter, Samling af Sweriges gamla Lagar, VII, Gotlands Lagen, Lund 1852, 4°, стр. 93—104. Carl Säve, Gutniska Urkunder, Stockholm 1859, 8°, стр. 31.

I.

Гутландію открылъ первымъ тотъ человѣкъ, что̀ звался Тьельваръ (Thielwar). Тогда Гутландія была такъ скрытна[1]), что днемъ опускалась она (въ воду), а по ночамъ поднималась къ верху. Но этотъ мужъ привезъ первый огонь на (эту) землю, и послѣ того она уже никогда не погружалась.

Этотъ Тьельваръ имѣлъ сына, котораго звали Хафти (Hafthi), а Хафтову жену звали Бѣлая Звѣзда (Hwita-Stierna). Они оба поселились первыми въ Гутландіи. Въ первую ночь, что они тамъ спали, ей приснился сонъ, будто три змѣи свились вмѣстѣ въ ея груди; и ей показалось, будто они выползли изъ ея груди. Этотъ сонъ разсказала она Хафту, своему хозяину. Онъ такъ растолковалъ этотъ сонъ:

Связь во всемъ, какъ въ звеньяхъ;
Все кругомъ заселится,
И три сына у насъ будутъ.

Имъ всѣмъ далъ онъ имя еще не рожденнымъ:

Guti Гутландъ получитъ;
Graipr—имя другому,
А Gunnfiann—третій.

---

[1]) Tha war gutland so eluist. Säve измѣнилъ elvist въ eliugt, не объяснивъ причины. Въ 1401 году нижненѣмецкій переводчикъ Саги перевелъ эту фразу такъ: «do was Gotland so eliuch», но слова eliuch мы не находимъ въ памятникахъ нижненѣмецкаго языка. Очевидно переводчикъ прямо переписалъ неизвѣстное ему древне-гутское слово, значеніе котораго забылось уже въ 1401 г. Всѣ объясненія этого слова, приведенныя у Schlyter'a (vol. XIII 134, sub voce), по моему, не выдерживаютъ критики. Я ставлю его въ связь съ готскимъ galaugnjan—Λανθάνειν, verborgen sein,—analaugns—verborgen sein. Если мы примемъ въ расчетъ Ablaut kiusan, kaus, kusans (выбирать), то происхожденіе *aliugt отъ одного корня съ analaugns не будетъ уже невозможнымъ

Они раздѣлили потомъ Гутландію на три трети, такъ что Грайпръ, самый старшій, получилъ самую сѣверную треть, Гути—среднюю треть, а Гунфьянъ, самый младшій, получилъ самую южную. Потомъ отъ этихъ трехъ умножился народъ въ Гутландіи такъ сильно въ долгое время, что земля не могла всѣхъ ихъ прокормить. Тогда стали они тянуть жребій: идти вонъ изъ земли каждому третьему человѣку (thiauth) [1]), съ тѣмъ, чтобы сохранить и увести съ собою все, что имѣли на поверхности земли. Но они не хотѣли ѣхать на чужбину, а пошли на Торову гору (Thors-borg) и тамъ поселились. Но земляки не захотѣли терпѣть ихъ тамъ, и ихъ вытѣснили вонъ оттуда. Тогда отправились они изъ страны на Овечій островъ (Far-oy) и поселились тамъ. Но и тамъ они не могли прокормиться, а поѣхали на одинъ островъ у Айстландіи (Aistland—Эстляндія), что зовется Дагайти (Dagaithi—Даго) [2]) и тамъ поселились и поставили городъ, который еще виденъ. Но и тамъ не могли они прокормиться, а поѣхали вверхъ по водѣ, что зовется Дюна (Dyna — Двина), и вверхъ черезъ Рюсаландію (Ryzaland—Русь); такъ далеко ѣхали они, что прибыли въ Грикландію (Grikland). Здѣсь просились они у греческаго конунга поселиться отъ полнолунія до ущерба луны [3]). Конунгъ позволилъ имъ это, думая, что этотъ срокъ не болѣе мѣсяца. А когда прошелъ мѣсяцъ, онъ хотѣлъ выгнать ихъ. Но они отвѣчали, что отъ полной луны до ея ущерба, значитъ вѣчно, и сказали, что такъ и было имъ дозволено. Этотъ ихъ споръ дошелъ до государыни. Тогда сказала она: «Государь мой конунгъ! ты позволилъ имъ поселиться на срокъ отъ полной луны до ея ущерба, а такъ какъ это значитъ навсегда, то и не можешь ты взять отъ нихъ это (право) назадъ». Такъ поселились они тамъ и еще живутъ, и еще сохранили нѣчто отъ нашей рѣчи.

[1]) Готское thiuda—ἔθνος, Volk, др. сѣв. thjódh—народъ.

[2]) Dag-haithi—равнина Дажь-бога. Др. сѣв. heidhr, дат. hede, швед. hed. англ. heath (пустырь). Готская форма haithi f.—ἀγρός, Heide, unbestelltes Feld—сохранилась не измѣненной въ Dag-aithi По моему мнѣнію названіе острова Даго—Dag-aithi едвали не самый замѣчательный лингвистическій фактъ Гута-саги. Дѣло въ томъ, что почти всѣ мѣстныя названія въ древнесѣверныхъ памятникахъ, составною частью которыхъ является форма heidhr или heidhi, относятся не къ мѣстностямъ сѣвера, а къ землямъ Готовъ. Таковы Dún-heidhr—Равнина Дуная, Gnita-heidhr,—которую древнія исландскія пѣсни помѣщали гдѣ то при Днѣпрѣ, Sparins-heidhr,лежавшая около лѣса Myrkvidhr въ тѣхъ же приднѣпровскихъ краяхъ. У Іорданиса встрѣчаемъ Finnaithae, финская пустыня, слово, которое онъ употребляетъ, по недосмотру, какъ названіе народа.

[3]) Um nyoc nithar, при новой (полной) лунѣ и при безлуньѣ. Cp. Vigfusson, Icelan. Engl. Dic., Ný the «new» of the moon, whereby the ancients seem to have meant the waxing or even the full moon. Nidh, pl. nidhar (sw. ned, dan. næ) the wane of the moon, ewen there is «no moon». Allit. phr. ný ok nidh—full moon and no moon. Въ древне-шведск. næthar значило ущербъ луны и половина мѣсяца, отъ полнолунія до новолунія; baethi ny ok nithar—цѣлый мѣсяцъ. Византійская царица объяснила это выраженіе такъ: «пока смѣняются полнолуніе и новолуніе». Въ Готландіи и теперь говорятъ nöj oh nider.

До того времени и еще долго потомъ вѣровали они въ рощи и курганы, въ святыя мѣста и городища и въ языческихъ боговъ; они приносили въ жертву сыновей своихъ и дочерей, и скотъ вмѣстѣ съ снѣдью и питьемъ. Это дѣлали они по своему суевѣрію. Вся земля имѣла для себя одну великую жертву людьми, или каждая треть приносила за себя отдѣльно; а меньшія вѣча имѣли меньшія жертвоприношенія скотомъ, снѣдью и питьемъ, которыя назывались варильными братчинами (suthnautar), потому что всѣ жители варили (пиво) вмѣстѣ.

II

Много королей воевало противъ Гутландіи, пока она была языческой; однако Гуты всегда одерживали побѣды и (сохраняли) свое право. Потомъ посылали Гуты многихъ пословъ въ Швецію; но никто изъ пословъ не могъ учинить мира раньше Авайра Соломенной Ноги (Awair Stra-bain) изъ волости Альфъ-ха (Alf-ha): онъ первый устроилъ миръ съ королемъ Свеевъ. Когда Гуты просили его ѣхать (въ Швецію), онъ отвѣчалъ: «Вы знаете, что я иду теперь на большую опасность и случайности; дайте же мнѣ, коли хотите, чтобъ я ѣхалъ въ такое рискованное (путешествіе), три виры (vereldi) [1], одну для меня самого, другую для родного моего сына, а третью для жены». Ибо онъ былъ мудръ и многосвѣдущъ, какъ ходятъ разсказы. Вошелъ онъ въ условіе съ королемъ Свеевъ: шестьдесятъ марокъ серебра каждый годъ—вотъ дань Гутовъ. Король Швеціи беретъ 40 марокъ серебра изъ этихъ 60, а ярлъ [2]) получаетъ 20 марокъ. Это условіе выработалъ онъ съ согласія земли, прежде чѣмъ уѣхалъ изъ дому. Такъ Гуты добровольно приняли подданство короля Свеевъ, оттого и могли свободно и безопасно посѣщать каждый городъ Швеціи, безъ пошлины и другихъ сборовъ. Также и Свеи могутъ посѣщать Гутландію, не

[1]) Гедеоновъ (Варяги и Русь, 17) полагалъ, что это единственный случай, когда мы встрѣчаемъ vereldi на Сѣверѣ. Слѣдующее мѣсто изъ сборника законовъ Гельсинговъ (Schlyter VI, s. 59): «убьетъ мужъ другого и законно признается въ убійствѣ, то имѣетъ истецъ право, что хочетъ, мстить или взять вирами (with botum taka); хочетъ взять вирами, то имѣетъ право получить 7 марокъ по вѣсу или сколько онѣ стоятъ, а конунгъ виру въ 4 марки (konunger wærold IIII marker)» —доказываетъ противное. На сѣверѣ, какъ и въ древней Руси, вира была частью платы за убійство, шедшею князю или другому высшему представителю власти.

[2]) Jarl, англ. earl, сначала независимый, а потомъ служилый князь. Въ Швеціи ярлы, какъ начальники морской королевской дружины, были только въ языческую эпоху. что важно для опредѣленія времени, когда Готландцы подчинились шведскому королю. Марка серебра вѣсила 211 граммовъ и стоила, по этому, около 15 руб., но сравнительная цѣнность ее была не менѣе 150 руб., такъ что Гуты платили, по нашему счету, 8000 руб. въ годъ.

подчиняясь запрету о ввозѣ и вывозѣ хлѣба [3]), или другому запрещенію. Король долженъ былъ оказывать Гутамъ защиту и помощь, когда тѣ въ ней нуждались и просили объ ней. И король, и ярлъ равно посылаютъ пословъ на гутское вѣче и поручаютъ имъ собирать тамъ свою дань. Эти послы должны возвѣщать Гутамъ право посѣщать всѣ мѣста по морю, которое принадлежитъ королю Упсалы; такое-же право объявляется и тѣмъ, которые посѣщаютъ здѣшнія мѣста.

III

Послѣ этого прибылъ въ Гутландію Святой Олавъ [1]), на судахъ убѣгая изъ Норвегіи, и сталъ въ гавани, что̀ зовется Акргарнъ (Acrgarn); тамъ стоялъ долго Святой Олавъ. Ормика изъ Хаинайма (Ormica af Hainaim) и много богатыхъ людей отправились къ нему съ дарами. Этотъ Ормика далъ ему двѣнадцать барановъ и другіе съѣстные припасы, а Святой Олавъ далъ ему съ своей стороны два кубка и одну сѣкиру. Ормика принялъ христіанство подъ руководствомъ Святого Олава и сдѣлалъ себѣ молитвенный домъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Акргарнская церковь. Оттуда святой Олавъ поѣхалъ къ Іерслафу (Ierzlafr—Ярославъ) въ Хулмгартъ (Hulmgarth—Новгородъ).

IV.

Хотя Гуты и были язычники, они плавали съ купеческимъ товаромъ во всѣ страны, и христіанскія, и языческія. Когда купцы увидѣли христіанскіе обычаи въ христіанскихъ земляхъ, то нѣкоторые дали себя тамъ окрестить и привезли въ Гутландію священниковъ. Ботайръ изъ Акубека (Botair af Acubek) былъ тотъ, кто первый построилъ церковь, на томъ мѣстѣ, которое нынѣ называется Куластеты (Kulastethar). Земля не хотѣла терпѣть ее и сожгла, поэтому еще и теперь зовутъ это мѣсто—Куластеты (т. е. угольныя мѣста). Послѣ этого происходило въ Ви (Wj) [2]) жертвоприношеніе; тамъ онъ устроилъ

[3]) Schlyter, VII, 271: Kornband—interdictum de importando vel exportando frumento. Мѣра, знакомая и намъ.

[1]) Здѣсь упоминается о послѣднемъ пріѣздѣ Олава въ Готландію, на пути въ Россію (1029) или вѣрнѣе, какъ доказалъ Munch (Det norske Folks Historie I, 2, 774), на возвратномъ пути въ 1030 г.

[2]) Vi, древ. сѣв. vé, святыня, храмъ. На готскомъ золотомъ перстнѣ, найденномъ въ Pietroassa, около Бухареста, читаемъ написанную рунами фразу: Gutanjowi hailag, т. е. посвящено храму Готовъ. Нижне-нѣмецкій переводчикъ, говор. «...kirche zu wy, das nü genömet ist wysbü», показываетъ намъ, что городъ Визби построенъ на мѣстѣ древняго языческаго храма.

другую церковь, и эту церковь земля хотѣла также сжечь. Тогда онъ самъ взобрался на церковь и сказалъ: «Коли вы хотите сжечь эту церковь, вы должны сжечь и меня вмѣстѣ съ нею». Онъ былъ богатъ самъ и имѣлъ за собою дочь богатѣйшаго человѣка, котораго звали Ликкайръ Мудрый (Liccair Sniellj), и который жилъ на томъ мѣстѣ, которое теперь называютъ Стайнкиркья (Stainkirchia, т. е. каменная церковь). Въ это время онъ пользовался большимъ вліяніемъ и помогъ своему зятю Ботайру. Онъ сказалъ (народу): «Не упорствуйте (въ намѣреніи) сжечь этого человѣка или его церковь, ибо она стоитъ въ священномъ мѣстѣ (wi)», у подножья горы. Послѣ этого церковь получила (возможность) стоять не сожженной. Она была поставлена тамъ во имя Всѣхъ Святыхъ, въ томъ мѣстѣ, которое зовутъ теперь Петрскиркья (Petrs-kirchia, т. е. церковь св. Петра). Она была первою изъ существующихъ въ Гутландіи церквей. Нѣсколько времени спустя, тесть Ботайра далъ окрестить себя, свою жену, своихъ дѣтей и всю свою челядь и построилъ на своемъ дворѣ церковь, которую теперь называютъ Каменная церковь (Stain-kirchia). Это была первая церковь въ самой сѣверной трети этой земли. Когда Гуты увидѣли обычаи христіанъ, они послушались Божьей заповѣди и проповѣди ученыхъ (т. е. духовенства)—приняли поголовно христіанство по своей доброй волѣ, безъ принужденья, такъ что никто не принуждалъ ихъ принять христіанство. Послѣ того какъ народъ поголовно крестился, тогда построили вторую церковь въ странѣ, въ Атлингабо (Atlinga-bo); она была первою въ средней трети (острова). Потомъ построили третью церковь, въ Фартаймѣ (Farth-aim), въ самой южной трети. Отъ нихъ размножились всѣ церкви въ Гутландіи, ибо стали строить себѣ церкви для бо́льшаго удобства.

V.

До того времени, какъ Гутландія приняла постояннаго епископа, въ Гутландію пріѣзжали епископы паломники, (ходившіе) ко святой землѣ Іерусалиму и оттуда возвращавшіеся домой; въ то время былъ путь на востокъ до Іерусалима черезъ Рюсаландію (Русь) и Грикландію (Грецію). Сначала они то и освящали церкви и кладбища по просьбѣ тѣхъ, что строили церкви. Послѣ того какъ Гуты обратились въ христіанство, они послали посольство къ высшему епископу въ Леонкопунгъ (Leoncopung—Линчёпингъ) [1], такъ какъ онъ

[1]) Въ одной грамотѣ начала XIII вѣка (Diplomatarium svecanum, I, № 832), писанной Андреемъ, архіепископомъ Лундскимъ, который сложилъ съ себя это званіе въ 1222 или 1223 году, говорится: «tempore quo primum haec terra (i. e. insula Gothlandiae) sponte jugum fidei suscepit, ecclesiae Lingacopensi se nullo cogente subjecit». Въ буллѣ папы Гонорія III отъ 30 янв. 1217 (Dipl. I, № 168), которою онъ подтверждаетъ старое условіе

былъ къ нимъ самый близкій, (прося), чтобы онъ, на основаніи договора, пріѣзжалъ въ Гутландію подавать духовную помощь, съ тѣмъ условіемъ, что епископъ будетъ пріѣзжать изъ Леонкопунга черезъ два года въ третій съ двѣнадцатью своими мужами, которые должны сопровождать его по всей землѣ на крестьянскихъ лошадяхъ того же числа и не болѣе. Такъ епископъ долженъ ѣздить по Гутландіи для освященія церквей и собирать свою ругу: три обѣда, не больше, при каждомъ освященіи церкви, да три марки; при освященіи алтаря одинъ обѣдъ, да двѣнадцать ёръ [2]), если алтарь нужно освятить отдѣльно; если же не освящены ни алтарь, ни церковь, такъ долженъ онъ освятить обоихъ за два обѣда и три марки пенязей [3]). Съ каждаго второго священника епископъ можетъ получить ругу при своемъ пріѣздѣ, три обѣда, не больше. Со всякаго второго священника, который не давалъ руги въ этотъ годъ, епископъ долженъ взять выкупъ, а также и съ каждаго, кому предназначена церковь. Тѣ, что не давали руги въ тотъ разъ, должны дать ее, когда епископъ пріѣдетъ опять на третій годъ, а тѣ, что тотъ разъ давали ругу, должны дать выкупъ. Если возникнутъ тяжбы, которыя подлежатъ суду епископа, ихъ должно рѣшить въ той самой трети (thrithiung), потому что тѣ люди лучше всего знаютъ правду, которые живутъ всего ближе; если тяжба не будетъ разрѣшена, ее должно перенести на собраніе всѣхъ мужей (на общее вѣче), а не изъ одной трети въ другую. Если возникнутъ споры или тяжбы, подлежащія суду епископа, то должно здѣсь дожидаться пріѣзда епископа, а не ѣхать на верхъ (въ Швецію), развѣ къ тому принуждаетъ необходимость, и грѣхъ такъ великъ, что его не можетъ отпустить благочинный; въ такомъ случаѣ должно ѣхать на верхъ между Вальпургіевой мессой (Walborga messa перваго мая) и мессой Всѣхъ Святыхъ (Helguna messa перваго ноября), но не въ слѣдующее за нею зимнее время до Вальпургіевой мессы. Вира епископу въ Гутландіи не выше трехъ марокъ.

между епископомъ Линчёпингскимъ съ одной стороны и готландскимъ духовенствомъ и паствою съ другой, о платѣ десятины, папа говоритъ, что десятина была «ab utraque parte sponte recepta et **multis** temporibus approbata». Эти факты заставляютъ предполагать, что Готландцы подчинились первому изъ личёпингскихъ епископовъ, Gislo, жившему въ первой половинѣ XII вѣка, при королѣ Сверкерѣ Старомъ, столица котораго была въ Ёстергётландіи (Östergötland).

²) Öre—¹/₈ марки, имѣла тогда цѣнность нашихъ 19 руб.

³) Первыя туземныя монеты появились въ Швеціи въ 1008 году. Изъ марки серебра чеканили въ Готландіи 192 пенязя. Марка чистаго серебра по вѣсу равнялась въ древнѣйшее время 3 или 4 маркамъ пенязей, а въ концѣ XV вѣка 10 мар. пен. (См. Montelius, Sveriges hednatid, s. 474).

VI.

Послѣ того какъ Гуты приняли къ себѣ епископа и священниковъ и полное христіанство, они приняли на себя обязанность сопровождать въ походъ короля Свеевъ съ шестью шнеками [1]), противъ языческой, а не противъ христіанской земли, съ тѣмъ условіемъ, что король долженъ звать Гутовъ въ походъ послѣ зимы и за мѣсяцъ до дня сбора; и при этомъ день сбора долженъ быть до средины лѣта, а не позже. Когда призывъ сдѣланъ законно, а не иначе, Гуты имѣютъ право идти въ походъ, если хотятъ, съ своими шнеками и съ припасами на восемь недѣль, но не больше. Если Гуты не могутъ идти въ походъ, они должны платить по 40 марокъ пенязей за каждую шнеку, и при томъ на слѣдующій годъ, а не въ тотъ самый, когда былъ призывъ. Этотъ сборъ зовется походною податью (laithings lami) [2]). Въ этотъ мѣсяцъ долженъ въ теченіи недѣли ходить призывной жезлъ (buth-cafli) [3]) и созываться вѣче; если люди станутъ на томъ, что надо идти въ походъ, то затѣмъ въ полмѣсяца должно изготовиться къ походу, и наконецъ, за 6 ночей до дня сбора, идущіе въ походъ дожны быть готовы и ожидать попутнаго вѣтра. Если случится, что въ эту недѣлю нѣтъ попутнаго вѣтра, то они должны ждать еще шесть ночей послѣ сборнаго дня; но если и въ этотъ срокъ не будетъ попутнаго вѣтра, они могутъ безъ пени ѣхать домой, въ случаѣ если они ни на веслахъ, ни на парусахъ не могли выѣхать по морю. Если призывъ къ походу придетъ меньше, чѣмъ за мѣсяцъ (до дня сбора), то можно не ѣхать и сидѣть дома, не платя пени. Будетъ такъ, что король не захочетъ повѣрить, что призывъ пришелъ не въ установленный срокъ, или вѣтеръ задержалъ въ положенное (для сбора) время, тогда королевскіе послы, собирающіе дань на томъ вѣчѣ, что слѣдуетъ за мессой св. Петра (Sanctj Petrs messa 29 іюня), должны взять присягу двѣнадцати

[1]) Дату можно приблизительно опредѣлить изъ показанія I Новгор. Лѣтописи подъ 1142 г. «Въ то же лѣто приходи Свьискѣй князь съ епископомъ въ 60 шнекъ на гость, иже изъ заморья шли въ 3 лодьяхъ; и бишася, не успѣша ничто же, и отлучиша ихъ 3 лодьѣ, избиша ихъ полуторaста». Безъ помощи Готландцевъ Шведы едва ли бы могли предпринять такой походъ. Свѣйскій князь былъ, вѣроятно, Сверкеръ Старый.

[2]) 7 окт. 1285 г. король Магнусъ Ладулосъ сдѣлалъ походную подать ежегодной (Dipl. svec. I, 671).

[3]) Buth-kafli, палочка съ вырѣзанными на ней рунами, которую посылали по волости для созыва крестьянъ на вѣче. Ср. Тегнеръ, Фритьёфъ, пер. Грота, пѣснь XXII: «На тингъ! призывный жезлъ идетъ изъ дола въ долъ, чтобъ вновь вождя себѣ народъ избрать пошелъ». (Till tings, till tings, budkaflen gaar kring borg och dal). Нѣмецкій переводчикъ 1401 года замѣчаетъ: «budhcafli das ist eyn stok des gebotes a's by dem galgen unde by den vüre».

послуховъ, какихъ пожелаютъ назначить королевскіе послы, что они (Гуты) сидѣли дома въ слѣдствіе законной задержки. Никто въ Гутландіи не долженъ давать присяги, какъ послухъ, кромѣ королевскихъ присягъ. Случится такъ худо, что коронованный король съ нѣкоторымъ насиліемъ будетъ выгнанъ изъ своего государства, то Гуты не должны выдавать дани, а пусть держатъ ее три года [1]); но при этомъ они должны каждый годъ собирать дань и оставлять ее лежать, а выдать тогда, когда пройдутъ три года, тому, кто тогда будетъ править Швеціей. О всѣхъ королевскихъ правахъ доженъ быть посланъ за королевской печатью закрытый листъ, а не открытый.

С. Н. Сыромятниковъ.

[1]) Въ 1318 году король Биргеръ Магнуссонъ, изгнанный изъ Швеціи, пріѣхалъ въ Готландію, откуда бѣжалъ въ Данію. Въ 1320 г. воцарившійся на его мѣстѣ король Магнусъ II Эрикссонъ собралъ дань съ Готландіи,—вѣроятно вторично, въ предупрежденіе чего и включена эта статья въ Сагу. См. Dipl. Suec. III, pp. 473—475.

Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842).

Редакція «Живой Старины» считаетъ себя счастливою, что можетъ съ I же вып. втораго своего года начать печатаніе этого цѣннаго сборника писемъ знаменитаго нашего ученаго Измаила Ивановича Срезневскаго. Писанныя къ умной, образованной, горячо любимой матери, онѣ дышатъ свободой, простотой, искренностью. Живой, умный, наблюдательный, даровитый, молодой Срезневскій (27 лѣтъ) выѣхалъ въ половинѣ сентября 1839 г. изъ Харькова за границу,—въ славянскія земли,—на три года, для приготовленія къ занятію недавно передъ тѣмъ открытой въ университетахъ каѳедры славянской филологіи, и съ дороги, изъ своего путешествія, передаетъ своей матери въ Харьковъ въ десяткахъ и десяткахъ писемъ обо всемъ, гдѣ онъ былъ, что̀ и кого видѣлъ, что̀ нашелъ и замѣтилъ интереснаго. Срезневскій еще съ юности на Украйнѣ привыкъ водиться съ народомъ, привыкъ его изучать, и со вниманьемъ и любовью относиться къ его жизни, нуждамъ, старинѣ. Лишь по зимамъ и глухою осенью, во время своего путешествія, проживалъ Срезневскій въ городахъ, сидя за книгами и рукописями, видаясь съ учеными и писателями, посѣщая театры и общественныя собранія, раннею же весною, лѣтомъ и по нашему еще осенью, Срезневскій обыкновенно отправлялся въ путь,—дѣлая небольшіе переѣзды въ мальпостахъ, на обывательскихъ, верхомъ, на лодкахъ, на пароходахъ, одинъ или съ тѣмъ или другимъ пріятелемъ изъ Славянъ, или, какъ однажды, съ П. И. Прейсомъ, но большею частью бродя пѣшкомъ по западнымъ славянскимъ деревнямъ, селамъ, мѣстечкамъ и маленькимъ городамъ въ Пруссіи, Саксоніи, Чехіи, Моравіи, Галиціи, Венгріи, Хорватіи, Славоніи, Далмаціи, Черной Горѣ и Сербіи. И обо всѣхъ своихъ встрѣчахъ, наблюденьяхъ писалъ онъ своей матушкѣ... легко, живо, остроумно, задушевно, нерѣдко увлекательно.

Письма эти не представляютъ только важный біографическій матеріалъ для ознакомленія съ ихъ авторомъ, занимавшимъ болѣе 40 лѣтъ видное мѣсто въ русской литературѣ и наукѣ, и по смерти своей (1880 г.) продолжающимъ напоминать о себѣ и украшать нашу литературу ежегодными отнынѣ (съ 1891 г.) выпусками огромнаго Словаря древняго Русскаго языка [1]. Письма эти не предлагаютъ только любопытныя

[1] Этотъ Словарь едва-ли будетъ вполнѣ оконченъ раньше 1900 г. Когда же будутъ собраны и вновь изданы отдѣльно, разныя, довольно многочисленныя, его статьи, цѣнныя во многихъ отношеніяхъ,—казалось бы такое изданіе лежитъ на обязанности II-го Отд. Ак. Н.? Надо полагать—всячески не раньше, какъ черезъ 15—20 лѣтъ. Богъ дастъ наши дѣти и

данныя и замѣтки о многихъ и многихъ замѣчательныхъ русскихъ, нѣмецкихъ, западно-славянскихъ ученыхъ и писателяхъ начала 40-хъ годовъ. Эти письма полны живыхъ и тонкихъ замѣтокъ, бойкихъ, часто мастерскихъ рисунковъ съ натуры цѣлыхъ краевъ и народностей, различныхъ ихъ классовъ и состояній... Срезневскій далеко не былъ лишенъ литературнаго дарованья, отлично владѣлъ языкомъ, былъ впечатлителенъ, наблюдателенъ, остеръ, любилъ и понималъ свое дѣло.

Мы увѣрены, его письма будутъ читаться съ живымъ, неослабѣваемымъ интересомъ не только въ Россіи, но и во всѣхъ западно-славянскихъ земляхъ. Противъ начала 40-хъ годовъ тамъ многое теперь измѣнилось. Письма Срезневскаго о томъ, что̀ было въ нихъ полвѣка назадъ, имѣютъ часто значенье первоисточника. За послѣднія десятилѣтія немало у насъ было обнародовано дневниковъ, записокъ, писемъ начала 40-хъ годовъ, но мы право затрудняемся указать въ нашей литературѣ еще другой, столь же подробный, цѣльный и интересный сборникъ писемъ кого-либо изъ замѣчательныхъ русскихъ писателей и ученыхъ за эти годы.

Въ литературѣ нашей есть цѣлый отдѣлъ путевыхъ писемъ и замѣтокъ изъ заграницы—тутъ есть произведенія первоклассныя—Фонъ-Визина, Карамзина, Искандера,—но мы кажется не ошибемся, отводя и тутъ почтенное мѣсто письмамъ Срезневскаго.

Мѣсто почтенное и особенное принадлежитъ Срезневскому середи его ближайшихъ сверстниковъ русскихъ путешественниковъ по Европѣ. За исключеніемъ Бодянскаго и Прейса, Ковалевскаго, А. Н. Попова, Чижова и Ригельмана, писавшихъ, впрочемъ, немного, о своихъ наблюденіяхъ,—Пановъ, Елагинъ, сколько извѣстно, ничего не писали и не печатали о своемъ путешествіи по славянскимъ землямъ,—вся тогдашняя (въ 40-хъ гг.) ученая и литературная наша молодежь (какъ и наибольшая ея часть изъ прежнихъ, а также изъ позднѣйшихъ поколѣній), въ скитаньяхъ по Европѣ заживалась исключительно въ романскихъ и германскихъ странахъ, кое когда лишь заглядывая на нѣсколько дней въ Прагу и, побесѣдовавъ недолго съ Ганкой или др., обыкновенно воображала, что все уже сдѣлала для знакомства со всѣмъ нерусскимъ Славянствомъ, спѣшила далѣе на западъ. Поэтому и всѣ путевыя письма, наблюденія и воспоминанія сверстниковъ Срезневскаго, относятся къ Италіи, отчасти Испаніи (Боткина), Франціи, Германіи, отчасти Англіи, преимущественно къ ихъ столицамъ и городамъ, а селъ и деревень и ихъ населенія вовсе не касаются.

Путевыя же письма и наблюденія Срезневскаго (нач. 40-хъ годовъ) касаются заграницы, Европы, но не настоящей, не романской и не германской ея частей, а славянской, сродной Россіи и наименѣе ей знакомой, части... Тамъ Русскіе были по преимуществу туристы, зрители... Здѣсь Срезневскій былъ путешественникъ и изслѣдователь, наблюдатель и живописецъ сельскаго люда въ особенности.

Почти ровесникъ Срезневскаго, извѣстный издатель и критикъ Пушкина, пріятель Гоголя, другъ Бѣлинскаго, Огарева, Грановскаго, Герцена, Боткина, Каткова, образованный и умный литераторъ, П. В. Анненковъ, въ началѣ 1841 г. повстрѣчался

внуки увидятъ такое изданіе къ 1912 г., когда Академія Наукъ и наши Университеты захотятъ почтить столѣтнюю память этого весьма замѣчательнаго человѣка: Срезневскій род. въ 1812 г.—Все это конечно можно и должно бы было сдѣлать раньше, но понятно, сдѣлано не будетъ: кто понимаетъ и хочетъ—не можетъ, кто можетъ—не понимаетъ и не хочетъ.

со Срезневскимъ въ Вѣнѣ и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ своихъ бесѣдъ съ нимъ, написалъ слѣдующее: „Въ Вѣнѣ познакомился я съ проф. Срезневскимъ. Человѣкъ этотъ совершаетъ подвигъ европейскій: отъ Балтійскаго моря и до Адріатическаго изучаетъ онъ славянскія племена, ихъ нарѣчія, обычаи, пѣсни, преданія, и большею частію пѣшкомъ, по деревнямъ и проселочнымъ дорогамъ. Теперь онъ въ Вѣнѣ доучивается по сербски и потомъ собирается обойти Иллирію, Далмацію и Черногорію. Особенную прелесть его составляетъ необычайная, германская любовь къ своему предмету. Онъ рѣшительно убѣжденъ, что славянскому племени предоставлено обновить Европу, и съ восторгомъ показывалъ намъ карты, говоря, какимъ образомъ соотчичи наши разлились отъ Помераніи до Венеціи. За двѣ станціи до Венеціи есть еще Славяне, въ Австріи ихъ 18 милліоновъ, Турція почти вся состоитъ изъ нихъ, и по остроумнымъ его доказательствамъ, даже вся полоса Европы до Рейна принадлежала нѣкогда Славянамъ. Онъ будетъ обладателемъ богатѣйшихъ фактовъ, съ помощію которыхъ и объяснится наконецъ наша народная физіогномія“ [1]).

Принося честь наблюдательности и безпристрастію Анненкова, эти строки живо выражаютъ различіе путевыхъ наблюденій Срезневскаго съ одной и Анненкова и многихъ другихъ нашихъ путешественниковъ и туристовъ по западной Европѣ съ другой стороны. Чтò они видѣли и описывали на западѣ, то большинство русскихъ читателей или само видѣло, или еще учше знаетъ или узнать можетъ изъ книгъ иностранныхъ. Чтò видѣлъ и описывалъ Срезневскій, того огромнѣйшее большинство русскихъ читателей никогда не видало и едва-ли что объ этомъ читало, о многомъ изъ этого нигдѣ даже и не могло прочесть.

За это драгоцѣнное приношенье «Живой Старинѣ» долгомъ считаемъ изъявить нашу глубокую благодарность обладательницѣ этихъ писемъ, собственноручно переписавшей большую ихъ часть, Надеждѣ Измайловнѣ Алмазовой, и родному брату ея Всеволоду Измайловичу Срезневскому, взявшему на себя исправленіе корректуръ по подлинникамъ и снабдившему эти письма необходимыми примѣчаньями.

В. Ламанскій.

---

[1]) В. П. Анненковъ и его друзья. СПБ. 1892, I, 138.

I.

№ 1 [1]). 17 Сент. 1839. Липцы. 8 часовъ вечера [2]).

Какъ бы я желалъ, милая, добрая моя Маменька, хоть разъ еще поцѣловать Вашу ручку, хоть разъ еще. Но—судьба надолго разлучила меня съ Вами. И 28 верстъ, отдѣляющія меня отъ Васъ, такъ-же грозны, какъ и тѣ тысячи, которыя долженъ я мчаться все далѣе, далѣе отъ Васъ. Мое путешествіе до сихъ поръ кажется мнѣ сномъ. Будто нѣсколько шаговъ стоитъ пройдти мнѣ, чтобы снова быть подлѣ Васъ. Будто!—Да сохранитъ милосердый Господь Богъ Ваше здоровье! Никогда не молился я такъ усердно, какъ теперь—въ продолженіе этой тяжелой станціи. Чѣмъ болѣе не вѣрилъ дѣйствительности моего отъѣзда, тѣмъ болѣе слезы капали невольно. Я плакалъ и молился. Въ молитвѣ была для меня единственная отрада. Чувствую, что причина моей разлуки съ Вами не какой-нибудь капризъ, чувствую въ себѣ и силы и ревность исполнить назначеніе,—и съ этимъ чувствомъ не мирится другое чувство, и болѣе тревожное и болѣе требовательное, чувство родственной любви. Одно время, или, лучше сказать, одна надежда, что счастіе наше еще будетъ, можетъ примирить эти чувства одно съ другимъ. Прощайте, прощайте, Маменька-душенька. Будьте здоровы, покойны.

Я опять пишу очень дурно. Пишу не своимъ перомъ, и спѣшу; при томъ же надобно смотрѣть и какъ перекладываютъ съ воза на возъ, а потому нельзя и не спѣшить. Какъ ѣхалъ я, можете судить изъ того, что только въ 8 часовъ вечера добрался до Липецъ. Ѣхалъ большею частію шагомъ.

Пока было видно все разсматривалъ виды, припоминалъ, гдѣ останавливались мы ворочаясь изъ Бѣлгорода,—и гдѣ арбузы ѣли, и гдѣ пѣшкомъ шли по песку, и гдѣ нашъ ямщикъ, нашъ Яшинька охъ—болѣлъ. Горькія воспоминанія! Горькія потому, что все это прошлое и можетъ быть надолго невозвратное.

Отъ всей души благодарю добрую, почтенную Марѳу Ивановну [3]) за участіе, которое она приняла такъ усердно въ нашей разлукѣ. Марьѣ Ѳедоровнѣ [4]) и

---

[1]) №№ на письмахъ принадлежатъ И. И. Ср—му; они иногда не точны, но удержаны нами, такъ какъ въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ письмахъ онъ говоритъ о прежнихъ, обозначая ихъ №№-ми. Настоящій, нами данный счетъ писемъ, обозначается Римскими цифрами.
Вс. С.

[2]) Сверху надписано рукою Е. И. Срезневской: «получено 19-го».

[3]) Фидлеръ. [4]) Питра, мать проф. Питры.

Аннѣ Ѳедоровнѣ благодарное сердце мое сохранитъ на всегда чувство неизгладимое. Спасибо и моимъ добрымъ друзьямъ. Побратски проводили они меня. Спасибо и Ивану Петровичу. Прощайте.

Прощайте, Маменька. Лошади готовы. Цѣлую ручку вашу.

Покор(ный) сы(нъ) Вашь Из. Срезнев.

II.

№ 2. 20-е Сент. Половина 10-го послѣ полудня. Курскъ [1]).

Только что воротился—Вы, милая Маменька, не угадаете откуда. Изъ Коренной Пустыни. Она лежитъ въ 27 верстахъ отъ Курска. Мы, съ Григоріемъ Ивановичемъ Рыльскимъ, нанявши извощика за 4 рубля, отправились сегодня въ два часа послѣ обѣда,—и теперь уже дома. Въ какіе нибудь 7 часовъ съ небольшимъ проѣздили 54 версты, и успѣли тутъ же обозрѣть монастырь и ярморочную площадь и даже снять видъ монастыря. Мѣстоположеніе прекрасное. Монастырь лежитъ на полугорѣ почти въ лѣсу, и тянется къ рѣкѣ Тускари. Близь мѣста, гдѣ найдена икона Знаменія Божіей Матери построена церковка, и въ ней посрединѣ колодезь чистѣйшей воды. За этой церковкой и остатки вяза, на корнѣ котораго найдена икона. Къ этой церковкѣ идти надобно съ горы по лестницѣ въ 150 ступеней, прекрасно обдѣланной въ родѣ той, какою всходишь въ домовую Архіерейскую церковь въ Харьковскомъ Кафедральномъ соборѣ. Выше маленькой церковки середи двора стоитъ главная церковь съ старинной колокольней. По сторонамъ домы архимандрита, келейный, трапезный съ теплою церковью и въ связи съ главными воротами зимнія кельи архимандрита очень старой постройки, разрисованные иконами снаружи сверху до низу. Еще выше по горѣ расположены линіями балаганы, занимаемы(е) во время ярмарки лавками: всѣ онѣ сосредоточиваются на площади круглой, вокругъ которой каменные ряды, прекрасно выстроенные. Лавки занимаютъ огромное пространство. Ярмонка начинается въ 9-ю пятницу послѣ пасхи. Въ этотъ самы(й) день чудотворная икона несется изъ Курска въ Коренную на особенныхъ носилкахъ въ кіотѣ, и сотни тысячь народа провожаютъ ее. Когда принесутъ, начнется ярмонка. Послѣ ярмонки икона остается въ Коренной до 18 сентября. Богъ дастъ, милая маменька, мы съѣздимъ съ Вами въ Курскъ во время Коренной ярмарки, и увидимъ торжественный ходъ.

Впрочемъ я не сказалъ вамъ еще ни слова какъ я добрался до Курска. Въ Липцахъ, за неимѣніемъ почтовыхъ лошадей, я нанялъ вольныхъ и ѣхалъ такъ до Медвянки. Проѣхалъ Бѣлгородъ ночью и на другую ночь, то есть

[1]) Сверху надписано рукою Е. И. Срезневской: «получено 24-го».

18 сентября пріѣхалъ въ Курскъ. Вотъ уже два дня я тутъ. На силу справился со всѣмъ, что хотѣлось увидѣть. Я былъ и на могилѣ Богдановича, и въ Лазаретскомъ саду, прекрасно обдѣланномъ Демидовымъ и у астронома Семенова, и въ гимназіи, и въ монастырѣ Знаменскомъ, и въ Сергіевскомъ Соборѣ, и весь городъ объѣздилъ и обходилъ, и т. д. Спасибо Рыльскому: онъ былъ всюду моимъ путеводителемъ. Курскъ прекрасный городъ. Мостовыя впрочемъ гадки, несносны для ѣзды, хоть и прочны.

Я, слава Богу, здоровъ. Яшка спитъ, ни о чемъ не заботясь, и уже успѣлъ потерять свитку.

Сегодня ночью предполагаю выѣхать изъ Курска съ тѣмъ, чтобы завтра поспѣть въ Орелъ.

Прощайте, милая маменька.

Из. Срез.

III.

№ 3. Мценскъ 7-й часъ утра. 23 Сент. 1839 [1]).

Я только что во Мценскѣ, еще въ 130 верстахъ отъ Тулы, еще далеко до Москвы,—и дай Богъ ко вторнику быть въ Москвѣ. Но сами посудите, милая Маменька: выѣхавши въ середу ночью изъ Курска, я ночевалъ въ четвергъ на пятницу въ 23 верстахъ отъ Орла съ тѣмъ что бы утро провести въ Орлѣ; выѣхалъ вчера послѣ обѣда изъ Орла и на ночь пріѣхалъ сюда съ тѣмъ, что бы хоть нѣсколько часовъ утра провести здѣсь, что бы осмотрѣть все любопытное. Если Богъ дастъ выѣду отсюда часу въ 11-мъ, то на ночь опять пріѣду въ Тулу и надобно будетъ провести хоть утро завтрашнее въ Тулѣ. Вы видите, милая Маменька: медленность моего странствованія не отъ меня, а отъ разстоянія городовъ, черезъ которые проѣзжаю. Сказать-ли же Вамъ что нибудь объ Орлѣ? Орелъ, если подъѣзжать къ нему изъ Харькова по проселочной обводной дорогѣ, мимо кирпичныхъ заводовъ, имѣетъ по виду сходство съ Харьковомъ, когда на него смотришь изъ за кирпичныхъ заводовъ: только нѣтъ такой колокольни, и церквей въ Харьковѣ гораздо менѣе. Въѣдете въ него,—и Васъ встрѣчаютъ—гадкая мостовая, по которой скачешь, какъ сумасшедшій, нечистота и толпы народа, движущагося туда и сюда, какъ на ярмаркѣ. И такъ по всему городу, между тѣмъ какъ есть въ Орлѣ полицмейстеръ и нѣтъ и не бываетъ никогда ярмарки. Пріѣхавши на станцію, я напился чаю, и пошелъ къ извощикамъ; взялъ одного, и велѣлъ везти себя по городу. Лучшія улицы Болховская и Московская: на Болховской болѣе вы-

[1]) Надписано сверху: «получено октб. 10».

вѣсокъ, на Московской болѣе лавокъ, тутъ же и гостинный рядъ и базаръ,— и крикъ, шумъ, брань, хохотъ, ѣдутъ телѣги, кибитки, коляски дрожки, инженерный офицеръ, гусаръ, губернаторша, идутъ съ яблоками, арбузами, виноградомъ, калачами, тряпьемъ. Гостинницъ пропасть: есть и Берлинъ и Лондонъ, и Саратовъ, и Вѣнская, и для пріѣзжающихъ, и Европа, и чуть-ли даже не Австралія. Изъ лавокъ я замѣтилъ болѣе всего о в о ш н ы х ъ и стеклянныхъ. Лавчонокъ маленькихъ столько же сколько яблокъ, которыя въ нихъ продаютъ. Я сказалъ, что лучшія улицы—Болховская и Московская; впрочемъ не по красотѣ вида; мнѣ лучше нравится Садовая, гдѣ передъ каждымъ дворомъ широкій палисадникъ, а на площади бульваръ (= Л и п к и) и за бульваромъ къ Окѣ городской садъ, довольно большой, не совсѣмъ чистый, но на чудесномъ мѣстѣ. Дома большею частію деревянные, обитые тесомъ и выкрашенные желтокирпичною краскою, а каменные большею частію уродливы, какъ курицы-безхвостыя: лучшій домъ есть домъ дворянства. Что до церквей, то между ними есть многія стараго покрою, а нѣкоторыя отличаются изяществомъ архитектуры наружной и внутренней. Лучшая по красотѣ—Архангела Михаила, въ которой есть и чудотворная икона Божіей Матери страстной, усыпанная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Лучшій видъ на городъ съ колокольни церкви св. Никиты. Самая занимательная колокольня—при церкви Покрова. Въ мужескомъ монастырѣ, гдѣ и Архіерейскій домъ, девять монаховъ, а на кладбищѣ тутъ же памятникъ Барону Корфу, бронзовый на гранитномъ пьедесталѣ. Въ женскомъ монастырѣ до 200 бѣлицъ, занимающихся разною работою. Что же еще сказать? Цѣна извощикамъ въ часъ 60 коп. какъ и въ Курскѣ; кички у бабъ съ рожками на переди подобраны вверхъ, между тѣмъ какъ въ Курскѣ рожковъ нѣтъ, и кромѣ кичекъ повойники, покрытые, платками, распущенными сзади по спинѣ въ родѣ мантильи, чего нѣтъ въ Орлѣ; калачи, которыхъ не видѣлъ по дорогѣ до Орловской губерніи, хороши, только отзываются дегтемъ; о т с е д а и о т т е д а слышите вы на каждомъ шагу; и т. д.

Только что собрался было идти по Мценску, какъ дождь—первый дождь, какой я вижу въ дорогѣ. Теперь-то пригодится мнѣ моя бурка и башлыкъ, хоть впрочемъ башлыкъ много потерпѣлъ, какъ и вообще все, что у меня было клѣенчатаго. Впередъ буду умнѣе: надобно сверхъ клѣенки еще какую нибудь наволоку изъ толстаго полотна или чего нибудь подобнаго: тогда клѣенка не будетъ ломаться и рваться. Впрочемъ не подумайте, милая Маменька, что мнѣ придется бѣдовать; ни мало,—и вообще—что будетъ далѣе, то Богъ дастъ, а д о с е л е в а все было хорошо. Мало по малу привыкъ къ страннической жизни и нахожу ее довольно удобною. Мальчикъ мой спитъ, ѣстъ, чиститъ мнѣ сапоги, бережетъ мои вещи, когда я отлучусь. У него на рукахъ или лучше сказать въ рукахъ мѣдныя деньги,—и когда я однажды

захотѣлъ ихъ взять у него соннаго, то онъ и мнѣ не далъ; спитъ, а деньги держитъ крѣпко. Иногда онъ мнѣ мѣшаетъ, но мало, и то только когда ѣдемъ; но вѣдь добро не безъ худа.

Дождь—сказалъ я, помѣшалъ мнѣ гулять по Мценску. Впрочемъ не надолго. Не смотря на небольшую слякоть, я довольно удобно побывалъ всюду, гдѣ могъ надѣяться найдти что нибудь для себя замѣчательное, даже снялъ въ Мценскѣ 4 вида. Мценскъ стоитъ на Зушѣ и Зуша вся покрыта барками, и народу пропасть. Большая улица довольно чиста, украшена хорошенькими домиками, не хуже Болховской въ Орлѣ, только чище, а мостовая такая же гадкая. Предъ нею бульваръ. Другія улицы грязны, можетъ быть потому, что дождь шелъ. Дѣятельность народа подобная Орловской, видно, что городъ Русскій, городъ населенный народомъ, играющимъ цѣлую жизнь роль хозяевъ и гостей гостинницы на большой дорогѣ. Церкви всѣ или прекрасныя, или старинныя. Соборъ стоитъ на горѣ и занимаетъ собою съ погостомъ всю верхушку горы, на которую есть только одинъ взъѣздъ, а то все тропинки, очень крутыя. Выстроенъ превосходно и очень великъ. Покамѣстъ готова только паперть съ двумя придѣлами. Въ этомъ соборѣ есть чудотворный образъ Св. Николая, рѣзной изъ камня, чудный и даже можно сказать страшный, и кромѣ того животворящій крестъ, тоже каменный. Сказываютъ, что и образъ и крестъ приплыли по Зушѣ и остановились у колодца подлѣ горы. Церковь тогда была деревянная. Образъ поставили было въ ней, а потомъ перенесли черезъ рѣку въ Воскресенскую,—что же: на другое утро образъ самъ собою очутился въ Николаевской. И такъ было нѣсколько разъ. Въ прежнее время носили образъ по домамъ; теперь запрещено. Носить было тяжело, камень огромнаго размѣра, но угодникъ—говорятъ—помогалъ, и было легко. Самыя старинныя церкви во Мценскѣ—Петра и Павла и Михайловская. Кромѣ того, есть еще очень старая часовня съ образомъ Кирика и Улиты, въ день ихъ служатъ въ часовнѣ молебенъ, на который собирается все духовенство крестнымъ ходомъ изъ монастыря лежащаго у самаго города.

Ѣду. Прощайте, Маменька,—до Тулы.

Тула, 25-е Сент.

Вчера утромъ очень рано я пріѣхалъ въ Тулу: ѣхалъ все послѣ обѣда и всю ночь. Остановился въ гостинницѣ Сисина и плачу по 70 коп. за комнату въ день и по 20 коп. за самоваръ. Комната во второмъ этажѣ съ Итальянскимъ окномъ, штукатуренная, раскрашенная, довольно чистая и на лучшей въ городѣ Кіевской улицѣ. — Разтасковавшись и напившись кофе, я отправился въ Петербуржскую гостинницу чтобы спросить о Пассековыхъ,—и

засталъ ихъ тамъ. Татьяна Петровна [1]) не такъ здорова, Катенька тоже, собираются ѣхать въ деревню къ дядѣ [2]). Кстати сказать, что они ѣхали гораздо скорѣе, такъ что черезъ Очки проѣзжали за три дни до меня; но прохворали въ Орлѣ два дни,—и такъ вышло, что я могъ съ ними встрѣтиться здѣсь. Они платили тутъ по 12 руб. въ сутки: комната лучше моей, но за то и деньги! Съ ними провелъ я цѣлое утро, обѣдалъ, и проводилъ. Они меня приглашаютъ также заѣхать къ ихъ дядѣ; не знаю, можетъ быть и заѣду. Во всякомъ случаѣ предполагаю выѣхать изъ Тулы завтра утромъ— и хотѣлось-бы какъ можно раньше. Мнѣ хочется побывать и въ Веневѣ монастырѣ, лежащемъ въ 32 верстахъ отъ Тулы, это старина 15-го вѣка. — Между тѣмъ я въ Тулѣ. Настоящій Русскій городъ, большой, почти весь каменный, многолюдный, многоцерк(о)вный, шумный, веселый. Тутъ уже отзывается Москвою. Когда я это пишу, мимо оконъ гремятъ экипажи и возы, продавцы и прохожіе безъ умолку, а колокола зовутъ къ вечернѣ, и гулъ ихъ раздается со всѣхъ сторонъ. Весело, даже черезъ чуръ весело. А вчера вечеромъ я долго сидѣлъ на окнѣ и глядѣлъ на городъ: фонари зажжены, кромѣ казенныхъ еще много частныхъ у лавочекъ, у столиковъ съ калачами, у воротъ гостинницъ, и изъ оконъ тоже всюду свѣтъ, и народъ волнуется, шумитъ, поетъ. Весело, даже черезъ чуръ весело. — Дѣятельность здѣшняя въ сравненіи съ Орловскою или Мценскою тоже, что великанъ въ сравненіи съ дитятью. Проходя сегодня изъ квартиры до Кремля, я прошелъ мимо 150 лавокъ, и встрѣтился по крайней мѣрѣ съ 500 народу; шелъ-же не болѣе 1/4 версты, и Гостинный дворъ въ сторонѣ. У воротъ въ Кремль народъ такъ всегда толпится, что надобно ждать; входишь какъ въ церковь, когда въ нее внесли что нибудь святое. Кремль окруженъ огромною каменною стѣною съ башнями и 4 воротами и занимаетъ очень пространную площадь. Середи площади высокій, массивный соборъ, кажется домикомъ. Кромѣ собора на площади ничего нѣтъ, кромѣ лавокъ у стѣнъ и лавочекъ, расположенныхъ кое-гдѣ у дорожекъ. Соборъ великолѣпенъ, старой Греческой архитектуры, и внутри весь раскрашенъ и разрисованъ. Вчера, я тамъ прослушалъ вечерню, и потомъ пошелъ по стѣнамъ Кремля, бродилъ, бродилъ, и снялъ видъ собора и площади. Ахъ, маменька-душенька, зачѣмъ тутъ нѣтъ васъ, зачѣмъ это не Бѣлгородъ! То-то бы весело было. Не наслажденіе то наслажденіе, которое не дѣлишь, съ кѣмъ радъ душею дѣлить все. Что ни вижу, что ни чувствую, все какъ будто въ половину. Такъ языкъ и хочетъ сказать: «маменька, а посмотрите вотъ на это!» Съ Кремля я пошелъ по городу, захо-

---

[1]) Жена Вадима Вас. Пассека, рожд. Кучина

[2]) Александру Ивановичу Кучину.

дилъ и въ Гостинный дворъ, и на бульваръ, любовался заводскими строеніями, любовался Упой, полузапруженной; воротился на Кіевскую улицу, толкался съ народомъ, торговалъ калачи, торговалъ вамъ ножнички и наперстокъ, ничего не купилъ и пошелъ домой чай пить. Такъ грустно было, что и чай не пился. Сѣлъ на окошко, и хотѣлось бы посмотрѣть весело на веселое, да не моглось. Все казалось черезъ чуръ веселымъ.—Сегодня я брожу цѣлый день. Поброжу, ворочусь домой, а на столѣ у меня разложена бумага и на ней этотъ листокъ; сяду и пишу. Тутъ мое лучшее удовольствіе. Было, правда, и еще одно, смѣшное—отъ скуки: я подслушивалъ. Комната, мною занимаемая, средняя въ домѣ, въ родѣ гостинной; передняя моя отдѣлена отъ другой комнаты тоненькой перегородкой, и съ другой стороны, то-же комната, отдѣленная дверью: и такъ—и съ той и съ другой стороны у меня сосѣди, Тульскіе помѣщики съ женами и дѣтьми,—и ихъ-то разговоры я подслушивалъ. Толстая барышня—я встрѣтился съ нею на галлереѣ—расказывала, какъ она танцовала и какъ у нея газовый шарфъ, новенькій и хорошенькій, зацѣпился за эполетъ офицера, расказывала и смѣялась; усатый засѣдатель—я видѣлъ его въ щелку—увѣрялъ, что онъ не грабилъ народъ, и имѣетъ водицу на чудо, да готова будетъ не скоро, размалёванная барыня,—я столкнулся съ нею въ своихъ дверяхъ, когда она не попала въ свои и нечаянно хотѣла побывать у меня въ гостяхъ—спорила, что чепчикъ ея кривъ, а дочка увѣряла, что зеркало криво; и т. д. Ахаютъ и кричатъ, пищатъ и хохочутъ на смерть. Играли сегодня и въ карты. Хлопали и рюмки о стаканы. Ну, да Богъ съ ними. Въ Тулѣ есть дѣвичій монастырь съ маленькой церковью и до 200 бѣлянокъ. Церквей въ Тулѣ очень много, все каменныя (кромѣ развѣ 2-хъ или 3-хъ) и большею частью прекрасныя. Строится новая огромная—каменная. И домовъ строится много. Славный городъ, а все не то, что Ярославль, какъ сказывала мнѣ одна почтенная старушка, мать Сахарова (который издаетъ сказанія Русскаго народа); вотъ тотъ-то городъ такъ славный, и распрекрасный, и старинный, и все старое сохраняется.

Прощайте, маменька, душенька. Кланяйтесь моимъ добрымъ друзьямъ, кланяйтесь добрѣйшой Марѳѣ Ивановнѣ [1]), Марьѣ Ѳедоровнѣ [2]), всѣмъ, всѣмъ. Прощайте.

Из. Срезневскій.

Если будете писать прежде 8-го Окт., то пишите въ Москву.

---

[1]) Фидлеръ. [2]) Питра.

IV.

№ 4 [1]). 30 Сент. 1839 г. Станція Лопасня
въ 62 верстахъ отъ Москвы.

Съ горя буду писать къ Вамъ письмо, милая маменька. «Что за горе, Измайлуша?» спросите Вы. Горе, маменька, горе: съ полуночи вотъ до 2-хъ часовъ, сижу на станціи, и жду лошадей, жду и не дождусь: самъ не знаю что дѣлать. Какъ не горевать! И отъ этого, подумаешь, мелочнаго горя, все представляется въ такихъ черныхъ краскахъ, что самъ себя не узнаешь. До сихъ же поръ, милая маменька, какъ взгрустнется, непремѣнно вздумаю о Васъ, и для облегченія души примусь за перо писать къ Вамъ. Вотъ такъ и теперь.

Но я слышу, вы спрашиваете меня: что значитъ, что я еще не въ Москвѣ. 25-го я былъ въ Тулѣ, 26-го выѣхалъ изъ нея въ Вѣневъ монастырь съ намѣреніемъ оттуда проѣхать къ Кучину, дядѣ Татьяны Петровны; и пробывши часа три въ монастырѣ къ вечеру пріѣхалъ въ Чертовую, гдѣ живетъ Кучинъ. Тутъ надобно было прожить двое сутокъ съ половиною. Вчера ночью я проѣхалъ черезъ Серпуховъ и пріѣхалъ сюда... Вотъ какъ случилось, что я еще не въ Москвѣ.

О Вѣневѣ монастырѣ я писалъ довольно много къ Амвросію Лукіановичу [2]). Вамъ напишу о Кучинѣ и его домѣ, но уже не здѣсь, а въ Москвѣ. Наскучивши ждать, я нанялъ вольныхъ до Подольска, переплативъ имъ, сверхъ прогонныхъ 1 (р.)—80 коп. Что дѣлать! Благо и такъ. Прощайте до Москвы.

Подольскъ. 30 сент., въ 30 верстахъ отъ Москвы.

И все еще не Москва! Такъ-то тяжелъ приступъ къ Москвѣ. Вотъ уже вечеръ, осьмой часъ. И опять лошадей почтовыхъ нѣтъ, опять надобно нанимать вольныхъ. Явились они, давай торговаться. Насилу выторговалъ за 7 (р.)—50 к.,— и приходится слѣдовательно снова давать лишку 1 р. 50 к. Что дѣлать! Безъ малаго 125 рублей я долженъ буду издержать по пути изъ Харькова до Москвы. Сверхъ прогоновъ и кушанья, я не издерживалъ почти ничего, и платилъ притомъ большею частью за двѣ лошади. Иногда только, гдѣ считали и Яшку за человѣка, платилъ я за три лошади. Отъ Тулы до Москвы вѣрно пришлось бы платить всюду за три лошади; но я къ

[1]) Приписка рукою Е. И. Срезневской: «получено 15-го октября».

[2]) Метлинскій—въ то время помощникъ библіотекаря Харьковскаго унив., впослѣдствіи профессоръ того же унив.

счастію оставилъ Яшку въ Чертовой, потому что Татьяна Петровна предполагаетъ зимовать въ Москвѣ и слѣдовательно, напрасно было бы мнѣ везти Яшку далѣе. Безъ него мнѣ все равно, что съ нимъ. За издержки, которыя я долженъ былъ бы дѣлать для него, я могу въ Москвѣ нанять мальчика; а изъ Москвы предполагаю ѣхать въ дилижансѣ, слѣдовательно онъ былъ бы мнѣ совершенно въ тягость.

Между тѣмъ я обѣщалъ Вамъ, Маменька, сказать нѣсколько словъ о домѣ Кучина [1]). Позднимъ вечеромъ, въ дождь и ненастье я ѣхалъ въ Чертовую изъ Вѣнева монастыря; въ дождь и въ ненастье, позднимъ вечеромъ остановился я у крыльца господскаго дома. Спрашиваю: тутъ ли живетъ Александръ Ивановичъ Кучинъ [1])?—Отвѣтъ: «Тутъ. А какъ ваша фамилья?» – Срезневскій. «Да Васъ, кажись, ждали». Вхожу въ переднюю, въ прихожую, въ залу, обставленную лимонными и померанцевыми деревьями и ширмами изъ плюща; выходитъ на встрѣчу Вадимъ Васильевичъ [2]), Татьяна Петровна, дѣти, выходитъ съ ними старикъ въ халатѣ, довольно высокаго роста, сѣдой, мужественной, воинской физіономіи [3])... Рекомендуемся, меня принимаютъ радушно, поятъ чаемъ. Тутъ изъ незнакомыхъ встрѣчаю, кромѣ старика и двухъ малютокъ—его дѣтей, еще молодаго человѣка, который, какъ оказалось послѣ,—Сумароковъ, Петръ Панкратьевичъ, авторъ многихъ повѣстей и романовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя мы съ Вами читали съ большимъ удовольствіемъ; это молодой человѣкъ около сорока лѣтъ, очень моложавый, Тульскій помѣщикъ, и довольно образованный человѣкъ, бывшій въ хорошемъ обществѣ. Еще былъ тутъ Ѳедоръ Семенычъ, бѣдный помѣщикъ, старикъ, не имѣющій претензіи ни на что кромѣ «да». Вотъ общество, въ которое я попалъ изъ подъ дождя. Разговоръ установился уже къ ужину. Впрочемъ ознакомиться съ моими новыми знакомыми я успѣлъ уже утромъ, проболтавъ почти всю ночь, до 3-го часу, съ Вадимомъ Васильевичемъ. Утромъ я сдѣлалъ новое знакомство; Кучинъ имѣетъ жену—изъ собственныхъ дѣвокъ, и къ ней часто приходитъ гостить дочь священника приходскаго: вотъ мое новое знакомство. Можете судить, какова парочка. Тогда же я познакомился и съ самимъ домомъ. О залѣ я писалъ, прибавить нужно только то, что она вся кругомъ, и по стѣнамъ, и по ширмамъ, и всюду, облѣплена вырѣзанными картинками, и вся кругомъ обставлена клѣтками, между которыми нѣкоторыя чуть не въ сажень, и эти клѣтки тоже обставлены вырѣзанными картинками. Эти вырѣзанныя наклѣенныя на картонъ картинки чрезвычайно оригинально

---

[1]) Въ подлинникѣ по ошибкѣ: Кунчинъ.

[2]) Пассекъ—извѣстный литераторъ, издатель «Очерковъ Россіи».

[3]) См. о немъ въ воспомин. Т. П. Пассекъ («Изъ дальнихъ лѣтъ». I т. 14—16 стр.).

характеризуютъ убранство комнатъ: онѣ всюду, даже на печкахъ, даже на ширмахъ. Прибавьте къ этому разговоръ хозяина, вѣчно оживленный военными воспоминаніями, которыхъ не можетъ быть мало у того, кто служилъ подъ начальствомъ Ермолова и получилъ 14 ранъ,—и вы будете имѣть понятіе о домѣ, гдѣ я жилъ весело и прожилъ почти какъ дома почти три дни, такъ долго прожилъ потому, что не пустили. Въ это время я отдохнулъ отъ пути.— Теперь я въ Подольскѣ, и скоро, скоро въ Москвѣ. Прощайте, душенька Маменька—до Москвы.—Тамъ думаю окончить это письмо.

V.

№ 5. 1-е Октября 1839. 11-й часъ по полудни. Москва.

И наконецъ я въ Москвѣ, милая Маменька. Сегодня въ 5-мъ часу утра я дотащился до нея, дотащился не въ пору рано, и потому принужденъ былъ остановиться въ очень дорогой гостинницѣ «Лейпцигѣ», на Кузнецкомъ мосту. Плачу по 4 руб. въ сутки за комнату и 1 руб. за прислугу. Прибавьте къ этому, что надобно питаться, издерживаться на извощика... дорого, дорого! Меня утѣшаетъ одно: если я въ дорогѣ съ издержками на переѣздъ, могъ издержать 125 руб. до Москвы, то авось 250 станетъ на мѣсяцъ, а если станетъ, то и горя мало. Притомъ же за-границей, говорятъ, все дешевле, слѣдовательно я смѣю надѣяться, что 250 въ мѣсяцъ вдоволь достанетъ.

А между тѣмъ я въ Москвѣ,—и день уже прошелъ. Вотъ какъ прошелъ онъ: утромъ, напившись чаю и обрившись, я направилъ путь къ Лѣшкову [1]), товарищу Семена Семеновича [2]), познакомился тутъ со Спасскимъ [3]), съ Мещерскимъ [4]), пилъ тутъ кофе, обѣдалъ, провелъ время по дружески—спасибо имъ; отъ нихъ пошелъ искать квартиру и сыскалъ комнату по 3(р.)—25 коп. съ прислугой на Большой Дмитровкѣ въ Мальцовской Гостинницѣ, близь Театральной площади, очень близко отъ Кремля и Университета. Потомъ поѣхалъ къ Снегиреву [5]), въ надеждѣ получить письмо отъ Васъ, душенька Маменька, не засталъ дома, завернулъ къ Цвѣтаевымъ [6]) и пилъ съ Андрей Львовичемъ чай; съ нимъ отправились мы въ театръ; теперь я воротился домой, и, послѣ

---

[1]) Лешковъ, Вас. Ник., проф. Московскаго унив.

[2]) Лукьяновичъ, впосл. проф. Харьковскаго университета.

[3]) Вѣроятно Мих. Ѳед., проф. Моск. унив.

[5]) Иванъ Михайловичъ, проф. Моск. унив.

[4]) Можно думать Алекс. Петр.—извѣстный путешественникъ по Европѣ.

[6]) Семья Льва Алексѣевича Цвѣтаева, проф. Московскаго университета († 1835 г.), бывшаго въ близкихъ отношеніяхъ съ Иваномъ Евс. Срезневскимъ, отцомъ И. И. С-го; у него былъ обласканъ и принятъ, какъ родной И. И. С. въ 1829 г.—въ первую его поѣздку въ Москву, по окончаніи универс. курса.

порціи бифстекса, сѣлъ за этотъ лоскутокъ бумаги. Что-же писать Вамъ о Москвѣ? Огромный городъ; много старины, много народу, дѣятельность кипитъ; всюду Русь—кое гдѣ вчистѣ, кое гдѣ съ приправой иностранства;—но не столица. Она дорога сердцу Русскому болѣе по воспоминаніямъ, и заслуживаетъ вниманіе болѣе потому что въ ней сосредоточивается Русская промышленность—удивительная промышленность. Не скрою однако, что когда я услышалъ, въѣзжая въ Москву, звонъ колоколовъ, зовущихъ къ заутрени, когда увидѣлъ башни Кремля и главы соборовъ, сердце мое затрепетало; мнѣ казалось, что я въ объятіяхъ матери. Брожу по Москвѣ какъ въ лѣсу, но люблю, люблю ее. Два пункта, съ которыхъ я видѣлъ до сихъ поръ Москву въ нѣкоторой подробности, это: Кузнецкій мостъ, мною обитаемый, и театръ. На Кузнецкомъ мосту и вокругъ него дѣятельность кипитъ какъ нигдѣ болѣе: комната моя на дворъ, но и тутъ трясеніе двери, отзывающейся на громъ экипажей, не смолкаетъ, и слышенъ крикъ, шумъ, свистъ, звонъ колокольчиковъ, говоръ Русскій, Французскій, Англійскій, Нѣмецкій; торговцы лѣзутъ въ дверь ежеминутно, предлагая все отъ сальнаго огарка до книги и отъ яблока въ денежку до мраморнаго бюста въ нѣсколько сотъ, и т. д.; сосѣди мои пріѣзжаютъ, уѣзжаютъ, принимаютъ и показываютъ мнѣ всѣ свои звѣзды, свои жирные эполеты, свои блонды, свои милыя личики—смотря и на меня, какъ на сосѣда, не безъ почтенія, не зная того, что я нанимаю не отдѣленіе, а малый номеръ, и то вострю лыжи подалѣе, что нанимаю не карету посуточно, а ваньку туда-то или туда-то, что ѣмъ, что Богъ послалъ, а не заказываю ни обѣда, ни завтрака у Яра, до котораго отъ меня не болѣе 20 шаговъ. И вотъ входитъ ко мнѣ какой-то богато одѣтый лакей, выглядываетъ изъ за ширмъ, кашляетъ, и на вопросъ мой «что тебѣ надо, другъ мой?», отвѣчаетъ, что Князь Сидоръ Сидоровичъ—что-ли приказалъ Васъ спросить, во сколько часовъ вы будете у Княгини Александры Александровны, потому что желаетъ съ вами тамъ встрѣтиться;—что мнѣ отвѣчать?... отвѣчаю: «У княгини Александры Александровны я сегодня не предполагаю быть, а впрочемъ, другъ мой, ты вѣрно обчелся №-омъ—мой 25-й».—«Извините-съ». Потомъ бѣгу я по корридору въ свой №, бѣгу, бѣгу, а корридоръ нѣсколько тёменъ,—и вдругъ ко мнѣ на встрѣчу молодая дама или дѣвица въ прелестной шляпкѣ и мантле съ блестящими, не знаю какого цвѣта, глазами—чуть то-же не бѣжитъ, перезванивая своимъ серебреннымъ голоскомъ: «Ah Monsieur Струйскій, on Vous attend!» Я останавливаюсь, снимаю шляпу—(кстати: я купилъ прекрасную складную шляпу), смотрю, всматриваются и въ меня, и съ пріятной улыбкой на распѣвъ отвѣчаютъ: «И-з-в-и-н-и-т-е!» Я тоже улыбаюсь, кажется, также довольно пріятно, и вбѣгаю въ свой №. Обращаюсь къ своей шляпѣ: да, я купилъ, потому что въ моемъ пирогѣ рѣшительно

стыдно ходить по Москвѣ; деньги же не пропали—она пойдетъ и за границу, потому что очень удобно складывается въ небольшомъ ящикѣ, и при небольшомъ усиліи выпрямляется на пружинахъ какъ обыкновенная. Теперь къ театру. Давали въ 5-й разъ сряду новую оперу музыки Верстовскаго «Тоска по родинѣ». Фарсъ, а не опера. Нѣкій помѣщикъ влюбляется въ нѣкую дѣвицу, по нѣкоимъ признакамъ догадывается, что она его обманываетъ, а влюблена въ другаго; ѣдетъ съ горя въ Испанію, живетъ тутъ два года, внушаетъ къ себѣ любовь жены Губернатора, внушаетъ въ сердце мужа и другихъ Испанцевъ жажду мщенія, хоть и не любитъ жены Губернаторской, напоминаетъ ей ея долгъ, а себѣ родину и Софію, наконецъ изъ подъ кинжаловъ Испанскихъ освобождается русскими матросами, нечаянно приставшими къ берегу, узнаетъ что любовникъ Софіи, его соперникъ не кто иной какъ ея родной братъ—онъ же и командиръ корабля, приставшаго къ берегамъ, узнаетъ что Софія любила и все еще любитъ его—и ѣдетъ въ Россію. Тутъ и Русскія пѣсни, и Испанскія пѣсни, и Русское ура, и болеро, и пестрота костюмовъ, и декораціи довольно великолѣпныя, и шумъ и громъ, и народныя толпы, и знать, все—только отсутствуетъ опера. Все натянуто и музыка очень часто несогласуется со смысломъ словъ. Москвѣ очень нравится эта пьеса: было много хлопанья, и много смѣху—и въ райкѣ, и въ ложахъ даже. Театръ былъ почти полонъ. Пользуясь прекрасной трубкой Цвѣтаева, я подносилъ къ своему носу лице за лицемъ всѣхъ пяти ярусовъ ложъ, и видѣлъ Москву—видѣлъ очень много усовъ, очень много изможденныхъ лицъ подъ чепчиками, очень много бѣлилъ и румянъ, очень мало хорошенькихъ. Теперь лягу спать, и думать, какъ бы уменьшить расходы, и прежде всего раскаиваться, что нынѣшній день много прожилъ, хоть и мало жилъ. Прощайте, Маменька. Покойная ночь! Пошли Вамъ Господь здоровья и спокойствія. Поклонитесь отъ меня всѣмъ, кто меня не забылъ; напомните обо мнѣ тѣмъ, кто забылъ меня. Я же помню всѣхъ ихъ памятью сердца...

3 Октября.

Вотъ и еще двухъ дней нѣтъ, какъ не бывало. Раскажу по крайней мѣрѣ, какъ они сплыли. Вчера утромъ я опять былъ у Снегирева, опять не засталъ, но письмо отъ Васъ получилъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ читалъ я его, съ какимъ удовольствіемъ перечитывалъ! Благодарю Бога, что Онъ сохраняетъ Ваше драгоцѣнное здоровье; благодарю отъ всего сердца Марфу Ивановну [1]), Григорія Григорьевича [2]), Марью Ѳедоровну [3]), Фанни [4]) и Маничку [5]), и всѣхъ моихъ друзей, что они васъ не оставляютъ. Охъ Маменька! Горько было разставаться, горько

[1]) Фидлеръ. [2]) Фидлеръ. [3]) Питра, мать проф. А. С. Питры. [4]) Питра, сестра проф. Питры [5]) Аничкова.

представлять себѣ, что я могу забыть это горе; но всего горше, что Вы страждете отъ этой разлуки. Быть такъ! Вѣдь я же ворочусь, обниму душеньку Маменьку опять, и опять заживу по прежнему съ нею, въ тѣсномъ кругу добрыхъ знакомыхъ. Не плачьте, Маменька! Берегите себя для насъ. Господь Богъ все устраиваетъ къ лучшему. Отъ Снегирева я направилъ путь въ Университетъ, посѣтилъ библіотеку, познакомился съ Рѣдкинымъ [1]), былъ на лекціи Каченовскаго [2]) и послѣ лекціи познакомился съ нимъ; оттуда обѣдать къ Цвѣтаевымъ; оттуда опять къ Снегиреву, и провелъ съ нимъ весь вечеръ. Благодарю Рѣдкина за расположеніе и помощь при обзорѣ библіотеки; Каченовскій читаетъ сухо, несвязно, но дѣльно (читалъ о различныхъ мнѣніяхъ касательно происхожденія Славяноцерковнаго языка); Снегиревъ много разсказывалъ, хорошо разсказывалъ, многихъ бранилъ, стараясь вывѣдать прежде мое мнѣніе,—и вообще показался мнѣ во-все не такимъ, какимъ я его надѣялся встрѣтить.—Сегодня утромъ я переселился на новую квартиру: она не такъ великолѣпна, но все-же прекрасная комната съ переднею изъ корридора, съ мебелью краснаго дерева, съ огромнымъ окномъ, украшеннымъ богатымъ драпри, на Большую Дмитровку, и что всего важнѣе — очень покойная, считая не въ счетъ уличный крикъ и громъ экипажей. Перебравшись и убравшись, отправился въ Университетъ, познакомился съ Морошкинымъ [3]) и Чивилевымъ [4]), былъ на лекціи Чивилева (читалъ о горахъ въ Германіи—не лучше какъ въ Харьковѣ читаютъ), видѣлся съ Даниловичемъ [5]), былъ имъ дружески обласканъ и просидѣлъ два часа на его лекціи (читалъ объ источникахъ Исторіи Законодательства Польскаго въ XII и XIII столѣтіи, читалъ, какъ читывалъ намъ, прекрасно). Обѣдалъ у Лѣшкова. Вечеръ провелъ у Каченовскаго, разговаривая съ нимъ о Македоніи, Славянщинѣ и т. д. Добрый, умный старикъ, и истинный ученый. И какъ онъ внимателенъ ко мнѣ: будучи самъ членомъ Англійскаго клоба, онъ повезъ и меня туда; мы поѣхали вмѣстѣ и пробыли до 10 часовъ. Англійскій клобъ занимаетъ огромный домъ, великолѣпно убранный. Въ прихожей отбираютъ шинели и шляпы. Комнатъ пропасть: тутъ играютъ въ карты, пьютъ чай, курятъ, тамъ играютъ въ бильярдъ, въ разныя другія игры; тамъ читаютъ молча газеты и журналы; тамъ разсуждаютъ о политикѣ, о Московскихъ новостяхъ, закушивая вѣсти

---

[1]) Петръ Григ.,—проф. Моск. унив., впослѣдствіи С.-Петерб. унив.; читалъ въ то время въ Моск. унив. Энциклопедію Законовѣд. и Россійскіе Госуд. Законы.

[2]) Мих. Трофим.,—проф. Моск. унив.

[3]) Ѳед. Лукичъ,—проф. Моск. унив по каѳ. Гражданскихъ законовъ.

[4]) Алекс. Иван.; въ то время экстраорд. проф. по каѳедрѣ. Политич. эк. и Статистики.

[5]) Игнатій Николаевичь, учитель И. И. Срезневскаго по Харьковскому университету; въ это время (1839—1842), онъ былъ профессоромъ Моск. унив., гдѣ читалъ Законы благоустройства и благочинія и мѣстные законы Западн губерній.

арбузомъ, ананасомъ, яблокомъ, конфетой; сидятъ, ходятъ, лежатъ, финтятъ, крутятъ усы, спорятъ, хохочутъ, вертятъ головой въ знакъ согласія и несогласія, костыляютъ, вынимаютъ и вкладываютъ зубы,—что хотятъ то и дѣлаютъ—все впрочемъ чинно,—и все это люди «Люди»—то съ жирными эполетами, то съ сіяніемъ въ титулѣ, то съ десяткомъ тысячныхъ контрамарокъ въ карманѣ, то съ рогами на головѣ, съ пустотою въ сердцѣ и въ карманѣ, но съ надеждами на карту. Зрѣлище довольно любопытное.— И опять спать хочется: скоро полночь. Прощайте, Маменька.

И. Срезневскій.

PS. Напомните Августу Давидовичу [1]) о пересылкѣ моей Рапсодіи [2]), Амвросію Лукіановичу [3]) о пересылкѣ экземпляровъ Обозрѣнія Харьковс. губерніи [4])—въ Петербургъ.

Книги, которую просилъ меня достать Артемовскій [5]) нигдѣ не нашелъ.

VI.

№ 6. Москва 1839 Окт. 7-е.

Вотъ уже скоро недѣля, какъ я въ Москвѣ, и скоро 4 дни, какъ я не писалъ къ вамъ, милая Маменька. Пора написать хоть что-нибудь. Хоть изъ Россіи буду писать къ Вамъ почаще, если уже нельзя будетъ такъ часто писать, какъ бы хотѣлось, изъ за границы.—Да, скоро пройдетъ недѣля, какъ я въ Москвѣ, а еще не многое, очень не многое удалось сдѣлать. Покамѣстъ самое важное—знакомства. Я познакомился съ Каченовскимъ, Снегиревымъ, Строевымъ, Раичемъ, Вельтманомъ, Погодинымъ, Гоголемъ. О Каченовскомъ и Снегиревѣ я уже писалъ къ Вамъ. Строевъ—очень моложавый и, кажется, очень занятый собою во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, хотя и очень ласковый и очень трудолюбивый, вѣчно дѣятельный. Я провелъ съ нимъ цѣлый вечеръ. Разсказываетъ умно и гладко. Онъ показывалъ мнѣ и труды свои: онъ приготовляетъ библіографическій словарь книгъ и писателей Церковно-Славянскихъ 5 огромныхъ томовъ; кромѣ того поправляетъ и дополняетъ Списокъ Эпархій Архіереевъ, Монастырей и ихъ настоятелей,—1 также огромный томъ; и наконецъ кромѣ всего этого копается всякій день въ Сенатскомъ Архивѣ. У него надобно учиться быть дѣятельнымъ и акуратнымъ.

[1]) Порцель; у него жила Е. И. Срезневская во время путешествія И. И. С.

[2]) Rapsodia Sonatina (Моск. Наблюд. 1837, 3)—Повѣсть И. И. Срезневскаго.

[3]) Метлинскому.

[4]) Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украины. Статья И. И. С—го. Харьковъ, 1839.

[5]) Петръ Петровичъ Артемовскій Гулакъ.

Раичъ [1])—старичковатый, маленькій, суетливый, но очень добрый и простой человѣкъ, ктому же довольно бѣдный. Живетъ журналомъ и учительствомъ. Я былъ у него два раза,—и не могъ не сожалѣть о его положеніи. Онъ имѣетъ большія познанія, умъ, вкусъ, умѣнье говорить; но все это задавлено судьбою - и неумѣньемъ сводить концы съ концами. На память подарилъ онъ мнѣ свои переводы Тасса и Аріоста. Вельтманъ—истинный поэтъ, мужчина прекрасный собою съ свѣтлымъ, открытымъ лбомъ и блестящими глазами, пишетъ несравненно лучше нежели говоритъ, но говоритъ умно, весело и задумчиво вмѣстѣ, добръ, простъ, окруженъ книгами, безпрерывно работаетъ, чѣмъ и живетъ. Скоро будетъ окончена его опера «Волшебная ночь» изъ Шекспира: либретто окончено, Алябьевъ [2]) пишетъ музыку. У него я познакомился и съ Алябьевымъ: добрый, довольно образованный человѣкъ. Вельтманъ пишетъ еще нѣчто въ родѣ романа «Захарушка добрая душа.» Читалъ мнѣ отрывокъ: разсказъ живъ, уменъ, простъ. Постараюсь видѣться съ Вельтманомъ еще не одинъ разъ. Погодинъ—ничего не могу сказать о немъ: добръ и ласковъ, простъ и нецеремоненъ, но вынеси его изъ кабинета его, и его не узнаешь, кто онъ. И въ кабинетѣ своемъ онъ скорѣе надсмотрщикъ, библіотекарь, нежели хозяинъ, употребляющій въ дѣло все, что въ немъ есть. Постараюсь впрочемъ лучше узнать его. Онъ только что воротился изъ за границы, былъ въ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи,—и воротился вмѣстѣ съ Гоголемъ. Вотъ почему я имѣлъ случай увидѣться и съ этимъ Русскимъ Испанцемъ. Очень молодой человѣкъ, хорошенькій собою, умненькій, любящій все Славянское, все Малороссійское, но съ перваго виду мало обѣщающій. Сегодня вечеромъ они заѣдутъ ко мнѣ, и потомъ поѣдемъ къ нимъ. Сегодня же я буду, можетъ быть, обѣдать у Черткова, нумизмата и друга всѣхъ литераторовъ: по суботамъ у него литературные обѣды, и Андросовъ [3]) хотѣлъ меня везти къ нему. Познакомился и съ Андросовымъ: не ожидалъ, чтобъ онъ былъ такая птичка. Едва ли въ немъ есть что нибудь положительное; а желанье нравиться и играть роль человѣка съ умомъ и вкусомъ лишаетъ его и отрицательнаго. Еще видался съ Даниловичемъ, былъ у него на лекціи, былъ у него въ домѣ, былъ и онъ у меня. Не могу не уважать, не любить. Ученый въ полномъ смыслѣ слова, и добрый человѣкъ. Послѣ завтра буду у него обѣдать. На дняхъ обѣдалъ у Чевилева и передъ тѣмъ дни за два былъ у него на лекціи. Ласковый, умный человѣкъ въ родѣ всѣхъ

---

[1]) Сем. Егор.—переводчикъ Тасса, Аріоста, Виргилія, преподаватель Русской словесности въ Московскомъ благородномъ университетскомъ пансіонѣ; также издатель журнала «Галатея».

[2]) А. Ал. Алябьевъ (1802—1852).

[3]) Василій Петровичь—извѣстный въ свое время работами по земледѣльческой статистикѣ, редакторъ журнала «Московскій Наблюдатель» († 1841).

новыхъ профессоровъ. Читаетъ Статистику сравнительно, обращая вниманіе на землю, народъ, промышленность и просвѣщеніе; но кажется темно понимаетъ статистику какъ науку. Объ остальныхъ моихъ знакомствахъ не скажу пока ничего, потому что ничего дѣльнаго не могу сказать и боюсь ошибиться слишкомъ рѣзко.

Да и дурно-же я пишу къ Вамъ, душенька Маменька, все забываю, что пишу не для себя, а къ Вамъ. Простите меня. Пусть ужь кто нибудь изъ моихъ друзей читаетъ Вамъ мои письма, пока я исправлюсь. А вижу и изъ этого, какъ тяжело исправляться.

Простите Маменька, до вечера. Вечеромъ напишу, что случится сегодня. А пока прощайте, будьте здоровы, веселы, покойны. Однѣ ли вы живете или уже и Ефросинья Ивановна въ Харьковѣ? Поклонитесь ей отъ меня,—и пишите почаще въ Петербургъ, пока есть еще возможность получать мнѣ ваши драгоцѣнныя письма.

8-ое Октября.

Недѣля, какъ я въ Москвѣ, минула, и только теперь открывается для меня надежда что нибудь увидѣть. А между тѣмъ вотъ какъ провелъ я вчерашній день:—Въ 12-мъ часу утра я вышелъ изъ дому въ Университетскую библіотеку, провелъ въ ней болѣе двухъ часовъ, разсматривалъ книги по части Славянщины, и взялъ одну изъ нихъ для просмотра домой. Отвезши ее на квартиру, я поѣхалъ къ Андросову, и съ нимъ поѣхалъ на обѣдъ къ Черткову. Чертковъ проживаетъ 100,000 въ годъ, уменъ, образованъ, хочетъ казаться ученымъ и покровителемъ учености. Андросовъ—его домашній пріятель, и я былъ принятъ хорошо. Тутъ были, кромѣ насъ, Снегиревъ, Масловъ, Морошкинъ и Погодинъ съ женою и дѣтьми. Все богато, и все просто. Жена Черткова—женщина очень образованная, много путешествовала, изъ знати (дочь графа Чернышева), что впрочемъ вовсе не видно, мила собою, еще милѣе въ обращеніи. Она такъ проста и обходительна, что жену Погодина выбѣжала встрѣтить въ залу, и потомъ провожала въ переднюю. И какъ хорошо убранъ домъ: мраморы, картины, древности и рѣдкости всюду. Обѣдъ былъ довольно простой, но со вкусомъ приготовленный; послѣ обѣда всѣ вольно курили въ гостинной цигары, расположась, какъ кто хотѣлъ. Отъ Черткова, въ 6 часовъ, я поѣхалъ къ Погодину, и провелъ съ нимъ вечеръ, разсматривая его рѣдкости. Много очень важнаго. Гоголя не было дома. Погодинъ удерживалъ меня съ часу на часъ, говоря, что Гоголь будетъ его бранить, если онъ отпуститъ меня, и будетъ жалковать. До 9 часовъ онъ не пріѣхалъ, и я отправился домой, оставилъ тутъ, что взялъ у Погодина, и въ Нѣмецкій клубъ, куда пригласилъ и гдѣ хотѣлъ ждать меня Строевъ. Побродивши по

заламъ, посмотрѣвши на толпы ходящія и сидящія, на игроковъ въ лото, въ бильярдъ, въ карты, мы пошли въ столовую и ужинали. Тутъ присоединился къ намъ молодой человѣкъ, судья Граждан. Палаты, Лызловъ, скажу съ гордостью—мой почитатель за Рапсодію Сонатину, потомъ еще хозяинъ Оружейной Палаты Соколовскій, потомъ еще одинъ изъ знаменитыхъ артистовъ Гебель,—и мы ѣли, пили шампанское, болтали до 2-го часу. Лызлову непремѣнно хочется чтобъ я былъ у него въ Субботу на квартетѣ, въ которомъ будутъ участвовать лучшіе артисты Москвы. Я бы и хотѣлъ, но боюсь жить такъ долго въ Москвѣ. Сегодня утромъ я проснулся со страшною головною болью,—не мудрено послѣ 8 рюмокъ у Черткова и 5 бокаловъ въ Клубѣ. Головная боль досадна; впрочемъ я благодаренъ Андросову и Строеву, не за то, что они накормили и напоили меня у Черткова и въ Клубѣ, а за то, что я имѣлъ случай еще сколько нибудь узнать лучше Московскій міръ.—Сегодня утромъ я думаю посѣтить соборъ, буду еще у Андросова, чтобы познакомиться съ Макаровымъ [1]), и обѣдаю у Строева; завтра утромъ ко мнѣ заѣдетъ Снегиревъ, и поѣдемъ въ Синодальную библіотеку, оттуда обѣдать къ Даниловичу; послѣ завтра утромъ буду съ Строевымъ и Лызловымъ въ Оружейной Палатѣ, и обѣдаю у Погодина. Остальное время, какъ проведу, самъ не знаю. Прощайте, пора одѣваться.

Вечеръ.

И вотъ какъ провелъ я сегодняшній день: слушалъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, храмѣ, поразительномъ величиною, богатствомъ, мракомъ, остатками старины,—и мнѣ пришла снова мысль, зачѣмъ я тутъ одинъ, безъ Васъ, безъ возможности раздѣлить чувство; мнѣ взгрустнулось, и я горячо помолился о Вашемъ здоровьи, да сохранитъ его Господь, да пройдутъ скорѣе годы разлуки—ухъ! годы, когда еще прошли только недѣли! Побродивши послѣ обѣдни по Москвѣ, я пошелъ къ Андросову, познакомился съ Макаровымъ, добрымъ старикомъ прошедшаго времени,—и, ворочаясь оттуда, встрѣтился съ Пассековыми, которые только въѣзжали въ Москву. Я проводилъ ихъ до квартиры, посидѣлъ съ ними, отправился отъ нихъ обѣдать къ Строеву, просидѣлъ у него до вечера, потомъ опять къ нимъ, и только что отъ нихъ. У нихъ видѣлъ брата ихъ Діомида Васильевича, свитскаго офицера. Черезъ него думаю переслать къ Вамъ это письмо и съ нимъ билетъ сохранной казны, взятый мною на дняхъ на 1200 серебромъ, т. е. на 4200 ассигнаціями. Мнѣ хотѣлось остальное отдать платиною, но не принимаютъ, и вотъ почему я отложилъ это до другаго времени. Еще надобно будетъ Вамъ выслать билетъ въ 500 руб. серебромъ, т. е. въ 1750 р. ас. Такимъ образомъ всего

[1]) Мих. Ник. Макаровъ, литераторъ и археологъ-любитель 1830-хъ год. († 1847 г.)

будетъ 1700 сереб. т. е. 5950 р. ас. Я записываю такъ, что и Вы, и я можемъ получать по билету и проценты и капиталъ. Билетъ надобно очень беречь.

Прощайте, милая Маменька. Получу-ли то я письмо отъ Васъ въ Москвѣ? Ахъ, еслибы! Кланяйтесь Марѳѣ Ивановнѣ, Марьи Ѳедоровнѣ, Григорію Григорьевичу, Ивану Петровичу, Аннѣ Ѳедоровнѣ, Семену Семеновичу [1]), Амросію Лукіяновичу, Александру Петровичу [2]), Александру Ивановичу, Поликарпу Васильевичу [3]), Августу Давидовичу, Ѳедору Ивановичу, и всѣмъ, всѣмъ, кто меня помнитъ.

Цѣлую ручку Вашу.

Из. Срезневскій

Взялъ и еще билетъ въ 515 р. сер., т. е. въ 1800. Слѣд. всего капиталу отдано 6000 ас. Посылаю оба.

VII.

№ 6 [4]). 15 Окт. 1839. Воскресенье.

Москва.

Дравствуйте, маменька!

Вы, конечно, получили уже письмо мое съ разными приложеніями, посланное черезъ Діомида Васильевича Пассека, и въ Петербургѣ надѣюсь получить Вашъ отзывъ объ этомъ. Пассекъ Вамъ сказалъ, между прочимъ, что я выѣхать намѣренъ изъ Москвы въ Воскресенье. Случиться однако должно не такъ, какъ я предполагалъ: выѣзжаю не сегодня, а во Вторникъ. Еще надобно быть кое у кого и кое гдѣ; да и мѣста въ дилижансахъ всѣ до Вторника заняты.

Какъ бы то ни было, я еще въ Москвѣ, милая маменька, и надобно мнѣ написать вамъ что нибудь о ней, о томъ, что видѣлъ въ ней, и о тѣхъ, съ которыми въ ней познакомился.

И прежде всего о Вельтманѣ. Всматриваясь въ литераторовъ Московскихъ, я не могъ не получить впечатленій, самыхъ горестныхъ, самыхъ досадныхъ. Не то думалъ я найдти въ людяхъ, обязанныхъ быть людьми болѣе всѣхъ другихъ людей, не то, что нашелъ. Привычка видѣть на всѣхъ

---

[1]) Лукьяновичь.

[2]) Рославскій-Петровскій, проф. Харковскаго университета.

[3]) Тихоновичь—учитель латинскаго языка Харьковской гимназіи.

[4]) № 6 поставленъ по ошибкѣ вм. № 7-го, отчего невѣренъ и дальнѣйшій счетъ писемъ. См. прим. 1.

одинъ и тотъ же типъ не могла меня не заставить предполагать, что и тѣ, которыхъ я не видѣлъ, такіе же, какъ и другіе. Мнѣ не хотѣлось этого предполагать въ Вельтманѣ; но предполагалось невольно. Къ счастію, я долженъ по крайней мѣрѣ для него сдѣлать исключеніе изъ общаго понятія, мною составленнаго о литераторахъ Московскихъ. Я сознавалъ въ немъ великое дарованіе,—я нашелъ въ немъ—истинно добраго человѣка, душу, которая рада найдти сочувствіе съ другою душою, душу художника и—Русскаго человѣка. Я видѣлъ его въ кабинетѣ, видѣлъ въ сѣмьѣ, видѣлъ съ знакомыми: онъ всюду одинъ и тотъ-же;—не любить его нельзя, не желать ему славы грѣхъ. Передъ нимъ по неволѣ становишься дитятью, безотчетно предающимся чувству любви. И какъ онъ хорошъ собою даже по лицу: правильная, многозначительная профиль, лобъ открытый, свѣтлый, глаза, горящіе огнемъ думы, глубоко проникнувшей душу. Я не въ состояніи забыть его, не въ состояніи не быть его поклонникомъ. — Прошу Амвросія Лукіановича послать къ нему «Думки и пѣсни» [1]), я ему говорилъ о нихъ, а не далъ экземпляра, потому что чемоданъ свой отправилъ по транспорту, не оставивши при себѣ ни одного экземпляра. Чалаго и Баллады Николая Ивановича [2]) я сообщилъ ему отъ имени автора, равно какъ и кое что свое. Адресъ его: Александру Ѳомичу Вельтману на Кисловкѣ въ домѣ Костроминой. Пошлите, Амвросій Лукіановичъ, непремѣнно пошлите ему свою книжку: онъ вѣрно приметъ ихъ съ душевною благодарностію и будетъ Вамъ отвѣчать. Я уже ему сказалъ, что онъ получитъ отъ Васъ, что я напишу къ Вамъ объ этомъ. Когда Николай Ивановичъ издастъ свою Вйтку [3]), то также пошлетъ. Да? Николай Ивановичъ! Кстати о «Вйткѣ»: вчера я видѣлъ ее у Каченовскаго, которому передана она для цензуры: милая книжка; Каченовскій восхищается ею, но едва ли все пропуститъ, и даже хорошо бы Вы сдѣлали, если бы написали ему, что ни Колядокъ, ни чего богословскаго не намѣрены печатать. Это бы Васъ избавило отъ хлопотъ и замедленія. Но, Николай Ивановичъ, что дѣлаетъ Ваша Краледворская рукопись? [4]) Не забывайте о ней. Я всюду говорю, что Вы намѣрены издать ее, и всюду это принимается съ радостію, съ любопытствомъ. Вы же, Амвросій Лукіановичъ, пишите оперу Малороссійско-Русскую, чтобы поболѣе было лицъ Русскихъ, и пѣсень Малороссійскихъ.

[1]) Думки и пѣсни та ще де-шчо. А. Могилы (А. Л. Метлинскаго). Сборникъ стихотвореній. Харьк. 1839.

[2]) Савва Чалый. Драматическія сцены на южно-русскомъ языкѣ. Сочиненіе Іереміи Галки=Н. И. Костомарова. Харьк. 1839 г.—Украинскія баллады Іереміи Галки. Харьк. 1839.

[3]) Сборникъ стихотвореній Н. И. Костомарова: Витка, Іереміи Галки. Харьк. 1840.

[4]) Переводъ Краледворской рукописи на Малорусскій языкъ, отрывки его были напечатаны въ «Снипѣ» г. Корсуна и въ «Молодикѣ».

Напишите и перешлите къ Щепкину (Михаилу Семеновичу): онъ страстный охотникъ до всего Малороссійскаго и постарается дать ей ходъ. Я уже говорилъ съ нимъ объ этомъ. Между прочимъ я передалъ ему Москаля Чаривника [1]): онъ издастъ его какъ 2-ю книжку Украин. Сборника, и Гоголь будетъ держать корректуру; а издавши поставитъ на Моск. театрѣ. Щепкинъ премилый человѣкъ: онъ однажды просидѣлъ у меня съ Гоголемъ цѣлый вечеръ, и мы говорили все о Малороссіи, между прочимъ читали кое что изъ Балладъ Украинскихъ и Думокъ и Пѣсенъ.

Начавши говорить о Вельтманѣ, я перескочилъ Богъ знаетъ куда. Надѣюсь опять воротиться къ нему. Онъ вчера просидѣлъ у меня почти все утро; сегодня или завтра вечеромъ я буду у него. Время съ нимъ летитъ часы кажутся минутами.

16-е октября.

Побродивши по Москвѣ тамъ и сямъ, взявши мѣсто въ дилижансѣ (за 80 р.,) и прочее, я отправился къ Пассековымъ, которые, долго искавши квартиры, переселились наконецъ изъ гостинницы въ домъ Алексѣя Петровича Кучина, брата Татьяны Петровны. Кстати скажу, что въ Москвѣ все дорого— между прочимъ и квартиры также очень дороги, почти дороже нежели въ Харьковѣ, и такъ же какъ въ Харьковѣ чуть только очистятся, тотчасъ занимаются новыми постояльцами. Дрова также ужасно дороги: за одно-поленную сажень березовыхъ платятъ до 30 р. и даже еловыя продаются по 13 и дороже. Кстати же сказать, что морозы уже начались. Выпалъ снѣгъ, и лежитъ не тая. Я прекрасно сдѣлалъ, что послушался васъ, добрая маменька, и взялъ шубу: въ Москвѣ я ходилъ все въ шубѣ, да и въ дорогѣ надѣну ее же: она не пострадаетъ отъ дороги, потому что карета прекрасная и мѣста покойныя. Ворочаюсь къ тому, чѣмъ началъ. Я поѣхалъ къ Пассековымъ, тамъ обѣдалъ, пилъ чай, ужиналъ, ночевалъ, и воротился домой часу въ 10-мъ. Приготовился къ дорогѣ, и теперь, отобѣдавши у Лѣшкова и Спасскаго, сѣлъ у нихъ за этотъ листокъ. Уже темнѣетъ. Хотѣлъ было писать много, но не успѣю. О Москвѣ напишу уже въ другомъ письмѣ. Раньше или позже, а все-таки напишу—хоть о самомъ любопытномъ изъ того, что видѣлъ. А видѣлъ я много, благодаря пособію моихъ знакомыхъ.

Напишите мнѣ, получаете ли Вы Галатею: Ранчъ обѣщалъ высылать, Журналецъ хоть и плохой, а все таки найдется хоть что нибудь, что прочесть

Да извинитъ меня Амвросій Лукіановичь, Николай Ивановичь и всѣ, которымъ я обѣщалъ писать, что до сихъ поръ не написалъ никому. Право,

[1]) Извѣстная Малорус. опера И. П. Котляревскаго: напечатана въ первый разъ во 2-й кн. Украинскаго Сборника И. И. Ср—го (Москва 1841).

достаетъ времени писать только къ Вамъ. Авось либо улучу минуту свободы, и напишу. Кланяйтесь Александру Петровичу [1]) и скажите ему, что я напишу ему, когда познакомлюсь съ Порошинымъ [2]).

До свиданья, милая Маменька. Прощайте. Да хранитъ Васъ Господь. Цѣлую Вашу ручку.

Из. Ср.

VIII.

№ 7, С.-Пбургъ. Окт. 22. 1839.

Между Сѣнной площадью и Екатерининскимъ каналомъ есть между прочимъ и переулокъ, называемый Коннымъ: въ этомъ Конномъ переулкѣ есть между прочимъ и домъ Галчинкова, стоящій на самомъ углу къ Сѣнной площади, а въ полицейскихъ спискахъ подъ № 182; въ этомъ домѣ, на второмъ этажѣ, есть между прочимъ двѣ комнаты, одна желтая, другая голубая, въ этой голубой комнатѣ, между двумя окнами, сквозь которыя можно видѣть и слышать всю дѣятельность Петербургской рыночности, стоятъ два ломберные разставленые стола; за этими двумя столами, при свѣтѣ двухъ свѣчь, въ дыму трехъ трубокъ сидятъ три молодые человѣка, всѣ трое съ перьями, всѣ трое пишутъ письма, всѣ къ Маменькѣ своей... Угадайте, душенька Маменька, что это за люди собрались писать письма въ одной изъ комнатъ втораго этажа дома Галичкова въ Конномъ переулкѣ у Сѣнной площади? О, вы конечно угадали ихъ: одинъ изъ нихъ Барковскій [3]), другой братъ Николай [4]), а третій—я. Мы пишемъ письма. Я, какъ видите, тоже пишу что-то, — и съ нѣкоторой поры очень веселъ. Во первыхъ, я въ Пбургѣ, во вторыхъ у брата; въ третьихъ получилъ отъ васъ, милая Маменька цѣлыхъ три письма... Какъ же не быть веселому?

Чтобы разсказать, какъ я очутился въ Петербургѣ, надобно разсказать и о томъ, какъ я выбрался изъ Москвы, какъ дотянулся до Пбурга.—Въ письмѣ, отправленномъ къ Вамъ черезъ Д. В. Пассека, я писалъ, что выѣзжаю въ Воскресенье, т. е. 15-го Октября; но въ Воскресенье выѣхать не могъ, потому что не отыскалъ ни одного дилижанса, который бы отправлялся въ

[1]) Рославскій-Петровскій, проф. Харьковскаго унив.

[2]) Викт. Семеновичъ Порошинъ, проф. Спб. Унив. по каѳ. Политич. эк. и Статистики.

[3]) Андр. Барковскій—товарищъ Ник. Ив. Срезневскаго по Академіи Генеральнаго Штаба.

[4]) Ник. Ив. Срезневскій, впослѣдствіи подполковникъ Генеральнаго Штаба; былъ убитъ Поляками въ 1863 г., въ самомъ началѣ мятежа.

этотъ день, и отложилъ выѣздъ до Вторника. Объ этомъ я кажется также не забылъ написать въ письмѣ подъ № 6, которое оставилъ для отсылки Лѣшкову и которое, надѣюсь, Вы уже получили. Кстати: совершенно противъ воли и ожиданія, я заставилъ беспокоиться о себѣ не только Васъ, душенька Маменька, но даже и брата Николу. Вы видите: это № 7-й. № 1-й отправленъ былъ изъ Липцевъ, № 2-й изъ Курска. Вы ихъ получили. № 3-й отправленъ изъ станціи Вѣдменскій Заводъ (за Тулою), № 4-й изъ Москвы скоро послѣ пріѣзда въ нее: ужели Вы ихъ не получили? Богъ съ ними, если бы Вы только были покойны. Будьте увѣрены, Маменька, что, если не получите иногда письма отъ меня въ то время, когда ожидаете, то причиной этому не я, а тѣ, которые могутъ отправить и не отправить. Болѣе шести писемъ въ продолженіе четырехъ недѣль, я не могъ написать. Теперь вы будете получать ихъ еще рѣже, а потомъ еще рѣже; но пожалуйста не беспокойтесь: я берегу свое здоровье, остерегаюсь отъ всего какъ умѣю—и до сихъ поръ, что касается до непріятностей, не имѣлъ ни одной, ни малѣйшей. Терпѣло иногда сердце, но впрочемъ все обходилось благополучно, ни встрѣчи даже не было, которая могла бы навести меня на какую нибудь непріятность. Между тѣмъ—къ дѣлу. Я выѣхалъ изъ Москвы во вторникъ. Прекрасная вещь дилижансъ, не тотъ, въ которомъ поѣхали до Москвы Леоновы или Пассековы, а дилижансъ изъ Москвы въ Петербургъ. Это—карета съ коляской впереди— для 8 и даже 12 человѣкъ, карета покойная, широкая, ѣдущая скоро, и не вводящая въ большія издержки. Богъ дастъ когда нибудь мы съ Вами поѣдемъ въ Питеръ въ такой каретѣ. Дилижансъ, въ которомъ поѣхалъ я, былъ 8 мѣстный: въ коляскѣ спереди сидѣли, кромѣ кондуктора, какой-то Капитанъ Лейтенантъ флота и деньщикъ, №№ 1 и 2-й заняты были мною и Швейцарскимъ купцомъ Жиго, №№ 3 и 4-й сзади насъ были во владѣніи двухъ поручиковъ инженернаго и драгунскаго, наконецъ №№ 5 и 6, составляющіе задній отдѣлъ дилижанса, принадлежали Діакону, переселяющемуся изъ Москвы въ Петербургъ съ женою и маленькимъ сыномъ. Общество, какъ видите, довольно разнообразное. Въ половинѣ 11-го часа всѣ пассажиры были уже готовы, и всѣ ихъ вещи въ дилижансѣ были размѣщены очень удобно. Всякій простился съ кѣмъ имѣлъ (я простился съ Пассекомъ, меня провожавшимъ), сѣлъ на свое мѣсто, и восемь лошадей понесли насъ. Не знаю, что дѣлали другіе пассажиры, но я съ своей половиной осмотрѣлись, увидѣли свои вещи въ зеркалахъ, прибитыхъ къ стѣнѣ, отдѣляющей нашъ отдѣлъ отъ передней коляски, увидѣли подъ зеркалами раздвижные столики, раздвинули ихъ, закурили цигары, облокотились, и въ такомъ очень занимательномъ положеніи зѣвали въ окно, каждый въ свое, до тѣхъ поръ, пока пришлось сказать Москвѣ прости, и поднять въ окнахъ стекла отъ вѣтру и снѣгу. А, кстати.

Я бы и забылъ сказать, что въ послѣдніе дни на Москву опустилась настоящая зима, такъ что выпалъ рѣшительно глубокій снѣгъ, и вода въ рѣкахъ покрылась плотною корою льда, такою корою, что мальчишки рѣшались бросать на лёдъ не только камни, но и самихъ себя. Этотъ холодъ, или, лучше сказать, этотъ снѣгъ былъ причиною, что наша поѣздка была гораздо медленнѣе противу обыкновеннаго: мы только на другой день послѣ обѣда, чуть не къ вечеру пріѣхали въ Тверь, и только на четвертый день, т. е. третьяго дня обѣдали въ Новѣгородѣ. Впрочемъ снѣгъ и холодъ насъ провожали только до Валдая: черезъ Валдай мы ѣхали туманомъ ночнымъ, который не позволилъ намъ ничего увидѣть, за Валдаемъ смочилъ насъ дождь, а въ Новѣгородѣ и далѣе свѣтило ясное солнце, и Волховъ былъ покрытъ движущимися барками, и ни снѣжинки нигдѣ, между тѣмъ какъ въ Твери Волга стояла недвижно подо льдомъ; въ Петербургъ же въѣхали по грязи и въ изморозь. Не много могу сказать о томъ, что видѣлъ по дорогѣ до Петербурга. Въ Твери я полюбовался только видомъ города изъ за Волги. Миленькій, чистенькій городъ: больше ничего не могу сказать о немъ. Вышній-Волочекъ—городокъ очень незавидный. Когда проѣзжали Крестцы, я спалъ. Когда проѣзжали Валдай, было уже темно, и для воспоминаній о Валдаѣ я сохраняю въ памяти только два миленькія личика двухъ Зимогорянокъ, у которыхъ за три пппоооццѣлллуууяяя и гривенникъ я купилъ двѣ вязки баранковъ, очень вкусныхъ, и очень понравившихся брату. Новгородъ очень милъ; кремль его чуть не развалины: Софіевская церковь очень странна наружностію, и очень величественна внутри; Волховъ полонъ воды и жизни; равнина, на которой стоитъ Новгородъ огромна... Проснувшись утромъ въ Субботу, я былъ ужь въ Ижорахъ, въ 30 верстахъ отъ П-бурга, и не спускалъ глазъ со всего, что встрѣчалось передъ нами до тѣхъ поръ, пока не обнялъ брата. Видѣлъ вдали Царское-Село, видѣлъ красивыя дачи, видѣлъ широкія улицы Петербурга, восхищался Казанскимъ соборомъ и церковію Петра и Павла. Подлѣ нея остановился дилижансъ. Я нанялъ карету, велѣлъ сложить въ нее свой багажъ, и отправился въ В. Академію, насилу отыскалъ ее, любовался по дорогѣ Невскимъ проспектомъ, Адмиралтейскимъ шпицемъ, Зимнимъ дворцомъ, Исакьевскимъ соборомъ, Невою, всѣмъ,—и наконецъ засталъ брата спящимъ послѣ обѣда. Онъ живетъ вмѣстѣ съ Барковскимъ. Сегодня ѣздилъ къ Министру и узналъ, что Уварова нѣтъ въ Пбургѣ, что его мѣсто занимаетъ Протасовъ [1]) поѣхалъ къ Джунковскому [2]), тамъ засталъ Шпигоцкаго [3]) провелъ съ ними нѣсколько

[1]) Графъ Николай Алекс.

[2]) Іосифъ Абрам. Джунковскій—товарищъ И. И. С-го по университету.

[3]) Аѳан. Григ. Шпигоцкій—товарищъ И. И. Ср—го по пансіону и университету.

часовъ, узналъ все, что нужно и можно было узнать отъ нихъ, и завтра хочу начать визиты.

На слѣдующемъ листкѣ напишу объ успѣхахъ своихъ прогулокъ по Пбургу; а до тѣхъ поръ прощайте, Маменька.

И. Срезневскій.

Спб. Окт. 24. 1839 г.

Принимаюсь, милая маменька, за другой листокъ, что-бы пересказать на немъ, что видѣлъ и слышалъ я въ Спб. въ продолженіи двухъ дней съ тѣхъ поръ, какъ написалъ первый листокъ. Надобно признаться, я сдѣлалъ еще очень мало—почти ничего; но, право, очень трудно быть успѣшно-дѣятельнымъ въ городѣ, подобномъ Москвѣ и Петербургу, когда еще онъ совершенно новъ, и когда надобность беречь деньги заставляетъ не тратить ихъ на извощика, а ходить пѣшкомъ.

Въ понедѣльникъ утромъ, проводивши брата и Барковскаго въ Академію (то былъ ихъ первый выходъ на лекціи въ этомъ году), я сталъ и самъ собираться въ путь; хотѣлъ нанять извощика, не нанялъ потому что просили слишкомъ дорого,—доѣхалъ только до дома Министерства Просвѣщенія. Тутъ первый мой визитъ былъ Сербиновичу [1]). Никакъ я не воображалъ встрѣтить его такимъ, какимъ встрѣтилъ: онъ и милый, и обходительный, даже очень вѣжливый человѣкъ; но это олицетворенная хитрость, если не болѣе,—и притомъ чиновникъ, занимающійся литературою по должности, въ полной мѣрѣ. Я засталъ его въ кабинетѣ, очень крошечномъ, окруженнымъ книгами, какъ мышь; и самъ же онъ величиною не многимъ болѣе мыши. Онъ предложилъ мнѣ между прочимъ побывать сегодня же у Ширинскаго-Шихматова, Директора Департамента Просвѣщенія, и спросить у него, долженъ-ли я являться къ Протасову. Я такъ и сдѣлалъ; отправился прямо отъ него къ Ширинскому. . . . . Принялъ [2]) меня также довольно вѣжливо и отмѣнно сухо, изумился [3]), что меня отправили не прямо изъ Харькова, предложилъ [4]) прямо отъ него отправиться къ Протасову. Я раскланялся, и пустился въ путь къ Протасову. На пути встрѣтился съ Леоновымъ, который бѣжалъ въ Департаментъ. Онъ мгновенно узналъ меня, подбѣжалъ, разцѣловался, распросилъ у меня все, что ему пришло на умъ, сказалъ самъ, между прочимъ, что теперь уже всѣ они здоровы, но что прежде Марья Яковлевна и, какъ показалось мнѣ, и Марья Андреевна были нездо-

[1]) Конст. Степановичъ; въ это время (1833—1856) редакторъ Журнала Мин.Нар. Просв.
[2]) Въ подл.: приняла.
[3]) Въ подл.: изумилась.
[4]) Въ подл.: предложила.

ровы, просилъ къ себѣ, сказавши свой адресъ и пр. Я непремѣнно зайду къ нимъ на этихъ дняхъ, и въ слѣд. письмѣ напишу, какъ ихъ найду. Вышедши на Невскій Проспектъ, я встрѣтился съ Гельфрейхомъ, старымъ товарищемъ по пансіону. Онъ очень обрадовался встрѣчѣ со мною, и просилъ, очень просилъ зайдти къ нему, когда нибудь вечеркомъ: буду и у него. Онъ указалъ мнѣ домъ Протасова, и я отправился далѣе. Я былъ у Протасова на крыльцѣ, былъ въ сѣняхъ, былъ въ передней, далѣе не былъ: оффиціантъ доложилъ ему о моемъ приходѣ, и потомъ черезъ нѣсколько минутъ доложилъ мнѣ, что Графъ очень занятъ и принять никакъ не можетъ. Мнѣ оставалось обратиться вспять, еще разъ взглянувши на великолѣпіе сѣней, украшенныхъ бронзою, паркетомъ, зеркалами, коврами, мраморомъ и бельведеромъ, который надъ ними сверхъ 3-го этажа раскинулся прозрачнымъ куполомъ. Отсюда я пошелъ по Невскому Проспекту къ Адмиралтейству, и любовался имъ такъ, что забылъ зайдти и въ Педагогич. Институтъ, и къ Смирдину, и въ Пѣвческій Корпусъ, любовался Александринскимъ театромъ, Аничковскимъ дворцомъ, магазинами, домами, самимъ проспектомъ и народомъ, на немъ волнующимся. Незамѣтно очутился я на площади и пошелъ на Англійскую набережную къ Анастасевичу [1]). Я не могъ не остановиться на площади минутъ на пять, чтобы посмотрѣть хоть издали на Зимній дворецъ, на Александровскую колонну, на великолѣпный домъ Синода и Сената, на громаду Исакіевскаго собора, обернутаго еще въ пелену лѣсовъ, на памятникъ Петру. Какъ все это хорошо, и какъ мало достаетъ словъ для описанія всего этого! Я остановился въ другой разъ на Англійской набережной и восхищался Невою. Что за рѣка! Широкая, кипучая, полная влаги, полная жизни, она колышетъ свои тяжело-быстрыя волны между стѣнами гранита, надъ которымъ вытянулись строемъ, великолѣпныя, громадныя, изящныя зданія... Взгляните, маменька, на два вида Невы, которыя висятъ въ Вашей голубой комнаткѣ: они вѣрны и даютъ правильное понятіе о Невѣ. Идучи къ Анастасевичу, идучи отъ него, не заставши его, я продолжалъ любоваться Невою,—и жажду любоваться ею въ такой же мѣрѣ, съ такимъ же живымъ чувствомъ, какъ не могу не жаждать упиваться струями воздуха, когда онъ очищенъ . . . . . . [2]) свѣтлымъ солнцемъ и освѣженъ тихимъ вѣтеркомъ. Я воротился домой, утолилъ голодъ, и вновь направилъ путь къ Министерству, заходилъ въ Редакцію, гдѣ мнѣ сказали, что экземпляры моей статьи отправлены уже въ Харьковъ, заходилъ въ Департаментъ, гдѣ мнѣ сказали, что я не могу еще скоро отпра-

[1]) Василій Григорьевичъ, извѣстный библіографъ.
[2]) Слово неразобрано.

виться въ путь, потому что надобно три раза пр1.печатывать обо мнѣ въ газетахъ. Рекомендацію къ посламъ и деньги обѣщались дать и пр. Съ этимъ я возвратился опять домой, и до прихода брата и Барковскаго изъ Академіи успѣлъ еще заснуть. Они воротились, и обыкновенно будутъ ворочаться въ 4-мъ часу, идучи туда въ 9-мъ. Мы обѣдали, отдыхали и пр. Кстати скажу, что они нанимаютъ квартиру очень выгодно: платятъ оба вмѣстѣ 120 руб. въ мѣсяцъ, и имѣютъ столъ и для себя и для людей, и столъ прекрасный, такъ что и мнѣ, третьему, достаетъ, и остается еще для 4-го. Вечеромъ я былъ у Джунковскаго, гдѣ просидѣлъ до 10-ти часовъ.—Сегодняшнее утро мое все занято было посѣщеніемъ Гординскаго [1]), которому Пассекъ [2]) поручилъ изданіе Очерковъ [3]), и Анастасевича. Анастасевичъ таковъ, какимъ я надѣялся и желалъ найдти: добрый старикъ, умный, ученый, добрый, безъ комплиментства, заваленный книгами такъ, что за ними въ его крошечной квартиркѣ и свѣту Божьяго не видно. Я успѣлъ еще зайдти во 2-ю Гимназію и отдать Петѣ Шабельскому доставленное Варварою Вильгельмовною Піонковичевою. Онъ здоровъ, и доставитъ о себѣ извѣстіе послѣ; а покамѣстъ прошу Васъ, маменька, засвидѣтельствовать Варварѣ Вильгельмовнѣ мое почтеніе, если увидитесь съ нею.

Какъ бы я желалъ еще хоть одно письмо получить отъ Васъ до отправки за границу. Какъ отправлюсь еще не знаю: можетъ быть черезъ Варшаву, гдѣ теперь Уваровъ.

Кланяюсь всѣмъ.

Цѣлую ручку Вашу.

Покор(ный) сынъ Из. Срез.

P. S. Да извинитъ меня добрый Амвросій Лукіановичъ, что я не написалъ къ нему еще ни одного слова. Письмо и есть, еще написанное изъ подъ Москвы; но грѣхъ посылать. Жду времени составить новое.

---

[1]) Е. П. Гардинскій (Т. П. Пассекъ: Изъ дальнихъ лѣтъ. I, 275).
[2]) Вадимъ Васильевичъ.
[3]) Очерки Россіи. С.-П.-Б. 1838—1842.

ОТДѢЛЪ II.

МАЛОРУССКІЕ РАЗСКАЗЫ И ПОВѢРЬЯ

(Екатеринославской губ.).

Разсказы о встающихъ изъ гроба мертвецахъ.

1. Встающій изъ гроба мертвецъ носитъ сатанинское обличье.

Це мени Лытвинъ (Бѣлоруссъ) разказувавъ. Вмеръ, каже, старый хозяинъ та було шо ночи и прыходе зъ гробкивъ (кладбище) до дому. Отце прыйде, сяде на стильчику тай плете лапотень; такъ вже уже его домашни до ёго и прывыклы Ходывъ винъ такъ зъ пив-году, и зъ годъ, тилько люде со стороны почалы прымичаты та сталы попови доказуваты. Пипъ и призвавъ ихъ.—Прызнайтесь, каже, такъ я одчитаю, а то винъ вамъ якесь велыке лыхо зробе.—Ти, ёго домашни, заперлысь:—ни, кажуть, не ходе.—Отъ разъ и зосталысь дома стара того мертвяка, унука та невистка зъ дытыною. Стара жъ зъ унукою въ хати на пичи лягла, а невистка зъ дытыною у будци. Отто и прийшовъ винъ у ночи, сивъ и плете соби. Тилько ось унука устала на двиръ тай иде по-узъ ёго, а винъ саме кмочку упустывъ.—Подай, каже на унуку, мени кмочку.—Та подала, та якъ глянула на ёго, ажъ у ёго увесь сатанынъ образъ. А воны-то до си и не бачилы якый винъ ставъ зъ лыця. Вернулась унука, полизла на печь тай хвалытся баби—шо ось яки то у дида зубы та очи страшни, ше и рогы есть. Баба тоди совъ-совъ зъ печи, на двиръ тай заховалась у курнымъ. А винъ ждавъ-ждавъ, та мабудь догадавсь шо баба вже дозналась шо винъ таке есть, полизъ на пичь тай задавывъ унуку, а дали у сины, кынувсь до будки—ажъ заперто, винъ и улизъ у ту дирку шо въ дверяхъ надъ порогомъ кыдають, шобъ було куды кишци пролизты. Улизъ тай невистку зъ дытыною задавывъ, ше у невисткы и груде вынвъ. А тоди якъ кынувсь нюшить за старою, вынюшивъ ін у курныку, та тилько сикнется до курныка, то стара штовхне пивня, а винъ: ко-ко-ко! такъ того наче шо кыне ажъ на середъ двору. Отъ винъ очуняе та знавъ крадется, а пивень зновъ—ко-ко-ко! Та такъ ажъ покы не заспивавъ, а якъ заспивавъ—такъ той мертвякъ и росплатавсь середъ двору.

2. Солдатъ и повѣшенный.

Въ старовыну, якъ ше не було ни цихъ телеграхвивъ, ни чавунокъ, якъ треба було куды на швыдку звистыть—такъ нарядять салдата верхы, накажуть—шобъ у таки-то часы тамъ ставъ тай пошлють. Отъ разъ и послалы одного такого. Йиде винъ тай йиде, колы дывытся вишелныця стоить, и на ній мертвякъ высыть та выдно й давно, бо такый вже—шо самы маслакы, чуты якъ и сурели (кости голеней) бьются одна объ одну.—Дай, дума той салдатъ, выкопаю якъ разъ пидъ нымъ ямку, перерижу вирёвку,—упаде цей мертвякъ у ямку, я ёго прыкопаю, молытву прочитаю, хай хрыстіянына душа не стражда.—Отто и зробывъ усе такъ. Та тилько перерizавъ ви-

рёвку,—а ти сурели упалы тай сталы у ямци теñ на ёго цкають:—а хто тоби, сякый такый сыну, веливъ до мене мишатысь?—Та якъ выскочуть зъ ямы та до ёго. Салдатъ на коня та хода, а сурели за нымъ у погонь. Бигъ, бигъ той солдатъ, убига у якусь слободу, дывытся свитытся у крайній хати. Винъ мерщій зъ коня, у хату та на пичь. Колы раздывывсь—ажъ и тутъ лежить мертвякъ и биля ёго никого нема. Слуха—ажъ ось и ти сурели лизуть у хату... Колы це той мертвякъ шо у хати лежавъ устае, устае... Та якъ зчепывсь зъ тыми сурелямы—та былысь ажъ покы и пивень заспивавъ. Сурели у синяхъ по той бигъ порога, а цей у хати. Та вже якъ пивень заспивавъ—такъ сурели за порогомъ упалы, а цей хатній мертвякъ у хати чепнувъ.

3. Смѣлъ и Дужъ.

Везе ганчарь горшкы та якъ разъ саме по надъ проваллямъ. А салдатъ ишовъ ззаду та и пхнувъ ти ясла зъ горшкамы у провалля, такъ, шо трохы и волы тамъ не булы, тилько якъ тось переднимы ногамы зачепылысь. Ганчарь тоди тилько взявсь за налыгачъ—такъ и вырятувавъ и волы и воза, такъ лыхо горшкы пропалы.—Ну, каже салдатъ, бачу я—шо ты дужъ, а я смѣлъ, давай товарышувать, я тебя за горшкы награжду.— Отто и пойихать вже у двохъ. Ось и захватыла ихъ десь то пидъ хуторомъ ничь; дывлятся воны—ажъ у въ одній хатци свитытся.—Постой Дужъ, каже салдатъ, я Смѣлъ, такъ я пойду пасмотрю—што тамъ.—Пишовъ у ту хатку, ажъ тамъ мертвякъ лежить и усего и напечено и наварено и биля его на стали наготовлено, а живои души ни въ хати, ни на двори не выдно. Салдатъ тоди и гука:—эй, Дужъ, ѣзжай сюда, выпрягай свои волы, да иди въ хату!—Той выпрягъ, увійшовъ.—Ну, каже салдатъ, давай Дужъ—закушувать.—Выпылы отто по гарци, по другій, салдатъ и каже:—Ну, Дужъ, лягай ты спать, а я караулить буду, только какъ крикну вставай, такъ ужь вставай.—Той Дужъ—якъ лигъ—такъ уразъ и заснувъ, а салдатъ походе-походе по хати, выпье, люльки покуре та знавъ ходе. Отъ тилько дывытся—ажъ мертвякъ—двигъ рукою. Што это, каже салдатъ, ты насправди, чи шутишь?—А мертвякъ и ногою совъ-совъ, тай уставъ. И зчепывсь зъ тымъ салдатомъ. Баче салдатъ, шо не подоліе тай гука:—эй, Дужъ, вставай, помоги мнѣ этого чорта управить!—Той Дужъ якъ уставъ, умыть и скрутылы того мертвяка, звязалы, зкрутылы та у ганчаревы ясла мижь черенья и вкынулы. Отто выспалысь и пойихали сиби и мертвяка того повезлы. На другу ничь зновъ на такого жъ мертвяка натрапылы и цёго скрутылы та у ясла. И на третю ничь такои жъ; везуть отто—ажъ тры мертвяки. И прыиздять воны на четверту ничь десь у такый-то лисъ, шо черезъ ёго и произду нема. Дывлятся, въ гущини вогонь горыть,—салдатъ и каже:—Ты жъ Дужъ выпрягай тутъ быки, а я пойду посмотрю, што тамъ.—Прыходе—ажъ коло того вогню двянадцать розбойныкивъ сыдыть и мижь нымы отаманъ такый лупаняга (толстякъ) у червонній сорочци. Сыдять отто воны, кашу варять, барана жарять и передъ нымы—ажъ тры кучи грошій. Салдатъ помитывъ те все тай пидсивъ до ныхъ.—А што, пыта, можно трубочку закурыть?—Можно, кажуть.—Отъ винъ разбалакуе зъ пимы, а дали и гука:—эй, Дужъ, што жъ—это люди мясо жарятъ, давай и мнѣ!—Дужъ догадавсь, доставъ одного мертвяка, настромывъ на килокъ тай подае ёму. Салдатъ устромывъ ёго у вогонь, пикъ-пикъ, ажъ покы той не завонявсь, тай не лопнувъ. Винъ тоди зновъ крычить: эй, Дужъ, што ты мнѣ далъ тухлого мяса, давай свѣжева! Той ёму и другого мертвяка подавъ. Винъ и цёго пикъ—покы и цей не лопнувъ.—Давай, зновъ крычить, свѣжей!—Подивъ ёму Дужъ и третёго мертвяка, винъ и цего спикъ.—Давай еще! крычить. Та нема, каже, бильшь!—Якъ нема? А подай вонъ того што въ червоний рубахѣ сидитъ!—Цебъ то того отамана. Ти разбойныкы якъ почулы таке та вростичь и гроши и йижу покынулы.—Ну, каже тоди салдатъ, выкидай свои черепки, да забирай эти деньги. Той ганчарь забравъ ти гроши и поихавъ соби до дому, а салдатъ соби пишовъ, куды ёму було треба.

Новомосковскъ, Екатериносл. губ.

Повѣрья о богатыряхъ.

1, Богатыря можетъ узнать священникъ.

А то разъ на Велыкдень насъ батюшка поздоровлявъ зъ богатыремъ.—Я, каже, не можу, якъ багатырь прычащается, ёго духу выдержать, та ше якъ наведу прычастя пивъ чаши—такъ вона стане повная, а якъ трохы неповну—такъ верхъ выжене, тилько, тилько шо не прольется.—Пипъ и зна хто такый той багатырь, такъ ему заборонено казаты. Отто жъ батюшка сказавъ намъ, тоди и люде сталы помичать—якъ той багатырь шуткувавъ. Разъ у лиси такого дубка шо на млынове крыло на рямына годытся—нагнувъ до земли, прывьязавъ кобылу до вершечку тай пустывъ. А удруге найшлы тры дубки, шо рослы одъ одного кориня—такъ ихъ мовъ у косу заплетено. Та була у насъ за селомъ могыла, а на тій могыли млынъ стоявъ. Такъ винъ було возьме млыновый камипь, вытягне зъ млына тай коте зъ могылы, а тоди настроме на килокъ, пидвыхне на плечи тай несе на могылу. Такъ хтось пиглядивъ, винъ зъ того часу и пишовъ на острова.

2. Змѣй уходящій отъ богатыря въ видѣ бури.

Пройшла разъ у степу буря, усе чисто порозвертала и тилько люде сили полуднувать—дывлятся ажъ иде до ихъ чоловикъ, такъ наче у манашецькому одіянію, у наряди (въ оружіи) и коня веде.—Шо, пыта, вы тутъ ничого не бачилы?—Ни, кажуть, була тилько страшенна буря.—Знаю, каже, вже винъ далеко, та я ёго дожену.—А чи нема у васъ воды напытысь?—Та онъ, кажуть, боклагъ.—Цёго, каже, мени мало.—Та пишовъ до барыла (небольшая бочка)—якъ узявъ его за уторы та трохы усёго не выпывъ, тоди попрощавсь и пишовъ соби. Люде и бачилы—якъ и на коня сидавъ, та не углядилы де и дився. Пишлы ёго слидомъ—такъ гдѣ ступавъ кинь, або винъ—такъ скризь ямы у пив-аршина. Цежъ багатырь на своій черзи упустывъ змія тай гнавсь за нымъ, а винъ попередъ его бурею прійшовъ.

3. Богатырскій конь.

Разъ у Дурасивскихъ плавняхъ, выще Каховкы (Херсонской губ.), а тамъ Днипръ на шисть верстъ разлывается, плывь у половодь багатырьскій кинь у наряди. Зибралось тыхъ робочихъ може чоловикъ изъ трыста--шобъ того киня пійматы. Такъ де тоби,—тилько до берега доплывъ, та якъ перснувъ (прыснулъ), такъ таку хвылю погнавъ на берегъ, шо трохы усыхъ не потопывъ, та тилько ёго и бачилы. Це ёго багатырь вызывавъ, а винъ до его и добывавсь.

4. Заговорное ружье.

Купывъ соби чоловикъ десь въ дорози ружжо и штось дешево; укынувъ у брычку тай йиде соби. Колы це воно тилько—бухъ, бухъ, а дали въ трете.—Давай, гука, хазяину, йисты!—Прывизъ винъ ёго до дому, поставывъ у кутку, а воно и въ хати бухъ тай бухъ.—Давай йисты!—Крычить.—Вынесы, кажуть ёго геть, а то ше и насъ повбыва.—Вынисъ винъ ёго у будку, а воно и тамъ бухка та все крычить:—давай йисты! Такъ той чоловикъ вынисъ его на базарь, недовго и насывсь зъ имъ, заразъ на такого и натрапывъ.—Я, каже, давно вже такого ружжа шукаю.—Тай купывъ.

Новомосковскъ, Екатериносл. губ.

Зап. Ив. Манжура.

Болгарскія народныя сказки.

Изъ Прилѣпа.

8.

Имаше еденъ царъ, имаше една керка отъ първата жена. Арно ама царо зеде втора жена и кай да одеше, се ѝ велеше: «на керка ми не мой лошо нѣщо да ѝ направишъ, оти джуапъ не ми даде». Царицава се налути: ясъ нищо не ѝ велѣмъ, а той кай да оди се ми наручу'а. Ка'о во Солунъ бѣше мѣстото, да рѣчиме, пампуритѣ играатъ тука. Стана царицава, ми отиде кай пампурджията и му рече: «ясъ кье ты я донесамъ пащерка ми, да я отнесишъ некадѣ; арно ама се навякашъ да я отнесишъ некадѣ, кай що поќукъ да не ѝ се чус и ако незината дѣснат рака да ми я донесишъ». А, а! ясъ рече пампурджията. И та'а си дойде дома; Марйе, вели на керка си, ай облечи се, да прощетаме въ пампуръ повода, И испромени та'а, кинисая и влегоа во пампуро. Царицата найде ма'ана и ѝ вели на пащерка си: «Марие, рече, ясъ сумъ си забораила нѣщо; почекай, сега кье дойдамъ». Та'а излѣзе а пампурджията пампуро. Я носи, я носи, носи пампуро, кой знай, кай я отнесе, я отвлече во една земля многу надалеку. Я изнесе на су'о. И ѝ вели пампурджията: «Марие, ке те коламъ, ке ти земамъ дѣсната рака, да я отнесамъ на мащеа ти да си земамъ акотъ». Итогай таа се расплака: ти се моламъ, не коли ме, еве пресечи ми я дѣсната рака; ти не си кабаетлия! остайме жива; земи я ракава, за да си земишъ акотъ. И я пресече раката до глуждо и я остай жива во пустелията. Сирота, завиткуй раката, пищи, плачи; стоя еденъ день, два дни, каму рака боли, ѝ се яди. Незнай що да праи сирота. Той що я повелаше тая зема, кай що бѣше дѣвойкава, имаше синъ; и той излѣзе на лоенье. Загърчината ѝ найдо'а трагата; зедоа да полавнува'а, и вабатъ не идаатъ. Море, рѣче, синъ му на кралотъ: ай да по'йме, има нѣщо що лаатъ късметъ. Отидоя таму по едноливи и подъ една спила наогя'атъ дѣвойката ни жива, ни мъртва, каму со отсечена рака, бѣше лична многу, отъ мѣрата надворъ; я прашаатъ кутрата, — таа само ишаретъ дава, неможи дъ прогоори. Земете я, рѣче, кралскиотъ синъ, да не умри тука отъ гладъ. Дѣвойката туку молчи и не збору'а! Само яко я прошаше пѣкой, оттоараше и пойкье си молчеше. Се изнаяде лѣбъ, се куветиса, стана отъ лична по лична, а и ракате ѝ заздраве. Дойде врѣме, дойде ко'а да се женитъ синотъ на кралотъ. Синотъ му вели: «татко! ясъ друга не земамъ, онаа, що сумъ си и нашелъ, таа ми е късметъ». И татко му вели: «арно бре, синко, да е здрава колай, ами има кусуръ: чолакъ е. Да не рѣчишъ нѣщо: кай се найде овой таксиратъ чолакъ да водамъ! — Е, татко, каква да етъ, дексана ми е. Собраа попой, владици, патрици, кралей, свадба нартайя за чудо, я вѣнча и я зеде.

Татко ѝ си бараше керка си; токмо три години я бара, не я найде нигдека. И по тритѣ години'н повика ситѣ кралей, ке праи зйяфетъ: е, я баравъ, не я найдовъ, ете отъ денеска я прежралуамъ, нѣма векье да я барамъ. На гости билъ викнатъ и свекеротъ на керка му. Тогай кралотъ, вели на сина си: «сине бре, ясъ сумъ старъ, на гости толку на далеку кой кье се влечка; Оди ти.» — Арно, рѣколъ, на мѣсто тебе ясъ ке одамъ; станалъ и отишолъ. Таму гоститѣ оделе мѣсяцъ, два мѣсеца, дури да се соберать ситѣ крало'й; играать, пѣять, джумбуши тераатъ. И момчево, синотъ на кралотъ, бѣше многу севаллия: многу пѣеше, многу играше. И како що пѣеше и играше по дворовтѣ, царицата сеиръ гледаше отъ диванитѣ. И туку му дойде

отъ дома еденъ санджия и како що играше момчево на танецъ го запре и извади отъ пазу'а една книга и му я даде. И тоа я зеде, отвори книгата и кога я пѣй, що да види: ако ти е чолакъ Мария, нека ти е жива, ти родила двѣ дѣца машки. И той тая книга си я зеде и си я кладе в'пазува и друга му напиша: «Ако ми е Мария чолакъ, нека ми е жива. Не мой нѣкой нѣщо да ѣ рѣчите, оти джувапъ не ми даате!» И на санджията му вели: ти да си оишъ. И послѣ кога се вати на танецъ; Коа ти вати да ти игра, да рипа, Боже, Боже, сио свѣтъ се зачуди! Царицата си вели: що радось му дойде отъ дома, що се расвесели олку момчено. Таа знаеше да пѣи и стой, рѣче, да видиме, що аберъ му дошло отъ дома. Го начека таа самиджията и му вели: «Камо да видиме що пишуа книгата, що ти я даде синотъ на крало; кья попѣямъ, и ке ти я даамъ; не друго, ами да знамъ, що радось му дошло отъ дома. Санджията се излага и ѣ рѣче: на! Коа я пѣи царицата книгата, леле Боже, таа е! рѣче. И како що я държеше книгата, я испущи отъ рацѣ. Послѣ я зема отъ земи и фъркъ, фъркъ парчиня я напраи. А! ами що стори ти! ѣ рече санджията; ясъ сига кье му кажамъ, ясъ трѣба да се вратамъ да му кажамъ. Стой, молчи, му вели царицата, и зема му напишуа друга книга и во неи пишуаше: оти ясъ овдѣ сумъ ди нашелъ друга невѣста, и ако сакате да си дойдамъ, отепайте дѣцата и нея са я отепате, инаку не идамъ. И на санджията му я даде тая книга и еденъ гърсъ алтани. Коа я пѣа татко му книгата: офъ ясъ сиромавъ, коа му велевъ не земай, я! Той си нашолъ сега друга невѣста. Ами како да станиме каиль души да изгубиме. И пакъ татко му сбира владици, патрици и му вели забираете се, да тепаме три души: е, свети владици! како ме учите! да истепаме три души послѣ да му пишиме да си до'итъ? Измислия владицитѣ, патрицитѣ, грѣота е, рѣко'а тие, да тепаме три души, кай що я найдовте дѣвойката, таму пакъ отнесете, я како кье и поможитъ Господъ. Язедоа чоадаритѣ и я отнесоа во пещарата, кай щоя найдоя; таму я върли со се дѣца. Лежа таму пе' чесъ дни и ет'що бѣше праведна, за правиньето Господои и дойе раката отъ кай мащеа ѣ. И се стокми како понапретъ раката. Кай що се стави раката се познааше, защо имаше како вегья цървено предено. А со нея си гледаше дѣчината. По нѣколку дни ете ти го синотъ на кралотъ си дойде. Едно слегуванье отъ конь: Татко, праша, камоя Мария?—Коя Мария барашъ?—Марія жената ми.—Мария како що рѣче, то'а си найде. Како? Що сумъ рѣколъ ясъ.—Ето що сумъ рѣколъ, му вели татко му: о'дърпъ отъ пазу, писмото, му го подава на сина си. Синотъ позелене, како самания и се удри со раката въ чело: Леле, Леле, що ми се стори. Али до сторивте, море лугье, ова?—Тесъ! по санджията. Бърго: ясъ си сакамъ жената, со се дѣчиня! Етети го санджията. Бърго бре, куче, да ми кажишъ, кой ти я пиша оваа книга. Богме, рѣче, се кье ти кажамъ. Таа книга що ми я даде, ми я искина царицата, а ми я даде оваа. Море, рѣче, да ли го сторивте ова що е пишано ту'а? Леби ми. рѣче, царо: мунасипъ, ненайдовме да го сториме, мунасипъ на йдовжеда я върлиме во пещерата, кай що я найдовме и сега таа е таму. Зеде чоадаритѣ, търчатъ, бодинатъ право во пещерата. Я найдоа жива, дѣцата живи, раката ѣ дошла, оздравена. Я донесоа дома и тогай кажа невѣстата му: оти той, кай що бѣше на гости, ми ми е татко, а царицата мащеа. Мащеа ми ме продаде на еденъ пампурджия и пампурджията ми я пресече раката, за да си земи акотъ отъ нея. И сега тая ова го напраи. Арно ама Госпо па' жива ме дочува. Синотъ отъ Крало му пишуа на татка ѣ, «да ме чѣкашъ со Мария на гости. Татко ѣ со друго письмо му вели: повели, добрѣ дайди!—Станаа явна'а коньитѣ и отидоа пригатка ѣ Царотъ тогай се дума и си вели: Како джанамъ ясъ три години я баравъ, не я найдовъ, я сега би късметъ се найде. Тогай керка му кажа вака и вака се стори со мене. Со една рѣчь се си искажаа. Се налути царо и вели на царицата: що си барала, да найдишъ. Зеде една ругузина, со смола и катранъ. Я пикна царицата и я изгоре.

Болгарскія народныя пѣсни.

Изъ Прилѣпа.

5.

Митанъ и Магда.

Изговори младъ Митанче:
„Ой, ти, Магдо, бѣла Магдо!
„Я засучи бѣли поли,
„Бѣли поли и рака'и,
„Да замесишъ двѣ погачи,
„Да наточишъ двѣ здравици,
„Двѣ здравици ройно вино:
„Кье 'одиме на първиче,
„На първиче, на вториче
„Кай майка ти, кай татка ти,
„Кай бракя ти, кай сестри ти.
Ми замеси Магда двѣ погачи,
Ми наточи двѣ здравици,
Двѣ здравици ройно вино.
Кьинисале да ми одатъ
На първиче, на вториче;
Ми завлегле в'лѣпа гора,
В'лѣпа гора, Света гора.
Тука има лѣпъ манастиръ,
Лѣпъ манастиръ 'Илиндарцки,
Во мансатиръ—ка'угери,
Ка'угьери и егуменъ.
Богъ го убилъ младъ Митанча!
Го навали тежка дрѣмка.
Изговори младъ Митанче:
„Ой ти, Магдо, бѣла Магдо!
„Я запѣй ми една пѣсна,
„Малку да ѐ рѣчо'ита.
Многу да е гласо'ита
Прого'ори бѣла Магда:
„Ой Митанче, младъ Митанче!
„Овде има лѣпъ манастиръ,
„Лѣпъ манастиръ 'Илиндарцки,
„Во манастиръ—ка'угери,
„Каугьери и егуменъ,
„Що ме сакалъ три години;
„Дилми нему татко не ме даде,—
„Той напра'и лѣпъ манастиръ.
Изговори младъ Митанчо:
„Нека има ка'угери,
„Ка'угьери и егуменъ,
„Я запѣй ми лепа пѣсна,
„Малку да ѐ речо'ита,
„Многу да ѐ гласо'ита!
Ми запѣя бѣла Магда,
Ми запѣя лѣпа пѣсна—
Малку била рѣчо'ита,
Многу била гласо'ита,—
Пилци отъ дьрвя попаднале:
Ми ѧ̀ дочу ка'угеро,
Ка'угеро, егумено;
Що ми прати двѣ гячиня
По патища, по друмища,
Да чека'атъ младъ Митанча.
Богъ, 'и убилъ двѣ гячиня,
Що го стреле младъ Митанча
И му рекле на Митанча:
—„Ай повели во манастиръ
„Да покаснишъ малку лѣбецъ,—
„Така адетъ си имаме.
Се излага младъ Митанчо,
Ми се врати во манастиръ.
'Натема го егумено!
Що го опи младъ Митана
Со лута, бѣла ракия;
Що му върза рацѣ на опаку,
На гуша му кладе дробенъ синджиръ,
Ми го тури в'темепъ зънданъ;
Си ѧ̀ зеде бѣла Магда,
Си ѧ̀ люби три годнни,
Отъ манастиръ надворъ не ѧ̀ пущи
И му даде Госпо'машко дѣте.
Прого'ори бѣла Магда:
„Ой те тебе, егумене!
„Уще ли вѣра не вѣру'ашъ?
„Отпущи ме отъ манастиръ,
„Да прошетамъ низъ гората.
Богъ го убилъ ка'угеро,

Що ѩ пущи Магда да прошета,
Да прошета низъ гората.
Шетайкьи Магда низъ гората,
Що си найде шаренъ кавалъ.
Во кавало запѣяла:
„Ой ви, вие, мили бракя!
„Ал'знаите, дека сумъ си
„Во манастиръ три години,
„Кай ме льуби ка'угеро,
„Ка'угеро, егумено?
Я дочуле незинитѣ бракя,
Бърго тие пристасале,
Пристасале во манастиръ,
Го ватия егумено,
Му върза'а рацѣ на опаку,
Го пущн'я Митанчета,
Му обрико'а брада до колѣни,
Му рѣко'а егумену:
„Ой те тебе, ка'угере!
„Како земашъ машка жена?
Г'извадо'а на друмища,
На друмища, на патища,
Го турия на раскърсница,
Му извърто'а църни очи,
Му пресѣко'а рацѣ до рамена,
Му пресѣко'а нозѣ до колѣна:
—„Да прикажувашъ ка'о земашъ
„Со лаженье мажка жена!
Послѣ ми пойдо'а на първиче,
На пьрвиче, на вториче.—

6.

Фала Богу за чудо голѣмо!
Боленъ лежи Марко отъ Вароша.
Що ми лежа до деветъ години:
Ни умира юнакъ, ни станува.
Дворье мети млада Марко'ица,
Дворье мети, танки пърсти кжрши,
Пърсти кжрши, дробни солзи рони,—
На дворо'и правьи загаснуватъ,
Како да 'и роса обросила.
Ѩ догледа Марко отъ Вароша;
Наче гърло юнакъ да зборува:
„Ой невѣсто, мило добро мое!
„Кье те прашамъ, право да ми кажишъ,
„А що имашъ голѣма не'ола?
„Али диванъ не те бендисува,
„Али ти тежко здодѣяно,
„Кай ме гледашъ боленъ на постела
„Еве сего до деветъ години?
„Що дворье метишъ, танки пърсти кжршишъ,
„Пърсти кжршишъ, дробни солзи ронишъ,—
„На дворо'и правьи загаснувашъ,
„Како да 'и роса обросила?
Изговори млада Марко'ица:
„Лежи, лежи, гиди боленъ Марко,
„Лежи, лежи, ай да би нестаналъ!
„Еве сега до деветъ години,
„Кай те гледамъ боленъ на постела,
„Така младос'ъ мене ми помина,—
„Се'а кье барамъ другега юнака.
Изговори Марко отъ Вароша:
„Офъ, невѣсто, мило добро мое!
„Ти се моламъ отъ небо до земи,
„Погледай ме уще двѣ недѣли,
„Ако умрамъ други юнакъ барай,
„Ако станамъ, просто нека ти е'.
Богъ да бие младата невѣста!
Часо върли метла во дворо'и,
Наче гърло, на Марка му вели:
„Стопанине, Марко отъ Вароша!
„Не те гледемъ уще два са'ата,
„А камо ли уще двѣ недѣли?!
Тая пойде во бѣла чаршия,
Що ми личи три теляльи млади:
„Кай кье се найди еденъ дебьръ юнакъ,
„Що да биди отъ Марка по юнакъ,
„Да ѩ земи млада Марко'ица,
„Да му плѣни Марку машко дѣте,
„Да му плѣни Марку сета стока.
Нѣма юнакъ, що да се нафати.
Се изнайде Гино дебарлия;
Па ми вели Гино дебарлия:
„Али чуешъ, млада Марко'ице!
„Ясъ те земамъ за млада невѣста,
„А отъ Марка ясъ не сумъ по юнакъ,
„А си имамъ многу яко кале:
„Триста стажни во вишина,
„Стойпедесе'—во ширина,—
„Внти порти—студено желѣзо;
„И не можи Марко да ми влези.
Пà ми вели млада Марко'ица:
„Али чуешъ, Гино дебарлия!
„'Айде пойди во града Дебара
„Да поседишъ двѣ недѣли врѣме,
„Да си земишъ дванайсе' маски,
„Да си дойдишъ во града Вароша,
„Да плѣниме Марку сета стока.
А що бѣше Гино дебарлия,
Той си пойде во града Дебара,
Ми почека врьме двѣ недѣли,
Па си зеде дванасее' маски.
Кога дойде во града Вароша,
Боленъ Марко нѣма да оздрави,—
Уще толку юнакъ се разболелъ.
Богъ го било Гина дебарлия,

Ми се качи високи дивани,
Що го вати Марка за рамена,
Ми го върли отъ диванъ удоло;
Падна Марко варошки бунища.
Богъ ѫ било млада Марко'ица,
Запалила убава борина,
Па ми слезе долзи конюшници
И на коня криля му подгоре;
Гла'а му върза с'деветъ огламници,
Поплѣнила Марку сета стока.
То'ариле дванаесе' маски,
Му плѣниле Марку мажко дѣте,
Поминале подъ града Вароша.
Лели Марко, чудо, 'и видѣло;
Пищи Марко, како лута змия:
„Богъ те било, Гино дебарлия,
„Кой ти гледа уба'а невѣста,
„За'ощо ми плѣни мое мажко дѣте?
Ами Гино нищо не му вели,
Тогай вели Марко отъ Вароша:
„Шарецъ—койню, мило добро мое!
„Ти кай да си, сега овде да сй,
„Оти дойде Гино дебарлия,
„Ни поплѣни сета наша стока;
„Кой му гледа стока, що поплѣни,
„Кой му гледа уба'а невѣста,
„Ами плѣни мое мажко дѣте!..
Па ми вели шарца пеливана:
„Стопанине, Марко отъ Вароша!
„Богъ ѫ било твоята невѣста,—
„Ми подгоре криля до рамена,
„Гла'а ми върза с'деветъ огламници,
„Ясъ не можамъ при тебе да дойдамъ.
Па ми вели Марко отъ Вароша:
„Шарецъ коню, мило добро мое,
„Да ти капнатъ твойтѣ койнцки заби!
„Що не прегризишъ деветъ огламници?
„Бърго да дойдишъ варошки бунища!
А що бѣше Шарца Пеливана,
Ми прегриза деветъ огламници,
Що ми дойде варошки бунища.
Ѫ превитка танка поло'ина,
А и Марко лели се привкачи;
Го потера копя по друмо'и,—
Шарца игра, како рудо ягне.
Крева коня магли и право'и.
Богъ го било Гина дебарлия.
Тогай назатъ Гино се обдзърна,
Наче гърло Гино дебарлия:
„Чуй ме мене, млада Марко'ице!
„По друмъ ида' магли и право'и,
„Во право'и еденъ добаръ юнакъ,
„Койнь му игра, како рудо ягне.
Се опули млада Марко'ица
Наче гърло тая да зборува:
„Чуй ме мене, Гино дебарлия!
„Терай койньи, бърго да бѣгаме,
„Оти ми е' Марко отъ Вароша:
„Ако не фтаса, той кье не загуби.
Богъ да бие млади мѣнкаджия,
На бърго му койньи мѣнуваше,—
Дури пошле во града Дебара,
Деветъ койньи подъ нивъ ми пукнале;
Ми влего'а во кале широко,
Яко кале яко заклучиле.
А ѝ Марко на порти застана,
Наче гърло Марко да ми вели:
„Шарецъ койню, мило добро мое!
„Айде кале да го прелѣтаме.
Шарецъ—коня лели му велеше:
„Стопаниже Марко отъ Вароша!
„Богъ ѫ било твоята невѣста;
„Ми подгоре криля до рамена:
„Ясъ не можамъ кале да прелѣтамъ.
А що бѣше Марко отъ Вароша,
Той ми пойде Света гора,
Света гора, Илиндаръ манастиръ;
Таму се стори църна ка'угера.
Поминало врѣме три години.
А що бѣше Марко отъ Вароша,
Той ми'оди отъ градъ на градъ
И ми проси за лѣпи манастиръ.
Що ми дойде во града Дебара,
Кой онега Гина дебарлия.
Кога гледа Марко отъ Вароша,
Яко кале яко заклучено.
Марко клука на вититѣ порти.
Що излезе млада Марко'ица,
Наче гърло тая да ми вели:
„А кой клука на вититѣ порти?
Па ми вели църна ка'угера:
„Ясъ сумь църна ка'угера
„Отъ оная Света гора,
„Ясъ си просамъ за манастиръ.
Па ми вели' уба'а невѣста:
„Али ме чуешъ, църна каугера!
„Стой да прашамъ мойо стопанине.
„Стопанина Гина дебарлия.—
„Ако Гино мене изимъ да'й,
„Така тебе порти ти отворамъ;
„Ако изимъ мене не ми дай,
„И ясъ порти тебе не отворамъ.
А що бѣше младата невѣста,
Ми се качи високи дивани,
Наче гърло тая да ми вели:
„Стопанине, Гино дебарлия!
„Що ми дошла църна ка'угера
„Отъ оная Света гора,

„Що ми проси за лепи манастиръ.
Тогай Гино лели ѣ велеше:
„Бърго, льубо, порти отвори му,
„Да го прашамъ църна ка̀угера,
„Дали ѣ живо Марко отъ Вароша,
Бърго търча младата невѣста,
Вити порти тая'и отвори,
Часо влезе Марко отъ Вароша.
Богъ ѧ̀ убилъ младата невѣста,
Лели Марка не ми го познала,
Ами коня на часо го позна;
Наче гърло младата невѣста:
„Али чуешъ, църна ка'угера!
„Ова'а коня Марко'а ми бѣше.
Па ми вели църна ка'угера:
„Али чуешъ', уба'а невѣсто!
„Марко ми умре во Света гора,
„Се погодифъ таму на манастиръ,
„Ами Марка сумъ го спомену'алъ,
„А нѣма'а пари да ми плата̀',—
„Ми дадо'а шарца пеливана.
Па му вели младата невѣста:
„Ай качи се високи дивани,
„Да ми сѣднишъ на чесна трпеза.
Часо се качи Марко отъ Вароша,
Редумъ гледа, чудо, но тярпеза,
Си го виде свое мажко дѣте,
Па ми сѣдна Марко до дѣтето;
Бого било Гина дебарлия,
Той ми сѣди челумъ на трпеза,
Наче гърло Гино да ми вели:
„Али чуешъ, църна ка'угера!
„Кье те прашамъ, право да ми кажишъ:
„Али е живо Марко отъ Вароша,
„Али е живо, дали е умрено?
Па ми вели църна ка'угера:
„Али чуешъ, Гино дебарлия!
„Марко умре в тая Света гора,
„И ясъ таму лели се погодифъ,
„За спомено койньо му го зедофъ.
Па ми пищи Гино дебарлия:
„Офъ! невѣсто, мило добро мое!
„Донеси ми чаша чабурлия,
„Кье пиеме Марку задужбина!
А що бѣше младата невѣста,
ѧ̀ донесе чаша чабурлия,—
Мали чабуръ дури седумъ ока;
Ситѣ редумъ мѣ се пореди'а,
Нѣма юнакъ чабуръ да испие'
Редъ му дошло на Марко'о дѣте,
Крена дѣте чабуръ го испило.
А що бѣше млада Марко'ица,
А со клоца дѣте ми го клоцна:
„Богъ те било, курвино копиле,
„Да лели си марко'о колѣно,—
„Ти кье бидишъ клета пияница!
Редъ му дойде Марку отъ Вароша,
Му турия еденъ чабуръ,
Крена Марко чабуръ го попило;
Па ми вели Марко отъ Вароша:
„Турете ми уще еденъ чабуръ!
Му турия и другъ чабуръ вино...
Крена Марко и него го испи.
Тогай Марко лели му велеше:
„Турете ми уще еденъ чабуръ,—
„Малку кьефчокъ и ясъ да напра'амъ
Уще еденъ чабуръ му турия,
Крена Марко и него го испи.
Тогай вели Гино дебарлия:
„Офъ! невѣсто мило, добро мое!
„Донеси ѧ̀ Марко'ата сабя,
„Да видиме, що сабя имало.
Я донесле марко'ата сабя,
ѧ̀ дадо'а редумъ по трпеза,
Нѣма юнакъ сабя да потъргни.
Редъ му дойде на Марково дѣте,
Търгна дѣте до полу ѧ̀ изваде.
Що го удри млада Марко'ица:
—„Богъ те било, курвино копиле,
„Ти кье бидишъ на Марка кеседжия!
И на Марка сабя му дадо'а.
А що бѣше тая остра сабя!
Уще Марко 'арно не потъргна,
А гола сабя на рацѣ излезе.
А що бѣше Марко отъ Вароша,
Часо рипна на нозѣ юначки,
Пищи Марко, како люта змия:
„Али ме чуешъ, Гино дебарлия
„Да ясъ не сумъ църна ка'угера,
„Туку сумъ си Марко отъ Вароша.
Свърте сабя на лѣво, на дѣсно,
Що имаше гости 'и посече;
Па го вати Гина дебарлия
Му пресѣче рацѣ до рамена,—
Бързи нозѣ—дури до колѣна,
Му изваде обѣ църни очи;
Па го кладе до вода студена,
Го дарува два жолти дуката,
И на Гина лели му велеше:
„Кой кье те праша, ти да прикажувашъ.
„За още си вака улишено,—
„Живу мажу жена да се не зема!
А що бѣше Марко отъ Вароша,
Що имаше стока ми поплѣни,
Си ѧ̀ зеде убава невѣста
И си зеде 'свое мажко дѣте;
Па си дойде во града Вароша.
Що ѣ вели на млада невѣста:

„Ой невѣсто, мило добро мое!
„Ай засучи поли и рака'и,—
„Да уготвишъ по сладка вечера,
„Кье поканамъ гости приятели,
„Ние да се малку веселиме.
А що бѣше 'уба'а невѣста,
Засукала поли и рака'и,
Ми уготви сладкана вечера.
Марко кани гости приятели,
Како 'и кани, така му дойдо'а.
Ми сѣднале на чесна трпеза.
Тогай Марко лели ми велеше:
„Офъ, невѣсто, мило добро мое,
„Али сакашъ свѣйкя да ни свѣтишъ,
„Али сакашъ слуга да ни бидишъ,
„Али сакашъ сабя да цѣливашъ?
Па ми вели младата невѣста:
„Стопанине, Марко отъ Вароша!
„Ясъ не можамъ сабя да цѣливамъ,
„Ни па'можамъ слуга да ви бидамъ:
„Овдѣ има сѣкакви юнаци,
„Да не нѣкой за рака ме вати,—
„Мегьу себе да се изгубите:
„А ясъ можамъ свѣйкя да ви свѣтамъ.
А що бѣше Марко отъ Вароша,
Той ми зеде шаваръ ругузина,
Ѧ утопи лоя и катрана,
Ѧ завитка младата невѣста,
Ѧ запали, чудо, отъ нозѣтѣ.
Що ми свѣти младата невѣста,
Кога дойде до бѣлитѣ гради,
Наче гърло тая да ми вели:
„Стопанине, Марко отъ Вароша,
„Али не жалашъ мойтѣ бѣли гради,
„Що ти доефъ твое мажко дѣте?
Тогай Марко лели ѣ велеше:
„Гори, гори', убава невѣсто,
„Гори, гори, пепель да се сторишъ!
Ми изгоре уба'а невѣста;
Тогай рипна Марко отъ Вароша
И пепельта подъ нозѣ изгазѣ.
Така чувме, така кажуваме!

7.

Фала Богу за чудо голѣмо!
Се запали горана зелена.
Гори гора, гори кье изгори,
А во гора една лута змия.
Пищи змия, дури земя корнитъ.
А що ми бѣше овчаръ—Димо
Си оста'н то'а рудо стадо,
Да си пойде во гора зелена.
Сеиръ гледа, како гора гори.
Тогай змия на Дима му вели:
„Али чуешъ, море овчарь Димо!
„Ти се моламъ отъ небо до земи,
„Извади ме отъ оганъ силнего,
„Голѣмъ бакшишъ тебе кье ти да'амъ.
Па ми вели Димо, овчарь Димо:
„Али ме чуешъ, мори лута змиьо,
„Не си вѣрна, како да те ватамъ,
„Страфъ ме мене, да не ме изе'ишъ.
Па ми вели тая лута змия:
„Подай стапо, ясъ да се навиткамъ,
„Тѝ отъ оганъ мене извади ме.
А що бѣше Димо, овчарь Димо,
ѣ подаде стапо,—се навитка,
Я извади отъ оганъ силнего;
Лута змия тогай му велеше:
„Али ме чуешъ, овчарь Димо!
„Я земи ме во дѣсна пазу'а,
„Отнеси ме во града Солуна,
„Да пущи ме подъ плоча мраморна.
А що бѣше Димо, овчарь Димо,
Си Ѧ кладе во дѣсна пазу'а,
Ѧ отнесе во града Солуна,
Ми Ѧ пущи подъ плоча мраморна,
Лута змия тогай му велеше:
„Сѣди, Димо, мене почекай ме,
„Голѣмъ бакшишъ ясъ кье ти донесамъ.
Малку ми се змия по заба'и,
А ете Ѧ змия кай ми идитъ,
В'уста носи еденъ голѣмъ бакшишъ,
Голѣмъ бакшишъ—еденъ жолти ялдасъ
Жолти ялдасъ, дури отъ сто гроша.
Лута змия на Дима му рече:
„Али чуешъ, Димо, овчарь Димо!
„Ката утро овдѣ да си идишъ,
„Ката утро бакшишъ кье ти давамъ.
Вейкье Димо ми се научило,
Ката утро таму ми 'од ше,
Ката утро бакшишъ си земаше.
Богъ 'и било вѣрна му дружина,
Малку Дима ми го подсѣтиле,
Отидо'а во града Солуна;
Таму тие ми се подзатскриле,
Ѧ видо'а тая лута змия,—
Лели змия ми се урочила,
Лута змия в'часо ми треснала.
А що бѣше Димо, овчаръ Димо,
Си Ѧ зеде тая лута змия,
Ѧ отнесе на рамни дворо'и,

Ѧ закопа во бавчи широки.
Кай що змия Дихо ѧ закопа,
Изникнало едно танко дърво:
Върфъ му'оди вишумъ во небеси,
Гранки пущи дури во Немечко,
Цутъ цутило дробенъ бисеръ,
Ротъ родило гюланки яболки.
Що се дочу отъ край до край земя,
Що ми дочу цара отъ Стамбола;
Царь ми прати триста чо'адари:
—„Ал'чуете, триста чо'адари!
„Ай 'одете кай овчаро-Дима,
„Откорнете то'а танко дърво,
„Донесете го во бавчи широки,
„Овдѣ дърво да го закопате.
Отидо'а триста чо'адари,
Танко дърво ми го откопале.
Го донесле во града Стамбола,
Го закопале во бавчи широки.
А що бѣше то'а танко дърво,
Цутъ ми цути саде дробна шума,
Ротъ ми роди дробни змиулчиния,
Се исполниле царцкитѣ двори'и.
Наче гърло царо да зборува:
„Ал'чуете, триста чо'адари,
„Бърго дърво вие откопайте,
„Отнесете го кай овчарь-Дима,
„Таму да го дърво закопате.
А що бѣ'а триста чо'адари,
Танко дърво ми го откопале,
А кай Дима па го отнесо'а
И во бавча му го насадиле,
Дойде врѣме, дойде ко'а,
А що бѣше то'а танко дърво,
Цутъ ми цути саде дробенъ бисеръ,
Ротъ ми роди гюланкьи яболка!

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Zbiór wiadomości do antropologii krajowej wydawany staraniem komisyi antropologizcnej Akademii umiejętności w Krakowie. Tom XIII (Z 6 tablicami). Kraków 1889.

Тринадцатый томъ этого прекраснаго изданія Краковской академіи наукъ посвященъ почти всецѣло этнографіи русскаго племени, преимущественно малорусской его вѣтви и частью бѣлорусской.

По характеру статей томъ дѣлится на три части съ особыми рубриками: I. Dział archeologiczno-antropologiczny (стр. 1—62), II. Dział Antropologii w ściślejszem znaczeniu (стр. 1- -54) и III. Materyjały Antropologiczne (стр. 1—245).

Первый отдѣлъ начинается продолженіемъ статьи г. Оссовскаго: «Materyjały do Paleontologii kurhanów ukraińskich», представляющемъ собою отчетъ о произведенныхъ авторомъ по порученію антропологической коммиссіи Краковской академіи наукъ раскопкахъ кургановъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ Васильковскаго и Звенигородскаго уѣздовъ. Къ статьѣ приложены чертежи и рисунки.

Затѣмъ идетъ «Wiadomość o zabytkach przedhistorycznych w powiecie mławskim, z badań dokonanych w r. 1886», г. Ѳад. Довгирда.

Авторъ отправился было осмотрѣть доисторическое кладбище (cmentarzysko), не далеко отъ истоковъ р. Орича (правый притокъ р. Наровы), на земляхъ дер. Славогоры, Плоцкой губ. Млавскаго уѣзда, но на пути отъ желѣзнодорожной станціи къ мѣсту ему повстрѣчались и другіе «zabytky», а именно: «Okopy w Słupsku na Leśnie», «Szanec i żalniki w Woli Szydłowskiej», «Cmentarzysko w Trzpiołach», гдѣ автору удалось найти нѣсколько черепковъ глиняной посуды, и наконецъ «Cmentarzysko w Sławogórze», гдѣ авторъ раскопалъ 6 могилъ и нашелъ также глиняные сосуды. Кромѣ того прибавилъ еще и «Znaleziska w Nosarzewie—Borowiem, w Krzywonosiu i w Pawłowie»: кусокъ жернова,' каменный топорикъ и бронзовый наконечникъ.

Дальше г. Czeslaw Neyman помѣстилъ свои „Notatki archeologiczne z Podola Rosyjskiego», въ которыхъ описываются «Wały i cmentarzyska w Czarnym-Lesie, pod Strzyżawką, w powiecie Winnickim», «Horodyszcze i wały w lesie wsi Jakuszyniec» и «Wykopaliska w Nowej-Sieniawie pow. Lityńskiego».

За статьей г. Неймана идетъ статья г. Оссовскаго: «Osada i odlewiarnia bronzów przedhistorycznych w Zariczu», въ которой авторъ описываетъ найденныя имъ гнейсовыя формы для отливки бронзовыхъ цельтовъ (топоровъ) и наконечниковъ для копій и стрѣлъ и глиняный сосудъ, и дѣлаетъ выводъ о долговременной осѣдлости въ означенной мѣстности доисторическаго человѣка.

Отдѣлъ заключаетъ г. Титъ Соподзько своею статейкой: «Poszukiwania archeologiczne w powiecie Ihumeńskim, gubernii Mińskiej w r. 1875 и 1883 dokonane». Авторъ сообщаетъ результаты произведенныхъ имъ раскопокъ кургановъ и

описываетъ найденные при этомъ скелеты и вещи при нихъ. Обращаетъ на себя вниманіе найденная на шеѣ одного скелета (на языческомъ кладбищѣ pod wsią Syczem) серебрянная медаль на короткой цѣпочкѣ; медаль эта имѣетъ на одной сторонѣ изображеніе головы вола и коротенькую надпись, а другая сторона ея —гладкая.

Тутъ же г. Соподзько приводитъ два мѣстныхъ народныхъ преданія. Одно связано съ огромнымъ кладбищемъ, лежащимъ между деревнями Столярами и Мстижемъ въ Борисовскомъ уѣздѣ въ Турьихъ горахъ. Здѣсь авторъ статьи раскопалъ каменную могилу и нашелъ скелетъ, у котораго на черепѣ была діадема изъ тонкихъ золотыхъ бляхъ (17 шт. съ отпечаткомъ какого-то знака въ родѣ SS, на лѣвой рукѣ бронзовый перстень съ какимъ-то состоящимъ изъ трехъ линій знакомъ). По преданію, среди Турьихъ горъ было когда-то большое поселеніе, называвшееся Волоки. Волочане имѣли своего князя, который жилъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ селенія. Случилась война съ какимъ-то дикимъ народомъ, который осадилъ Волоки, но Волочане въ теченіе двухъ лѣтъ мужественно защищались. Наконецъ къ князю явился какой-то старецъ и предсказалъ, что его, т. е. князя, и весь его народъ ожидаетъ великое несчастіе, что на мѣстѣ города останутся только развалины. Слова его оправдались, такъ какъ вскорѣ же, ночью, вспыхнулъ страшный пожаръ и испепелилъ весь городъ; а непріятель, пользуясь бѣдою, довершилъ раззореніе, захвативши въ плѣнъ и уведя въ неволю массы народа, въ томъ числѣ и князя. Оставшіеся жители долгое время блуждали по лѣсамъ, пока наконецъ, успокоившись окончательно, не построили себѣ новаго поселенія (тоже Волоки) на разстояніи 1 мили отъ развалинъ старыхъ Волоковъ. Это поселеніе существуетъ и теперь. А на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ когда-то княжескій замокъ, стоитъ, какъ памятникъ, огромная глыба гранита, которую народъ называетъ княземъ.

Другое преданіе касается небольшой деревушки Кукарево, на лѣвомъ берегу р. Березины, въ Игуменскомъ уѣздѣ. Оно гласитъ, что на этомъ мѣстѣ былъ нѣкогда большой и сильный городъ, въ которомъ жилъ могущественный панъ Кукаръ, содержавшій даже многочисленное войско. Какъ на доказательство существованія когда-то здѣсь города, крестьяне указываютъ на многочисленныя развалины (изъ кирпича и камня) и на четыре кладбища дохристіанскаго времени; кромѣ того, здѣсь два старыхъ кладбища уже христіанской поры, съ огромными гранитными крестами, до половины ушедшими въ землю, и на нихъ какія-то старинныя надписи...

Изъ этого краткаго перечня статей видно, что всѣ раскопки произведены въ предѣлахъ Россіи и добытые при раскопкахъ памятники старины попали въ краковскій музей.

Второй отдѣлъ (Антропологія въ тѣсномъ смыслѣ) заключаетъ всего одну статью: «Charakterystyka fizyczna Gorali ruskich na podstawie własnych spostrzeżeń na osobach żywych opracował Prof. D-r. I. Kopernicki».

Въ этой статьѣ почтенный профессоръ сопоставляетъ собранныя имъ физіологическія данныя о русскихъ горцахъ, съ данными о русскихъ Галичанахъ и Украинцахъ, и на основаніи этихъ данныхъ выводитъ сравнительную „физическую характеристику“ русскихъ горцевъ. Данныя свои онъ дѣлитъ на слѣдующія группы: 1. Wzrost; 2. Proporcyjonalność budowy; 3. Barwa skóry; 4. Barwa włosów; 5. Barwa oczu; 6 Barwa skóry, włosów i oczu w połączeniu; 7. Charakterystyka glowy i twarzy, и въ концѣ концовъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Ростъ русскихъ горцевъ вообще выше средняго, при чемъ высокій ростъ встрѣчается у нихъ чаще, чѣмъ у галицкихъ Русскихъ.

Что касается пропорціональности частей тѣла, то туловище у нихъ нѣсколько длиннѣе, а ноги соотвѣтственно короче, чѣмъ у другихъ Русскихъ (Галичанъ и Украинцевъ).

Цвѣтъ кожи у нихъ, какъ и у Галичанъ, темнѣе, чѣмъ у Украинцевъ.

Волосы вообще гораздо темнѣе, чѣмъ у другихъ Русскихъ.

Глаза и у нихъ преимущественно свѣтлые.

Соединяя вмѣстѣ цвѣтъ волосъ, лица и глазъ получаемъ, что брюнетовъ у нихъ больше, чѣмъ блондиновъ и шатеновъ.

Въ краніологическомъ отношеніи русскіе горцы преимущественно короткоголовы.

Что касается поличья, то оно у горцевъ гораздо шире, чѣмъ у другихъ Русскихъ, но устройство его точно также обыкновенно овальное, а продолговатыя встрѣчаются чаще, чѣмъ круглыя; при этомъ носы бываютъ преимущественно прямые, довольно часто вздернутые, а иногда и горбатые, но никогда не бываютъ плоскіе.

Въ отдѣлѣ «этнографическихъ матеріаловъ» на первомъ планѣ стоитъ «этнографическій очеркъ» проф. д-ра И. Копернидкаго «O góralach Ruskich w Galicyi», составленный на основаніи личныхъ наблюденій автора во время его путешествія по Карпатамъ въ концѣ лѣта 1888 года. Эта статья представляетъ такъ много интересныхъ свѣдѣній о карпаторуссахъ въ отношеніи быта, языка, наружности, характера и одежды, что заслуживаетъ особаго вниманія, и потому подробный отчетъ о ней будетъ помѣщенъ въ одномъ изъ послѣдующихъ выпусковъ «Живой Старины» за 1892 годъ.

Слѣдующая затѣмъ статья: «Podania o Tatrach przez D-ra Karola Mátyása» представляетъ 8 коротенькихъ народныхъ преданій, записанныхъ на мѣстѣ двумя лицами: первые 6 разсказовъ носятъ слѣды мѣстнаго произношенія.

1. Ś. Kunegunda, убѣгая отъ Татаръ, зашла въ дер. Krościenka, чтобы укрыться, но ее не приняли, и она за это сказала жителямъ: «Bołdąnyście bąly i bołdąny bedziecie».

2. Kamienne mlyko вытекаетъ изъ одной пещеры въ Татрахъ, гдѣ окаменѣла одна женщина съ ребенкомъ: jest skuteczne mordowisko.

3. Zaklęte wojsko увидѣлъ jeden chłop, когда, собирая въ горахъ травы и коренья, попалъ въ дыру. Приведенный сторожевымъ солдатомъ къ королю, отвѣчалъ на его распросы о землѣ и получилъ въ подарокъ zuzelje, которое, по выходѣ хлопа на землю, стало золотомъ и серебромъ.

Zkąd się Tatry wzięły. Св. Өекла и Маргарита ѣхали на телѣгѣ и везли за собою Татры. Өекла спала, но когда загремѣлъ громъ и засверкала молнія, Маргарита не смотря на предостереженіе, разбудила Өеклу, и Татры остановились... А то бы вся Польша была обгорожена Татрами.

5. Morske oko pono z morza wypłójwá jak z pieca. «Raz jedęn officyr jechál na sifie na morzu»; «sif» разбился, и у офицера потонулъ въ морѣ сундукъ, который черезъ годъ былъ вытащенъ изъ воды уже въ „Морскомъ Окѣ“.

6. Надъ Морскимъ Окомъ «rós ráz dyjamęnt» и такой большой величины, что могъ освѣщать всю Галичину, но однажды охотникъ, стрѣляя въ зайца, попалъ въ dyjamęnt и разбилъ его.

Въ Чернцѣ есть słup dyjamętu, который прежде свѣтилъ по ночамъ, а теперь уже не свѣтитъ.

7. Zaklęte wojsko, состоящее изъ великановъ, существуетъ въ Татрахъ и разъ въ годъ производитъ ночные маневры. Бѣда хозяину, который не убралъ къ этому времени свои поля и луга: все будетъ вытоптано. Разъ случилось, что какой-то лошади пришлась по вкусу капуста одного хозяина, и она стала приходить въ капусту каждую ночь; хозяинъ выслѣдилъ лошадь и вмѣстѣ съ нею спустился подъ землю, гдѣ его окружили сѣдобородые рыцари въ полномъ вооруженіи и вознаградили его за потраву.

Когда настанетъ третья эпоха (царство Св. Духа), это войско выйдетъ на землю, и произойдетъ кровавая битва, которая будетъ послѣднею, такъ какъ послѣ этого на землѣ наступитъ покой или, по другимъ, конецъ свѣта.

8. Kamienny pojazd. Мужикъ на двуконной телѣгѣ хотѣлъ объѣхать Татры, а Христосъ его предостерегалъ. На вторичное предостереженіе хлопъ, разсердившись, крикнулъ: «Ce ty dzidu wieś! nie miésáj sie w cudze sprawy!», но, поднявши руку, чтобы подогнать коней, окаменѣлъ, и теперь въ Татрахъ стоитъ камень, въ которомъ можно легко разобрать пару коней, телегу и возницу.

Третья статья этого отдѣла посвящена описанію пасхальныхъ игръ и забавъ русскаго народа въ деревнѣ Горчицахъ (въ Галичинѣ) и носитъ заглавіе: Hałahiwki. Zabawy Wielkanocne ludu ruskiego we wsi Gorczycach koło Sieniawy w powiecie Przemyskim opisała Anna Wanke».

Описанныя здѣсь игры и забавы мало рознятся отъ общеизвѣстныхъ и употребительныхъ въ нашей Малороссіи, а частью даже и Великоруссіи.

Еще въ великій четвергъ («wełykyj или żywnyj czetwèr»), по словамъ г-жи Анны Ванке, начинаются эти забавы: вечеромъ этого дня вокругъ церкви жгутъ огни, причемъ дерево и другіе горючіе матеріалы, добываются парнями посредствомъ кражи со дворовъ или сараевъ своихъ сосѣдей. Когда огонь разгорится, молодежь начинаетъ бѣгать вокругъ него и забавляется до поздней ночи.

Въ самый праздникъ Пасхи, въ теченіе первыхъ трехъ дней, парни съ утра до вечера звонятъ на колокольнѣ, въ увѣренности, что кто первый прибѣжитъ и ударитъ въ колоколъ, у того лучше будетъ греча.

Въ понедѣльникъ и вторникъ св. недѣли парни и дѣвушки окачиваютъ другъ друга водою.

Но собственно Hałahiwki начинаются въ первый день Пасхи, послѣ богослуженія. Все село, и старые и малые, собираются на площади около церкви: старые,—чтобы посмотрѣть да поговорить, молодые—поиграть и порѣзвиться; всѣ въ праздничныхъ нарядахъ. Дѣвушки приносятъ съ собою крашанки и писанки, т. е. крашенныя и разрисованныя яйца, для парней. Получивши въ подарокъ или отнявши силою такія писанки, парни начинаютъ кокаться, ударяя острымъ концомъ своего яйца объ острый же конецъ яйца своего противника: чье яйцо разобьется, тотъ проигралъ.

Когда старшіе усядутся на травѣ для своихъ разговоровъ, молодежь затѣваетъ игры. По словамъ г-жи Анны Ванке, игры эти слѣдующія:

1) Игры парней:

1. Mała kupa, тожественная съ нашею дѣтской игрой: „мала куча".

2. Wieża, у насъ называется „слоновъ водить" или „башню строить"; нѣсколько болѣе сильныхъ парней становятся вокругъ и крѣпко берутъ другъ друга за плечи; къ нимъ на плечи становится другой рядъ, а тамъ дальше взбираются малыши. Образовавшаяся громада медленно подвигается впередъ, пока не свалится.

3. Młynek состоитъ въ томъ, что на вбитый въ землю колъ, накладывается въ равновѣсіи доска, а парни, опершись грудью на концы доски, начинаютъ вертѣть ее вокругъ ея точки опоры, пока не свалятся на земь отъ головокруженія.

4. Kaczało называется по толстому деревянному кружку, который ставшіе въ кругъ парни поддаютъ своими палками, стараясь не выпускать изъ круга. Противоположно нашей дѣтской игрѣ „въ лунки".

5. Próba łańcucha состоитъ въ томъ, что парни взявшись за руки, образуютъ цѣпь, причемъ первый изъ нихъ «kowal» держится за заборъ или дерево, а пришедшій покупатель цѣпи (за 100 червонныхъ), желая испробовать крѣпость ея, хватаетъ за руку послѣдняго въ цѣпи парня и начинаетъ крутить его во всѣ стороны, пока не оборветъ цѣпи.

Въ шестой игрѣ (Husák) участвують и парни и дѣвушки: впереди стоитъ парень—гусакъ, за нимъ рядъ дѣвушекъ—гусей, схватившись за пояса, и наконецъ, позади всѣхъ, маленькая дѣвочка—„гусятко" (гусенокъ). Приходитъ парень—вовкъ (волкъ) и старается схватить гусенка, забѣгая съ разныхъ сторонъ, но гусакъ отгоняетъ его вѣткой. Игра продолжается, пока не разорвется цѣпь: тогда волкъ схватываетъ гусенка и убѣгаетъ.

Наконецъ въ седьмой игрѣ (Kruczok) парни, взявшись за руки, становятся въ рядъ такимъ образомъ, что половина цѣпи обращена въ одну сторону, другая—въ другую, и начинаютъ кружиться, пока не свалятся, выкрикивая по вороньему: „круўу! круўу! круўу!

или подпѣвая: Wełyk deń—krasnyj deń;

или Orły orły—pasza w horły!

Кромѣ этихъ игръ, парни уже побывавшіе въ войскѣ, „забавляются маршировкою и войной".

2) Дѣвичьи забавы.

Дѣвушки, какъ видно изъ описанія г-жи А. Ванке, забавляются больше все хороводами, разнообразя ихъ главнымъ образомъ только припѣвами. Вотъ для примѣра первая:

1. Worobczyk. Дѣвушки хороводомъ ходятъ вкругъ дѣвочки—воробчика, распѣвая:

Woròbczyku, małèńkij ptaszku!
Ne wylitàj iz zełènoho lisku,

и по временамъ останавливаясь, чтобы спросить воробчика: «A użèś hnizdò zwił?» и т. п., на что воробчикъ лаконично отвѣчаетъ: «Użè». При отвѣтѣ «Użè» на послѣдній вопросъ: «A użè pisklata wyłetiły?» дѣвочку поднимаютъ вверхъ съ криками: «Hesiohè! hesiohè».

. Варіантъ. Среди хора стоитъ дѣвушка—воробчикъ. Хороводъ вертится, распѣвая:

Oj mij myłyj worobłejku!
Czy bywàł ty w horodejku?
Czy wydàł ty jak cyhane skaczut?

На это дѣвушка среди хоровода начинаетъ подскакивать, припѣвая: Oj tak cyhane skaczut! Дальше вмѣсто Цыганъ говорятъ: мужики, бабы и т. д.

2. Игра «Myszka» тожественна съ нашею дѣтской игрой: „Котъ и мышка"; только здѣсь дѣвушки при этомъ поютъ:

Biej w połe myszka, biej w połe,
A ty kacurka za neju.
Skoro mýszojku dohonysz,
To w nej kistoczki połomysz.

3. Kóleso. Дѣвушки садятъ на траву трехъ ребятишекъ, располагая ихъ какъ бы на концахъ треугольника, а сами составляютъ хороводъ вокругъ двоихъ изъ нихъ, образуя какъ бы подкову, внутри которой внѣ хоровода сидитъ третій ребенокъ. Сохраняя подковообразную форму хоровода, дѣвушки ходятъ и поютъ:

Werbówoje kóleso!
Koło hostynca stojało,
Troje dywo wydało:
Jedno dywo na didý и т. д.

4. Did. Посереди хоровода сидитъ дѣвушка, изображающая дида. Хороводъ въ пѣсняхъ зоветъ его то ѣсть, то на работу. При первомъ предложеніи дѣдъ быстро поднимается и начинаетъ скакать отъ радости, при второмъ—онъ плачетъ и стонетъ; а дѣвушки при этомъ поютъ:

Oj did rozskakawsia,
Oj did rozhulawsia, или
Oj did rozboliwsia,
Oj did zażurywsia.

Послѣдняя работа предлагается диду:

Oj wstań, didu, diwki ciłowaty,

которую онъ и исполняетъ вполнѣ охотно.

5. Czado. Эта игра по своему построенію довольно похожа на нашу: «А мы просо сѣяли...»

Въ хороводѣ ходятъ двѣ дѣвушки, столько же и внѣ хоровода. Вторыя спрашиваютъ, первыя отвѣчаютъ, а хоръ вторитъ и тѣмъ и другимъ:

Вопр. Hdeś tu moje czado było?
Отв. A my jeho ne widiły
Вопр. Może czado koni (korowy и т. д.) pasè.
Отв. Może totò szczastie buty.

И дальше въ томъ же порядкѣ:

A ja kowbas nawarjù,
Swojè czado wykuplu.
— My kowbasy rozjimò,
Tobi czada ne damò.
Ja kapustu nawarjù,
Swoje czado zaberù.
— My kapustu psam damò,
Tobi czada ne damò и т. д.

Кончается игра вопросами и отвѣтами о томъ, что дитя ѣстъ, пьетъ, въ чемъ ходитъ и что дѣлаетъ.

6. Wpust do raju напоминаетъ нашу дѣтскую игру «Золотыя ворота».

7. Hala—представляетъ переговоры парня (хоръ) и его возлюбленной (одна дѣвушка посреди хора): почему дѣвушка не танцуетъ и что ей нужно (черевички, сорочку и т. д.).

Всѣхъ дѣвичьихъ игръ, приведено г-жей Анной Ванке 14, но перечислять ихъ всѣ было бы слишкомъ долго. Въ заключеніе своей статьи г-жа Ванке приводитъ пѣсни, которыми дѣвушки заканчиваютъ свои «Hałahiwki» и которыя онѣ распѣваютъ, разсѣвшись на травѣ.

Въ статьѣ «Materyjały etnograficzne z miasteczka Żołyni w powiecie Przemyskim» г. Marceli Cisek прежде всего сообщаетъ интересныя свѣдѣнія объ основавшейся 9 мая 1778 года и существующей до сихъ поръ подъ названіемъ «Хозяйства» («Gospoda») общинѣ портныхъ (terminatorzy i czeladnicy szewscy starsi i młodsi).

Община состоитъ изъ „старшихъ товарищей“ и „младшихъ“, или „млодзеняшекъ“. Во главѣ общины стоитъ (выборный) старшій по возрасту pan starszy towarysz, затѣмъ его замѣститель powtórni, далѣе podskarbi—казначей общины и наконецъ szynkarz, исполняющій обязанности помощника и посредника между паномъ старшимъ товарищемъ и общиною, такъ какъ панъ старшій товарищъ, повидимому, только черезъ него говоритъ съ членами общины (за исключеніемъ другихъ выборныхъ). Кромѣ того, есть еще и ojciec gospodni, въ домѣ котораго происходятъ засѣданія.

Затѣмъ приводится описаніе засѣданія общины со всею комичною торжественностью, которая сказывается прежде всего въ словахъ самого пана старшаго това-

рища: открываетъ онъ засѣданіе торжественно словами: «Niech będze pochwalony Jezus Christus!» а заканчиваетъ уже въ другомъ родѣ: «Panowie towarzyszowie i młodzeniaszkowie, już sie sprawy skóńczyly; jestto cnota nad cnotami, trzymać język za zębami, a kto głosi gospodnie powieści, ten zażywa ciężki smutek i boleści, a najdaléj za próg».

Приведены также условія принятія новыхъ членовъ въ общину, а также и «Przepisy których każdy członek musi przestrzegać».

Затѣмъ подъ № 2 въ этой же статьѣ приведена «Jasełka» и «Mała szopka», драматическія сценки, которыя разыгрываются на Рождество Христово; подъ № 3 такая же сценка «Gregoły», а подъ № 4 «Wierzenia, zabobony, gusła, czary i t. p.», гдѣ приводятся пословицы, поговорки и повѣрья на различные случаи и предметы. Нѣкоторыя изъ этихъ повѣрій довольно интересны, какъ напр. о грибахъ: Грибы получились изъ хлѣба, который посѣялъ св. Петръ. «Pan Jezus szoł roz ze św. Piotrem bez las. Św. Pieter w tyle za Panem Jezusem, a że był bardzo głodny, wyjun se chléb z pod páchy i jád pokryjumu: a gdy Pan Jezus przemówiuł do niego, to św. Pieter wyjun z gęby i rzucił na ziemie. A gdy ostatni miał kęsek w gębe, Pan Jezus zapytáł się go: Pietrze, co robisz, grzyby siejesz po lesie?» A on odpowiedziáł: «Panie, nie».—Pan Jezus powiedziál mu wtedy: «Popatrz, Pietrze, coś nasiáł grzybóu z chleba, przeto żeś chciáł zjeść sam chléb potajemnie».

Дальше идутъ «Rozmaite wierzenia». Ихъ всего 6. Прежде всего «Inklus»—нѣсколько иного рода, чѣмъ описанный въ „Вислѣ" (см. „Жив. Стар." I. Отчетъ о журн. „Wisła", 1890, I—II): тотъ возвращается къ своему владѣльцу, если онъ догадался оставить хоть небольшую часть его у себя при размѣнѣ, а этотъ—уводитъ изъ кошелька всѣ похожія на его самого деньги, т. е. серебряный инклюзъ—уводитъ всѣ серебряныя деньги, бумажный—бумажныя.

2. Gniotek—седьмая дочь въ семьѣ, проникаетъ въ дома сквозь щели и скважины и „гнететъ" людей, преимущественно дѣтей; если родится восьмая дочь, то седьмая перестаетъ быть „гнеткомъ".

3. Látawiec: умершее некрещеннымъ дитя, до семи лѣтъ, ходитъ по свѣту и проситъ крещенія; если не получитъ крещенія, то дѣлается лятавцемъ.

4. Mamona—злой духъ въ образѣ женщины, зазываетъ женщинъ въ лѣса и горы.

5. Płamentnik (płanietnik)—человѣкъ рожденный „подъ планетой", его беретъ съ собою туча и потомъ возвращаетъ на то же мѣсто.

6. Toplec. Злой духъ, сидя въ глубокихъ мѣстахъ, топитъ людей. Иногда ходитъ между людьми въ крестьянскомъ платьѣ; его можно узнать по смуглому лицу и большимъ блестящимъ глазамъ, правая пола его холщевой одежды всегда мокрая. (Ср. въ II вып. „Ж. Ст." за 1891 г. «Сербо-Лужицкія повѣрья» И. И. Срезневскаго—Водный мужъ). Наконецъ «Gry i Zabawy»—описаніе 14 игръ: 1. Ciuciubabka. 2. Gadulica. 3. Gąski i wilk. 4. Iastrząb.

За этими этнографическими матеріалами идутъ: «Dumki białorusskie ze wsi Głębokiego w powiecie Lidzkim gubernii Wileńskiej w r. 1885 spisane przez Władysława Weryhę». Содержаніе пѣсенъ извѣстное: нелады въ семьѣ—жена убиваетъ мужа, свекровь наговариваетъ на невѣстку и сынъ убиваетъ жену, братья-разбойники убиваютъ, по незнанію, зятя, вдова провожаетъ сына на войну, солдаты подговариваютъ дѣвушку ѣхать съ ними и т. д.

Дальше г. М. Гралевскій даетъ «Nieco z notatek etnograficznych»: 1) Legenda o św. Grzegorzu; 2) Podanie o wierzbie Kościuszkowskiej; 3) Legenda o trzech krzyżach pod Wiśniczem; 4) Gadka o uczącym się złodzieju; 5) Podania z okolic Rakszawy и 6) Znaki przedswatne. Здѣсь особенно интересна легенда о Григоріи (папѣ римскомъ), очень напоминающая приведенную у Караджича (II, 63) пѣсню „Наход Симеун", только еще болѣе замысловатая: Григорій родился при какомъ-то дворѣ, отъ родныхъ брата и сестры, воспитывался въ чужой странѣ, въ своихъ странствованіяхъ пришелъ на родину и женился на своей матери; узнавши изъ ея дневника о своемъ происхожденіи, онъ удалился за море и уединился тамъ

въ заброшенномъ замкѣ, запершись на замокъ въ одной комнатѣ, а ключъ бросилъ въ море; въ это время умеръ «Ojciec św.», и изъ Рима написали, что папою долженъ быть не кто другой, какъ Григорій; его едва отыскали, и то благодаря тому обстоятельству, что какому-то рыбаку попалась рыба, въ желудкѣ которой нашелся ключъ отъ комнаты Григорія; его пришлось долго упрашивать, и только послѣ «процессіи съ образами и хоругвями» согласился Григорій оставить свой замокъ и «został Ojcem świętym.

«Narodziny i chrzciny, wesele i pogrzeb u ludu ruskiego we wsi Chodowicach, powiecie Stryjskiem» г. Яна Колессы представляетъ довольно подробное описаніе указанныхъ событій изъ крестьянской жизни, причемъ тутъ приведены соотвѣтствующія пѣсни съ нотами.

Въ слѣдующей затѣмъ статьѣ г. Л. Магеровскаго: «Kilka wiadomości o ludzie polskim ze wsi Wesołej w pow. Brzozowskim» на 12 стр. (151—162) сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о бытѣ Поляковъ указанной мѣстности, по слѣдующимъ рубрикамъ: 1. Wieś i lud: деревня Wesoła лежитъ на большой дорогѣ отъ Перемышля въ Венгрію и занимаетъ вмѣстѣ съ полями пространство около мили въ длину и полумили въ ширину; населеніе ея ополяченные Русскіе. 2. Wesele. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить обычай «chodzić po wilku»—невѣста ходитъ по деревнѣ, кланяется каждому въ ноги (не исключая и дѣтей), а сопровождающая ее женщина, проситъ для нея подарковъ, получивши который невѣста снова кланяется въ ноги; также интересенъ обычай давать при вѣнчаніи ксендзу 5 гульденовъ, изъ которыхъ 2 идутъ ксендзу, а 3 возвращаются черезъ недѣлю молодому, если послѣ свадьбы онъ не заходилъ въ корчму; въ противномъ случаѣ идутъ въ пользу церкви. 3. O obrzędach pogrzebowych: умирающему даютъ въ руки «громницу»; умершаго тотчасъ же одѣваютъ, причемъ мужчинѣ на голову надѣваютъ шапку. 4. Rozmaite wierzenia i zwyczaje przesądne: а) o pogodzie: здѣсь интересно повѣрье, что самая сильная буря бываетъ тогда, когда встрѣтятся тучи съ противоположныхъ сторонъ и «ręce se podadzą»; б) Zwyczaje okolo świąt B. Narodzenia. Здѣсь отмѣтимъ: въ сочельникъ передъ ужиномъ дѣвушки метутъ избы и, выбрасывая соръ на дворъ, слушаютъ, съ которой стороны залаетъ собака: съ той стороны и женихи будутъ; подъ столъ во время ужина кладутъ солому, которою потомъ обвиваютъ плодовыя деревья; кладутъ также подъ ноги топоръ и сошникъ, чтобы ноги были здоровы; в) rozmaite zwyczaje w ciągu roku: здѣсь можно отмѣтить обычай трясти плодовыя деревья въ великіе четвергъ и субботу, когда благовѣстятъ къ «Gloria» (Слава въ вышнихъ), чтобы былъ урожай плодовъ; также интересно, что обстриженные ногти прячутъ за пазуху, чтобы въ день воскресенія мертвыхъ не пришлось ихъ долго искать. 5. Pieśni godniejsze uwagi, ничего, впрочемъ, особенно замѣчательнаго не заключающія (ихъ всего три №№).

За этими матеріалами идетъ статья г-жи Соф. Рокоссовской: «O świecie roślinnym wyobrażenia, wierzenia i podania ludu ruskiego na Wolyniu», представляющая сначала повѣрья народа о растеніяхъ вообще (O roślinach w ogólności), а затѣмъ длинный перечень растеній (названія ихъ приведены по латини, по польски и по малорусски), съ указаніемъ ихъ цѣлебныхъ и другихъ свойствъ и связанныхъ съ ними повѣрій; при нѣкоторыхъ названіяхъ растеній приведены даже поговорки и стихи изъ пѣсенъ, въ которыхъ они встрѣчаются. Чтобы дать понятіе о характерѣ этого перечня, приведу нѣсколько №№ изъ него:

1) 3. Acer platanoides L. Klon—Kłen, Kłenyna.

1. Свѣжими вѣтвями клена украшаютъ хаты на Зеленыхъ Святкахъ (Троица и Духовъ день).

2. Кленовыя ярма—самыя легкія и самыя красивыя, о чемъ вспоминается даже въ чумацкой пѣснѣ: «Kłenowyji jarma, ternowy zanozy oj sam sobi poroblu».

3. Сокъ кленовый весною прибавляютъ къ питью.

2) «34. Atropa Belladona L, Pokrzyk—Wowcza wysznia.

1. Объ этомъ растеніи не любятъ говорить и разсказываютъ, что «to pohane zile».

2. Корень, приготовленный съ различными заклинаніями и нашептываніями, даютъ пить сумасшедшимъ и страдающимъ конвульсіями, но вѣрнѣе для того, чтобы больной поскорѣе умеръ, чѣмъ для исцѣленія».

3) «92. Galium verum L. Przytulija żółta—Medownyk.

Когда Богъ, сотворивши пчелъ, спросилъ у нихъ, съ какихъ растеній онѣ берутъ медъ, то онѣ разсказали обо всѣхъ, утаивши только самое для нихъ любимое. Богъ наказалъ ихъ за это, и кромѣ сильнаго медоваго запаха, онѣ не получаютъ отъ этого растенія никакой пользы.

Въ дѣйствительности, замѣчаетъ при этомъ авторъ, пчелы берутъ богатую добычу съ медовника. Когда я указала на это крестьянину, онъ мнѣ отвѣтилъ: «Это она обманываетъ только себя, потому что когда прилетитъ къ улью, то у ней этого нѣтъ ничего, ни меду, ни воску».

4) 66. Cucumis sativum L. Ogórek—Hurók.

1. Бываетъ два посѣва огурцовъ: своевременный на «Юрья» и поздній наканунѣ Троицы, въ «Kłeczanuju sobotu».

2. Если огурцы цвѣтутъ обильно, а въ плодъ не завязываются, то говорятъ, что они горятъ («horàt»).

3. При посѣвѣ смотрятъ на то, чтобы на небѣ были облака: будетъ урожай (to wiązać się będą obficie).

4. Собираютъ огурцы босикомъ: не будетъ урожая, если между ними ходить въ сапогахъ. Поэтому, можетъ быть, хозяйки и не пускаютъ мужчинъ къ грядамъ съ огурцами.

Кромѣ дѣйствительно встрѣчающихся въ данной мѣстности, г-жа Рокоссовская даетъ свѣдѣнія о растеніяхъ, существующихъ только въ повѣрьяхъ и преданьяхъ народа (Rośliny podaniowe, o których istnieniu wiedzą i mówią, lecz ich samych nie znają). Такихъ растеній всего 4. 1) Trojzile, приносящее счастіе, но трудно добываемое; въ пѣснѣ красавица говоритъ своимъ женихамъ:

Oj kto meni trojzile dostane,
Toj zo mnoju na rusznyku stane...

2) Lonòk—сорванный въ полѣ хотя бы и неумышленно, отнимаетъ счастье на 7 лѣтъ; 3) Perekotyt pole—растущее не на одномъ мѣстѣ, а постоянно перекатывающееся съ одного мѣста на другое, и наконецъ 4) Sporỳsz, упоминаемый въ пѣсняхъ, напр.:

«Stełysia, stełysia zełenyj sporysze,
Jak list po wodi» и т. д.

Къ статьѣ приложены два алфавитныхъ указателя растеній—a) польскія названія и b) русскія.

Изъ этого краткаго отчета видно, что статья г-жи Рокоссовской даетъ богатый этнографическій матеріалъ: много здѣсь данныхъ о народномъ врачеваніи, есть интересныя бытовыя черты, интересныя повѣрья и примѣты; встрѣчаются наконецъ и интересныя поговорки и присловья, какъ напр. подъ № 40 Kapusta, приведено присловье, употребляемое «бабами, т. е. замужними», когда онѣ начинаютъ танцовать: «Chodìm (,) nechàj i nasza kapusta zawiażecia lub zowjecia», или напр. гадательныя формулы подъ № 103 «Jaczmiń: въ «bohaty weczor» дѣвушка, гадая о женихѣ, выноситъ на дворъ ячменную кашу и говоритъ: «Wyszła z łemiszkoju, czyjà budu newistkoju?» или на св. Андрея, стоя въ воротахъ, говоритъ: «Sużeny; nawiżeny, chodỳ jisty kasza».

Нельзя при этомъ не пожелать, чтобы появлялись такіе сборники и о великорусскомъ племени: міръ растеній, вѣроятно, и у насъ играетъ немалую роль въ народной жизни.

За этою статьей идутъ «Baśni z Polesia», собранныя извѣстнымъ польскимъ этнографомъ, знатокомъ и любителемъ народныхъ обычаевъ и музыки, теперь уже покойнымъ, Оскаромъ Кольбергомъ. (Краткій некрологъ его см. въ 1-й кн. «Жив. Ст.»).

Всѣ 6 приведенныхъ здѣсь сказокъ не представляютъ новыхъ мотивовъ и являются только варіантами сказокъ, извѣстныхъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Нѣкоторыя изъ нихъ, между прочимъ, чуть не дословно совпадаютъ съ напечатанными въ I томѣ «Смоленскаго Сборника» г. Добровольскаго (изд. Имп. Р. Г. Об—омъ); такова напр. сказка «O księdzu, co jeść sługom nie dawał». Затѣмъ слѣдуютъ его же «Zwyczaje i obrzędy weselne z Polesia». Тутъ довольно подробно описываются свадебные обряды, причемъ сообщается много относящихся сюда коротенькихъ (иногда въ 4—5 стиховъ) пѣсенокъ.

Въ эту же статью вошла и коротенькая замѣтка о похоронахъ; а затѣмъ пѣсни на разные праздники; передъ ними краткій указатель литературы «о Полѣсьѣ, Пинщизнѣ и ея обитателяхъ». Кромѣ того тутъ же приведены 31 «Zdania i Przysłowia»— все болѣе или менѣе общеизвѣстныя.

Къ этому 13-му тому приложены прекрасно сдѣланные чертежи и рисунки, изображающіе мѣстности и предметы, о которыхъ говорится въ статьяхъ перваго отдѣла.

Ир. Полов—нг.

Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее десятилѣтіе (1880—90).

Чешская литература по этнографіи весьма небогата, главнымъ образомъ потому, что публичная, политическая жизнь, борьба противъ давленія германизма и борьба партій поглощаютъ весь интересъ общества и занимаютъ большее число наличныхъ силъ литературныхъ, а имѣющіяся, сравнительно немногочисленныя, научныя силы, неорганизованы. Эти недостатки проявляются во всей научной жизни чешской.

Что касается новѣйшаго періода чешской литературы по этнографіи, то прежде всего надо замѣтить, что именно въ Чехіи теперь уже нечего собирать; весь матеріалъ, интересующій этнографа, фолклориста собранъ уже старшими изслѣдователями, описанъ и изданъ наблюдателями. И въ Моравіи послѣ Сушила, Бартоша и др., уже вѣроятно тоже немного найдется свѣжаго, незнакомаго доселѣ матеріала. Остаются только Словаки. И здѣсь, конечно, нужно ждать благопріятнѣйшихъ условій для научныхъ работъ.

Въ послѣднее время въ Моравіи поведено систематически этнографическое изученіе родины. Ученыя Общества при музеяхъ въ Оломуцѣ и въ Бернѣ дѣйствуютъ довольно успѣшно, не смотря на скудныя средства. Отъ членовъ Оломуцкаго общества получаютъ ежегодный взносъ въ 1 гульд. и даютъ имъ за это, какъ премію, «Часописъ», издаваемый четыре раза въ годъ. Эти общества сговорились относительно плана изданія полнаго описанія Моравіи подъ названіемъ «Vlastivěda moravská». Программа этого изданія напечатана въ послѣднемъ (второмъ) выпускѣ Časopis'a Matice Moravské. 1891, стр. 158 сл. Программа широкая: это описаніе должно быть не только этнографическое, но вообще географическо-статистическое и заключать историческое изученіе народности. Въ Австрійской Силезіи одинъ ученый, В. Прасекъ, директоръ частной чешской гимназіи въ Опавѣ, предпринялъ изданіе подобнаго же труда о Силезіи. Всего должно быть 11 книгъ. Понынѣ вышли двѣ: 1) Podání lidu 1889; 2) Historická topografie země Opavské 1890. Въ слѣдующихъ книгахъ должны быть: исторія разныхъ «земель», уѣздовъ Австрійской Силезіи, въ послѣдней же этнографія: «národopisné i kulturní rozhledy od nejstařích dob až do přítomnosti». Недавно двое молодыхъ чешскихъ ученыхъ Ченекъ Зибертъ и Л. Нидерле стали издавать новый чешскій этнографическій журналъ подъ названіемъ Český lid, по образцу другихъ славянскихъ этнографическихъ журналовъ, при этомъ

особенное вниманіе желаютъ обратить и на антропологическое изученіе чешскаго племени. Желаемъ этому журналу наилучшаго успѣха.

Въ изслѣдованіяхъ по чешской діалектологіи и вообще по чешской этнографіи, первое мѣсто занимаетъ Францишекъ Бартошъ. Его Dialektologie moravská (г. I, въ Брьнѣ 1886, 8°, стр. IV+368) была событіемъ въ чешской филологіи. Этотъ трудъ былъ сочувственно принятъ первостепенными знатоками, извѣстнымъ спеціалистомъ по чешскому языку, проф. Я. Гебауэромъ (въ чешскомъ «Atheneum» 1886, стр. 462, см. еще Časopis česk. Museum 1887, 127—9) и проф. И. В. Ягичемъ (Archiv f. slavische Filologie X, 212—8); Имп. спб. академія наукъ удостоила этотъ трудъ г. Бартоша премісю Котляревскаго. Въ этой книгѣ описаны говоры: словенскій (т. е. словацкій въ предѣлахъ Моравіи), дольскій, валашскій и ляшскій, описаны такимъ образомъ говоры восточные и сѣверные, сосѣдствующіе съ польскими говорами силезскими. При такихъ авторитетныхъ отзывахъ, не считаемъ нужнымъ особенно распространяться какъ о достоинствахъ книги, такъ и объ ея немаловажныхъ недостаткахъ. Ягичъ и недавно проф. Будиловичъ въ своемъ отзывѣ о сочиненіяхъ Бартоша, при присужденіи преміи Котляревскаго (Зап. Ак. Н, т. 63, стр. 70 сл.) вполнѣ справедливо указали, что въ этой книгѣ недостаточно объоснована систематика моравскихъ разнорѣчій, не обращено надлежащаго вниманія на хронологическіе слои разнорѣчій, не выдѣлены архаизмы отъ новообразованій, явленія обычныя отъ областныхъ идіотизмовъ, явленія фонетическія и морфологическія объясняются не изъ ст.-слав., и даже не изъ древне-чешскаго языка, но помощью нынѣшняго чешскаго литературнаго языка, объясненія даются часто просто механическія: въ родѣ: *б* переходитъ въ *д*: dřemeno вм. břemeno и наоборотъ *д* въ *б*: brveno вм. drveno (совсѣмъ ошибочно, ср. ст.-слав. брьвьно); на важный факторъ въ развитіи языка, на аналогію не обращено никакого вниманія, а понятіе народной этимологіи какъ будто не успѣло проникнуть въ захолустный кабинетъ бернскаго ученаго. Но мы не желаемъ пускаться въ разборъ діалектологіи; укажемъ, что она представляетъ еще другой интересъ, не для однихъ изслѣдователей чешскаго языка: именно по вопросу о значеніи смежныхъ говоровъ; говоровъ переходныхъ, смѣшанныхъ, по вопросу: есть-ли между славянскими языками нарѣчія или говоры, переходные или смѣшаные?

Бартошъ говоръ ляшскій сѣверо-восточный, въ Силезіи Австрійской, въ герцогствѣ Опавскомъ въ прусской Силезіи, въ княжествѣ Тѣшинскомъ и въ части Моравіи, находящейся на сѣверо-востокѣ между обѣими частями силезской провинціи, причисляетъ къ говорамъ чешскимъ (моравскимъ), какъ будто не допуская никакихъ сомнѣній объ исключительно чешскомъ характерѣ этого говора. Уже въ 1842 г. А. В. Шембера написалъ объ этомъ говорѣ, насколько онъ употребляется въ прусской Силезіи, статейку «Jazyk moravský v pruském Slezsku (Časopis česk. Museum 1842, стр. 394—404). Хотя въ ней приводятся и такія формы, какъ stromota (ч.-мор. hanba), прич. vidunce, все-таки Шембера не высказалъ сомнѣній на счетъ чисто «моравскаго» характера этого говора. Но въ началѣ сороковыхъ годовъ вообще не былъ еще разъясненъ въ наукѣ терминъ смѣшаныхъ и переходныхъ говоровъ. Впрочемъ, сомнѣнія все-таки высказывались, хотя не со стороны чешскихъ, а нѣмецкихъ ученыхъ, да въ оффиціальную этнографію австрійскую принятъ былъ терминъ «wasser polakisch», какъ означеніе характера этого говора (Czoernig на этнографической картѣ австрійской имперіи) и силезскій географъ Фаустинъ Энсъ въ книгѣ, изданной уже въ 1836 г. «Das Oppaland» опредѣлилъ этотъ говоръ какъ средній между языками чешскимъ и польскимъ, но болѣе близкій послѣднему. Противъ этихъ мнѣній о говорѣ силезскомъ возстали Янъ Лепаржъ въ статьѣ «Příspěvek k posouzení rŭznořečí a poněkud i národnosti krajiny slovanské okolo Opavy», напечатанной въ отчетѣ гимназіи Опавской 1859 г. и В. Прасекъ еще въ 1877 г. въ особенной брошюркѣ «Čeština v Opavsku. Rozprava historicko-grammatická». V Olomouci 1877, стр. 31 и въ ней доказывалъ, что этотъ говоръ принадлежитъ къ говорамъ чешскаго языка. Историческая часть брошюрки болѣе удовлетворяетъ, чѣмъ лингвистическая: въ ней было слишкомъ мало діалектическаго матеріала, чтобы можно было объ этомъ вопросѣ окон-

чательно высказаться. Но теперь книга Бартоша даетъ по этой части столько матеріала, что вопросъ рѣшить можно. Этотъ матеріалъ конечно говоритъ въ пользу мнѣнія, высказаннаго нѣмецкими учеными. Просматривая этотъ матеріалъ находимъ столько чертъ не чешскихъ, но принадлежащихъ къ характеристическимъ примѣтамъ польскихъ говоровъ, въ особенности сосѣднихъ польско-силезскихъ говоровъ, насколько ихъ знаемъ по наблюденіямъ польскаго діалектолога Луц. Малиновскаго. Такимъ образомъ мы должны отказаться отъ мнѣній Шемберы и Бартоша и не можемъ ляшское разнорѣчіе въ цѣлости причислять исключительно къ чистымъ чешскимъ говорамъ. Приводимъ нѣкоторыя черты ляшскаго разнорѣчія: въ польскихъ говорахъ переходитъ *á* въ *o*, тоже въ ляшскихъ говорахъ: trova, zokon, vołom; такъ и въ полногласныхъ: brona, krova, słoma, krotky, vróćić, vłóćić, гдѣ происхожденіе формъ можетъ быть польское, или тоже чешское: *á* въ *o*, kráva въ krova такъ, какъ перешло и въ: řodek, poty, devoty, гдѣ есть въ польск. носовой гласный. Эти примѣры доказываютъ, что вліяніе польскаго языка было такъ сильно, что польскіе фонетическіе законы примѣнились и къ подлиннымъ чешскимъ формамъ; такъ глубоко проникла польская фонетика въ эти говоры. Въ польскихъ говорахъ переходитъ *a+m*, *n*, какъ и *o+m*, *n* въ *u+m*, *n*, тоже замѣчаемъ въ нѣкоторыхъ говорахъ ляшскаго разнорѣчія: v o ł u m, v o ł u m y, u n, o n a, и u n a; какъ въ польскомъ переходитъ иногда *e* въ *o:* š o s t, ž o n a, č o ł o, š č o d r y, v č o l a, p e č o š—p e č o—p e č o n y, ň o s u, z a ň o s, даже въ *uo*: v e č u o r, l u o d, p o h ř u o b, š u o l. Въ причастіи прош. вр. вмѣсто окончанія—i ł является u ł: p u ł, m ł o t u ł, какъ въ польск. говорахъ, равнымъ образомъ по аналогіи этого u вм. y ł: u ł: b u ł—b y ł a, k r u ł—k r y l a, и по дальнѣйшей еще аналогіи: u m u ł, m ř u ł. Въ польскихъ, силезскихъ и другихъ, говорахъ разлагается носовой гласный въ чистый гласный и носовой согласный, напр. 3 л. мн. ч. ś p i u m, m u š u n и s u m, m a j u m; это чисто польскій процессъ фонетическій, на почвѣ чешскихъ говоровъ невозможный; однако въ ляшскихъ говорахъ встрѣчаются такія формы: v e d u m, p i j u m, k u p u j u m, и аналогическія c h o d ź u m, umium.

Приведенные нами примѣры доказываютъ очень сильное польское вліяніе на жизнь ляшскихъ говоровъ, такъ что нельзя ихъ причислять къ чисто чешскимъ говорамъ. Но и за переходные нельзя ихъ принимать: переходный говоръ долженъ все-таки удерживать основныя примѣты группы нарѣчія, къ которой принадлежитъ, и въ немъ не могутъ встрѣчаться черты совсѣмъ чуждыя цѣлой группѣ въ совокупности. Разъ встрѣчаются характерныя черты двухъ разныхъ и сосѣднихъ группъ въ одномъ говорѣ, разъ перекрещиваются разныя теченія законовъ фонетическихъ, принадлежащія двумъ сосѣднимъ группамъ, то нельзя болѣе говорить о переходномъ говорѣ, и слѣдуетъ такой говоръ считать смѣшаннымъ. Условія такого же смѣшенія могутъ быть различныя. Всего чаще встрѣчается въ слѣдствіе смѣшенія, перекрещиванія двухъ сосѣднихъ народностей; не такъ сильно въ этомъ случаѣ вліяніе литературнаго, культурнаго перевѣса сосѣдней народности.—Въ доказательство того, что ляшскіе говоры болѣе или менѣе смѣшаные говоры польско-чешскіе, приведемъ еще слѣдующее: въ ляшскихъ говорахъ бываетъ вм. tˇ—ć, какъ и въ другихъ говорахъ и, какъ это находимъ уже въ нѣкоторыхъ древне-чешскихъ памятникахъ; этотъ фактъ самъ по себѣ еще ничего не доказываетъ. Но въ этихъ говорахъ переходитъ еще ć и ś въ č, š: такъ сходно выговариваютъ č e ł o и ć e ł o (tělo, пол. ciało), š i ć и ś i ć (seti, сѣять); напротивъ бываетъ tˇ не только вм. чешскаго *c*, но и подлиннаго č: t'i s a ř, t'i ž e k вм. c í s a ř, čížek, даже вм. c (ц), изъ t (d)+s встрѣчаемъ t': p o t's i n i вм. podsíní; тѣмъ же самымъ образомъ находимъ и вм. чешскаго z, dˇ: v a dˇb a вм. vazba, и даже вм. подлиннаго dz бываетъ dˇ: p o dˇi m вм. podzim (осень). На смѣшанный говоръ польско-словацкій было указано пишущимъ эти строки въ сѣверныхъ частяхъ Оравской столицы на границахъ галицкихъ (Listy filolog. 1885, стр. 463 сл.).

Кромѣ діалектологіи Бартоша, спеціальныхъ работъ по діалектологіи очень немного. Говоръ своей родины, трехъ деревень на югъ и западъ отъ Прерова въ Мора-

віи, только впрочемъ относительно морфологіи, описалъ Іос. Бартоха въ статейкѣ Tvarosloví dolnobečevské (Listy filologicke 1887), но слишкомъ механическимъ, сухимъ образомъ, безъ сравненія съ другими славянскими языками.

Болѣе живучую картину языка изображаетъ В. Душекъ въ своихъ статьяхъ діалектологическихъ: Zájmeno v ústech lidu československého (Listy filolog. 1883), Slovesa bezpříznaká v dialektech československých (тамъ же, 1887), Novotvary slovesné. Čas. česk. Mus 1888 (byłach, byłam объясняютъ обыкновеннымъ образомъ), O tvoření tvarů praesentis indicativi a imperativi v dialektech československých (Věstnik Král. čes. společn. nauk tř. filos-hist. 1890, стр. 22—43), O tvoření participii praesentis activi v dialektech československých (тамъ же, стр. 449—454). Душекъ не изучаетъ прямо извѣстный діалектъ, но, на основаніи данныхъ сборниковъ этнографическихъ, составляетъ весьма обстоятельный обзоръ изучаемыхъ морфологическихъ явленій и объясняетъ ихъ вполнѣ научнымъ образомъ. Онъ первый изъ чешскихъ ученыхъ призналъ польское вліяніе на сѣверо-восточные говоры, хотя особенно этимъ вопросомъ не занимался. Онъ успѣлъ избавиться отъ вѣры въ авторитетъ настоящаго литературнаго чешскаго языка; изъясняя формы, онъ отправляется не отъ чешскаго языка, но отъ древне-славянскаго, какъ оно и слѣдуетъ. Онъ съумѣлъ взглянуть на говоры съ исторической точки зрѣнія, хотя и у него встрѣчаются иногда странности, въ родѣ слѣдующей: Když jazyk český značnou měrou během hrůz válečných a jiných zmatků zároveń s národem poklesl (XVII a XVIII stol.), ztratil se cit pro toto partic. (причастіе наст. вр.), které vyžaduje značné vyspělosti a běhlosti jazykové i na řečniku i na spisovateli, a tvary mateny, až jeden tvar obyčejně fem. nahruzoval ostatní», какъ будто раньше не было подобныхъ явленій.

Вполнѣ научную разработку даннаго собраннаго матеріала по словацкой діалектологіи представляетъ сочиненіе Фр. Пастерника Beiträge zur Lautlehre der slovakischen Sprache in Ungarn (Wien 1888) сл. мою рецензію въ XI т. Архива Ягича и резензію Э. Коваржа въ чешск. Athenaeum 1890. (стр. 185 сл).

Этотъ трудъ въ научномъ отношеніи самая лучшая разработка діалектологическаго матеріала группы чешско-словацкой, но главный его недостатокъ состоитъ въ томъ, что авторъ знакомъ только книжно, а не живо и непосредственно съ народнымъ языкомъ и его говорами.

Пересмотримъ теперь новѣйшія собранія этнографическаго матеріала и его обработку.

Въ послѣднее время были перепечатаны старые сборники, такъ именно въ 1886 г. знаменитый сборникъ К. Я. Эрбена Prostonárodní české písně a říkadla. V Praze. Nakladatel Alois Hynek, knihkupec.

Какъ видно изъ предисловія неподписавшагося редактора, это изданіе не простая перепечатка, но исправлено по поправкамъ, вписаннымъ самимъ Эрбеномъ въ собственный его экземпляръ. Были перепечатаны вновь Эрбена же Nápěvy prostonárodních písní českých. Тотъ же самый книгопродавецъ-издатель теперь по выпускамъ издаетъ извѣстный сборникъ Челяковскаго Mudrosloví стараніемъ проф. Яна Новака, который дополняетъ книгу по нѣкоторымъ новѣйшимъ, ему доступнымъ, сборникамъ славянскихъ пословицъ. Книгопродавческая фирма И. А. Кобера въ Прагѣ издала вновь въ полномъ собраніи сочиненій Божены Нѣмцовой записанныя ею сказки и ея статьи этнографическія, въ V и VI т. м. 8°, (стр. 316 и 364 чешскія народныя сказки, въ VII и VIII т. (стр. 250 и 350) словацкія сказки, въ послѣднемъ IX т. помѣщены ея очерки этнографическіе: Uherské město (D'armoty), obrazy z okolí domažlického, Národná slavnost Slovinců v dolině Zilské v Korutanech; въ томъ же томикѣ напечатаны нѣкоторыя югославянскія сказки, найденныя въ бумагахъ покойной писательницы. Изданіе это не вполнѣ удовлетворительно, только изданіе словацкихъ сказокъ въ VII—VIII т. отвѣчаетъ, по словамъ критика, историка словацкой литературы, Ярослава Волчка, научнымъ требованіямъ (Slovenské pohlady 1891, вып. 6, стр. 351,

Národni listy 6-го іюня 1891). Повѣсти и романы Нѣмцовой носятъ вообще очень сильный мѣстный колоритъ; мы находимъ въ нихъ массу интересныхъ этнографическихъ замѣтокъ; онѣ выписаны и собраны въ статьѣ Ярослава Влаха Přispěvky k národopisu českému въ Časop. česk Mus. 1888 (стр. 342—360) и 1889 (341—369). Полноты ради отмѣтимъ еще, что книгопродавецъ Ф. Топичъ въ Прагѣ въ 1889 г. издалъ иллюстрированныя: «Vybrané báchorky národní» изъ собранія Б. Нѣмцовой. Тотъ же самой издатель выпустилъ въ свѣтъ въ 1889 г. подъ заглавіемъ «Národni pohádky a pověry. Vydal Karel Jaromir Erben» тоже съ иллюстраціями чешскія, моравскія и словацкія сказки изъ извѣстнаго сборника Эрбена «Sto prostonárodních pohádek a pověsti slovanských v nařečích původních», вышедшаго въ 1865 г. Наконецъ Коберъ издалъ также: «Národni báchorky a pověsti moravské a slezské Sebral. M. Mikšiček». I—II т. (стр. 224 и 348) въ м. 8°) онѣ изданы были въ первый разъ еще въ 1843—45 въ Бернѣ и Оломуцѣ, третій выпускъ въ 1845 г. въ Знойме. Сборникъ, нельзя сказать чтобы вполнѣ надежный: въ немъ помѣщены сказки ненародныя, по крайней мѣрѣ не пересказаны въ народномъ стилѣ, какъ уже замѣтилъ мѣткій критикъ В. Небескій о первыхъ выпускахъ перваго изданія (Květy 1844, № 7).

Въ 1883 г. вышло 3-е изданіе сборника I. К. изъ Радостова „Národní pohádky", въ первой разъ изданнаго еще въ 1856—58 г., изданныя здѣсь сказки записаны вѣрно, несочиненныя, не искусственныя, какъ замѣтилъ критикъ пр. Соботка въ журналѣ Světozor. XVI, стр. 569.

Первымъ собирателемъ и издателемъ этнографическаго матеріала теперь Фр. Бартошъ, Онъ издалъ въ 1882 г. въ дополненіе къ знаменитому сборнику Сушила «Nové národni písně moravské s nápěvy do textu vřaděnými (стр. 196): пѣсни съ мелодіями ихъ напечатаны въ этой книгѣ 417 №№, собраны, отчасти, самимъ издателемъ, отчасти другими лицами, мѣстными учителями и прочими любителями. Дополняя сборники Сушиловъ и Бартошевъ, Эд. Пекъ издалъ въ 1883 г. 246 пѣсенъ и сборникъ поговорокъ, подъ названіемъ «Valašské národni písně a říkadla s nápěvy do textu vřaděnými» въ Бернѣ—матеріалъ собранъ въ околицѣ валашской на Моравѣ. Наконецъ въ 1888—89 г. г. изданъ Моравскою Матицею въ Бернѣ большой сборникъ: Národní písně moravské v nově nasbírané. Ve sbírku spořádal a vydal František Bartoš (стр. IX+653+CLII). Это сборникъ по внѣшнему виду почти такой же величины, какъ и Сушиловъ. Онъ содержитъ 82 №№ балладъ (стр. 1—68), остальныя лирическія: 1) любовныя № 83—354 (стр. 69—233), 2) свадебныя № 355—430 (стр. 224—263), 3) семейныя №№ 481—454 (стр. 264—278), 4) кабачныя, плясовыя, пиршественныя № 455—522 (стр. 279—312), 5) «ze života» т. е. хозяйственныя, общественныя и под. № 523—557, (стр. 313—320), 6) «z přírody» т. е. изъ жизни животныхъ № 558—576 (стр, 330—340), 7) «elegické» скорбныя № 577—593 (стр. 341—351), 8) солдатскія № 594—644 (стр. 352—379), между ними изъ австрійско-турецкихъ войнъ, изъ французскихъ, наполеоновскихъ и изъ послѣдней венгерской революціи, 9) шутливыя и сатирическія № 645—670 (стр. 380—394), 10) пѣсенки любовныя («popěvky milostné») № 671—722 (стр. 395—418), 11) пѣсенки разнаго содержанія (popěvky rozmanité) № 723—778 (стр. 419—433), межь нихъ находимъ множество плясовыхъ и шутливыхъ, 12) «písně hudecké» № 779—865 (стр. 477—482): эти названіе не объяснено и выдѣленіе этихъ пѣсенъ въ особый отдѣлъ не обоснованы, 13) «zavádky» № 866—874 (стр. 483—488) изъ старой рукописи 1802 г., это особенный родъ пѣсенъ плясовыхъ. 14) «muzikantská večeře» № 875—883 (стр. 489—793); это пѣсни, распѣваемыя на венгерскихъ границахъ неучаствующими въ свадебныхъ пирахъ, музыкантами и парнями послѣ этихъ пировъ, на своихъ собственныхъ пирахъ. 15) духовныя пѣсни № 884—983 (стр. 494—637), межь нихъ легенды и драматическія игры рождественскія, 16) дополненія къ разнымъ отдѣламъ № 984—1017 стр. (639—653).

Это раздѣленіе матеріала неудовлетворительно, пѣсни сходныя, по содержанію, часто разбиты по разнымъ самостоятельнымъ отдѣламъ. Такое дѣленіе конечно болѣе или менѣе зависитъ отъ личнаго чувства и вкуса издателя. Мы не придаемъ этому дѣленію боль-

шой важности, потому и не будемъ вдаваться въ ближайшее разсмотрѣніе сборника съ этой стороны.

Издатель въ предисловіи къ своему изданію заявляетъ, что въ этомъ сборникѣ не напечаталъ всѣ имъ самимъ собранныя или другими собирателями ему доставляемыя пѣсни и мелодіи, что выбралъ изъ нихъ только лучшія; слабыя де пѣсни, пѣсни новѣйшаго происхожденія, настоящаго времени, времени распадающейся народной жизни исключены имъ изъ сборника. Но и пѣсни, признанныя издателемъ достойными напечатанія—говорю только о пѣсняхъ, не о мелодіяхъ—не всѣ представляются совсѣмъ новыми, доселѣ неизвѣстными. При нѣкоторыхъ пѣсняхъ издатель самъ указываетъ на схожія пѣсни, напечатанныя въ сборникѣ Сушила; но жаль, что онъ не при всѣхъ пѣсняхъ старался припомнить схожія пѣсни, по крайней мѣрѣ въ двухъ лучшихъ и большихъ сборникахъ Эрбена и Сушила. Въ этомъ отношеніи сборникъ Бартоша очень уступаетъ названнымъ сборникамъ, въ которыхъ указываются схожія пѣсни другихъ славянскихъ племенъ, лужицкія, польскія, малорусскія, хорватскія и сербскія. Критикъ сборника Бартоша въ Časop česk. Mus. (1890, стр. 301—8), г. Душекъ весьма справедливо упрекнулъ Бартоша въ этомъ недостаткѣ.

Привожу нѣкоторыя схожія пѣсни въ сборникѣ Бартоша съ сборникомъ Сушила и др., которыхъ не припомнилъ г. Душекъ въ своей рецензіи; припоминаю нарочно, что сходство бываетъ отъ въ слова до слова, такъ что одна пѣсня представляетъ лишь небольшую передѣлку, неважную варіацію другой, напр., у Бартоша № 10—у Сушила № 172; у Бартоша № 19 — у Сушила стр. 193 [1]); у Бартоша № 35—Národní písně Slavie, стр. 125, Суш., стр. 139 (въ примѣч. тоже самое начало); у Барт. 41—у Сушила № 128, стр. 124—5, № 147, стр. 147; тоже между любовными встрѣчаемъ сходныя пѣсни, у Барт. № 85—у Суш. № 329, у Барт. 230—у Суш. № 343, у Барт. № 330—у Суш. № 686 вар. [2]), у Барт. 341—у Сушила 313 а и др. Однако мелодіи этихъ по тексту сходныхъ или близкихъ пѣсенъ по видимому разныя.

Въ концѣ сборника помѣщена обширная статья издателя (стр. 152) подъ скромнымъ названіемъ «Několik slov o lidových písních moravských»; въ этой статьѣ разбираются народныя пѣсни изо всѣхъ сторонъ, разбираются тоже мелодіи народныхъ пѣсенъ, описываются старые моравскіе музыкальные инструменты, сличаются пѣсни моравскія старшія, возникающія еще и теперь въ періодъ разложенія старинныхъ культурныхъ народныхъ формъ [1]), съ пѣснями спеціально чешскими въ сборникѣ Эрбена, затѣмъ представляетъ характеристику простаго народа моравскаго, и всей его жизни на основаніи его поэзіи. Этюдъ г. Бартоша представляетъ большой интересъ, хотя желающіе и ищущіе научнаго анализа народной поэзіи не очень останутся имъ довольны. Вопросъ о народности народной поэзіи, о происхожденіи содержанія и мотивовъ разработанныхъ въ пѣсняхъ моравскихъ для г. Бартоша почти несуществуетъ, для него будто и нѣтъ сомнѣній, что народныя пѣсни моравскія подлинныя, домашнія произведенія, а не заимствованныя отъ сосѣдей. Содержаніе «Баллады» предполагаетъ г. Бартошъ иногда очень древнимъ, ведетъ изъ языческихъ временъ, такъ на пр. пѣсни о возвращеніи любовника-мертвеца къ любовницѣ, ждавшей его семь лѣтъ, особенно пѣсни, или мѣста пѣсенъ, гдѣ мать заклинаетъ дѣтей и т. п., по его мнѣнію, относятся къ языческимъ вѣкамъ; тоже широко разработанный мотивъ: сестра отравляетъ ядомъ брата, по желанію любовника (мужа) «полумиѳическій» (стр. XVIII сл.): откуда этотъ мотивъ произошелъ, какимъ путемъ у моравскаго народа эта пѣсня такъ разработалась (есть множество варіантовъ у Суш., стр. 167—170, у Барт. № 15 abc, у Эрбена, стр. 534) это вопросъ для г. Бартоша лишній [1]). Конечно, г. Бартошъ не отрицаетъ, что и между свѣтскими, не только между духовными пѣснями эпическими находятся кое-какіе чужіе или сходные съ чужими сюжеты, народъ не былъ и въ старыя времена совсѣмъ огражденъ отъ остальнаго міра (стр. XXIV). Вопросъ, какъ разработаны

[1]) Кстати у Суш. уже сказано стр. 169, что эта пѣсня у Славянъ очень распространенная изъ самыхъ древнихъ, что она встрѣчается и у другихъ европейскихъ народовъ кажется не важнымъ.

чужіе заимствованные мотивы, какіе они и откуда они заимствованы и т. п г. Бартошъ не берется рѣшать, даже этотъ вопросъ имъ и не ставится; только на одномъ примѣрѣ, при одномъ мотивѣ (возвращеніе любовника съ войны) указываетъ авторъ, что онъ лучше, поэтичнѣе разработанъ въ моравской балладѣ, чѣмъ въ нѣмецкой (стр. XXV сл.), и объ этомъ съ нимъ не станемъ спорить; но и здѣсь онъ судитъ съ точки зрѣнія эстетической, а не литературной, исторической. Намъ желательна разработка народной поэзіи чешско-моравской именно съ точки зрѣнія безпристрастной литературной исторіи, а не только эстетики. Вопроса о происхожденіи мотивовъ моравскихъ и чешскихъ народныхъ пѣсенъ эпическихъ касался гораздо ближе Карлъ Бенешъ въ статьѣ «O látce národní ballady moravské (Programm slov. zemské vyšší realné školy. V Prostějově 1886 и 1887), указывая на сходныя пѣсни сосѣднихъ племенъ западныхъ [1]) и восточныхъ (польскаго и малорусскаго): но онъ не берется рѣшать вопросъ о происхожденіи ихъ въ Моравіи и объ ихъ подлинности, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ пѣсенъ и мотивовъ.

Бартошъ въ своей статьѣ не представилъ критическаго разбора народной поэзіи моравской, но простую ея характеристику. Вообще онъ скорѣе является панегиристомъ народной поэзіи своей родины, панегиристомъ и старшаго моравскаго поколѣнія, создавшаго эти пѣсни, восхвалителемъ прекрасныхъ былыхъ временъ. Г. Бартошъ является въ своей статьѣ не только народникомъ, самобытникомъ—смѣемъ ли переносить терминъ русской публицистики на западъ — идеализаторомъ народнаго быта, но и охранителемъ, а иногда и противникомъ европейской культуры, насколько подъ ея вліяніемъ разлагается старый будто [2]), самостоятельный народный бытъ. Древнюю жизнь деревенскую онъ изображаетъ, какъ прекрасную идиллію («a tak žila i všecka obec v sousedské shodě a v přátelské lásce jako jedna rodina, стр. CI), даже отношенія крѣпостныхъ къ барину были весьма идиллическія, крѣпостное право воспѣваютъ съ доброй стороны, только что часто воспоминаютъ жестокихъ господскихъ управляющихъ [3]).

Лучше этого разбора часть статьи посвященная формальной сторонѣ пѣсенъ мелодіи; очень интересны сообщенія о «композиторахъ народныхъ, весьма вѣрны замѣчанія объ упадкѣ народной поэзіи и критика отношеній моравскихъ пѣсенъ спеціально къ чешскимъ. Нельзя отрицать, что чешскія пѣсни записанныя въ первой половинѣ нашего вѣка у Эрбена сильно уступаютъ въ поэтичности пѣснямъ собраннымъ въ новѣйшее время на Моравѣ, и что въ настоящее время тамъ совершается въ народной поэзіи тотъ же самый процессъ, который совершился въ Чехіи полъ вѣка назадъ.

Ю. Поливка.

Прага.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) На вліяніе нѣмецкое указалъ вкратцѣ Братранекъ въ статьѣ выше указанной. Конечно, этотъ вопросъ требуетъ тщательной и трезвой обработки матеріала.

[2]) Для русскихъ читателей прибавимъ, что г. Бартошъ хотѣлъ собственно высказать, оно и вѣрно, что добрый, благодушный моравскій народъ даже крѣпостное состояніе свое озарилъ поэтическимъ свѣтомъ, а конечно столь близкій народу г. Бартошъ не горюетъ по крѣпостномъ правѣ. Ред.

[3]) Намъ кажется все-таки, что въ народномъ бытѣ Моравамъ и Словаковъ дѣйствительно гораздо больше самостоятельности, чѣмъ у Чеховъ. Тутъ дѣло не въ культурности— вѣдь Германія, Франція, Англія, надѣемся, культурнѣе Чехіи, однако ихъ народности, ихъ бытъ, ихъ образованности гораздо сочнѣе, оригинальнѣе, самостоятельнѣе чешской. Тутъ дѣло въ несчастной, страшной ломкѣ, которой подверглась Чехія въ XVII в. и въ тѣхъ явленіяхъ прежней Чехіи и въ тѣхъ чужихъ вліяніяхъ, которыя эту ломку подготовили и облегчили.—Слова народники и народничество ничего собственно у насъ не выражаютъ и употребительны лишь въ нѣкоторыхъ нашихъ журнальныхъ кружкахъ, причемъ чуть не каждый изъ нихъ придаетъ этимъ словамъ свое особое значеніе. Ред.

Dr. W. Junker. Reisen in Afrika. Wien, E. Hölzel, 3 Bde. 1889—1891. Того же автора: Wissenschaftliche Ergebnisse von Dr. W. Junkers. Reisen. Ergänzungshefte zu Petermanns Mitteilungen, H. 92 и 93.

Среди современныхъ писателей объ Африкѣ нашъ соотечественникъ д-ръ В. Ф. Юнкеръ занимаетъ довольно исключительное положеніе. Обширные труды его, въ которыхъ онъ въ чрезвычайно скромной формѣ изложилъ результаты своихъ замѣчательныхъ путешествій по сѣверо-восточной и экваторіальной Африкѣ, а потому и по содержанію существенно отличаются отъ хвастливыхъ и не брезгающихъ шумною рекламою или еще болѣе шумною полемикою произведеній Стэнлея, д-ра Петерса и др. модныхъ африканскихъ путешественниковъ.

Юнкеръ очевидно принадлежитъ еще къ старой плеядѣ путешественниковъ-идеалистовъ. О цѣнности собранныхъ въ его «Reisen» матеріаловъ, мы можемъ судить уже по тому, что западно-европейская научная критика единодушно признала эту книгу за «standard work» африканской литературы. Достаточно указать на то, что въ пышно изданной и страшно рекламированной книгѣ Петерса карты не соотвѣтствуютъ тексту, что къ путешествію Іос. Томсона въ землю Масаевъ приложена совершенно фантастическая геологическая карта, тогда какъ относительно Юнкера извѣстный картографъ д-ръ Б. Гассенштейнъ могъ высказать, что «со временъ Барта онъ не встрѣчалъ столь точнаго и свободнаго отъ пробѣловъ картографическаго матеріала, относящагося къ такому продолжительному путешествію (1875—1886), какъ у д-ра Юнкера».

Первый томъ, который мы имѣемъ въ данномъ случаѣ въ виду, касается путешествій, совершенныхъ съ 1875—1878 г. по Ливійской пустынѣ, арабскимъ странамъ египетскаго Судана и по негрскимъ землямъ области истоковъ верхняго Нила. Не касаясь здѣсь чисто географической стороны, о которой мы будемъ имѣть случай говорить въ другомъ мѣстѣ, мы прежде всего остановимся на отношеніяхъ Египтянъ и Европейцевъ къ Неграмъ-туземцамъ. Приводимые Юнкеромъ факты тѣмъ интереснѣе, что они характеризуютъ тщетныя усилія Гордона въ борьбѣ противъ рабства и гнусной египетской администраціи, равно какъ и эпоху появленія пресловутаго Махди.

Судя по разсказамъ Юнкера, Гордонъ является человѣкомъ благороднымъ и искренно желавшимъ выполнить взятую на себя великую миссію, но уже тогда изнемогавшимъ подъ гнетомъ мелкихъ неудачъ и роковаго сознанія своего безсилія. Въ отличіе отъ дальновидной, хотя и жестокой политики Мехмета-Али, вносившаго раздоръ въ среду подчиненныхъ ему племенъ, съ цѣлью ихъ ослабить, разграничившаго владѣнія кочевниковъ и твердо державшагося древняго принципа круговой поруки (нечего распространяться о томъ, что онъ отнюдь не ввелъ эту поруку, какъ замѣчаетъ Юнкеръ, стр. 34), современная египетская администрація сосредоточила всѣ свои усилія на хищеніяхъ, дѣлала разбойничьи набѣги на туземцевъ и искренно стремилась къ тому, чтобы заставить ихъ быть непокорными и такимъ образомъ сохранить за собою право ихъ грабить и отводить въ рабство. Результатами такой политики явилось не только ожесточеніе, но и обѣдненіе и даже гибель мѣстнаго населенія. Разсказы Швейнфурта, Гейглина, Петерика о племенахъ Бонго, Динка и Джуръ относятся къ временамъ недавнимъ, но, благодаря хищничеству Египтянъ, имѣли въ эпоху посѣщенія этихъ племенъ Юнкеромъ уже историческій интересъ. Замѣтимъ кстати, что мы, въ лицѣ нашего путешественника, отнюдь не имѣемъ одного изъ тѣхъ изслѣдователей, которые подобно Сойао и Фалькенштейну принадлежатъ къ почитателямъ негрскаго племени; напротивъ того онъ, съ цѣлью научною, конечно, присоединился даже къ одному изъ кровавыхъ походовъ Египтянъ въ негрскія земли и, при случаѣ, довольно низко оцѣниваетъ способности Негровъ. Такъ онъ отрицаетъ за ними всякое чутье къ красотамъ природы (стр. 458). Въ этомъ отношеніи мы можемъ противопоставить ему отъявленнаго врага Негровъ Цѣллера (Zëller, Deutsche Besitzungen in Afrika B. I. J. 137), охотно подтверждающаго наблюденія большинства путешественниковъ относительно способности Негровъ къ архитектурѣ и ихъ умѣнья избират соотвѣтствующіе ландшафты для своихъ храмовъ и общественныхъ сооруженій. Впрочемъ, и самъ Юн-

керъ съ увлеченіемъ говоритъ о «поистинѣ изумительномъ чутьѣ къ скульптурѣ и къ художеству вообще» Макараковъ (нямъ-нямы), Манбату и Банту (ваньоро и ваганда), объ интересныхъ танцахъ, о музыкѣ дикарей, объ ихъ краснорѣчіи и удивительномъ умѣньи держать себя во время произнесенія рѣчей. Въ общемъ путешествіе Юнкера изобилуетъ удачными указаніями на характеръ и на этнологическія особенности Негровъ. Въ высшей степени интересны, напримѣръ, его сообщенія о погребальныхъ обрядахъ въ Кабаендіи. При погребеніи одного вліятельнаго лица, похоронныя празднества продолжались дней 15; соотвѣтственно бойкому и шумному темпераменту Негра, выраженія печали въ данномъ случаѣ удивительно походили на выраженія радости; около 60—70 женщинъ громко вопили, кричали и шумѣли, заглушая звуки большихъ барабановъ; онѣ кувыркались и дѣлали видъ, что ищутъ покойника, неистово вскрикивая при этомъ: «о господинъ! гдѣ Фадлъ—Аллахъ? (имя покойника) это ложь»! (т. е., что онъ умеръ). Въ концѣ концовъ шествіе плакальщицъ приняло видъ какого-то bal costumé, такъ какъ женщины вышли наряженными въ халаты, рубашки, жилеты ихъ господина, одна изъ нихъ вооружилась его большимъ абиссинскимъ мечомъ, у другихъ въ рукахъ были палки, стебли маиса или вьющіяся растенія... Прибавимъ еще, что процессія этихъ женщинъ, испачканныхъ пепломъ, выступила въ проливной дождь и что участницы во время своихъ кувырканій изрядно вывалялись въ грязи. У Макараковъ трупъ вождя племени сушится надъ костромъ въ продолженіи цѣлаго года, при чемъ передъ нимъ ставятъ пищу и опьяняющіе напитки; высушенный трупъ подвѣшивается среди вѣтвей дерева. У Негровъ Калика совмѣстно съ покойникомъ погребаютъ живьемъ его приближенныхъ, домашній скотъ и утварь; бывали случаи, что человѣкъ, смертельно раненный отравленною стрѣлою, еще живымъ закапывался со своими ближними съ своими богатствами въ землю (стр. 428). У Монду, Абукая, Абака за умершимъ господиномъ слѣдуютъ иногда 10—15 рабынь и притомъ вполнѣ добровольно въ томъ разсчетѣ, что онъ ихъ будетъ содержать и кормить въ загробномъ мірѣ (стр. 307).

Не маловажную роль среди суевѣрныхъ Негровъ играютъ кудесники, умѣющіе вызывать дождь и излѣчивать болѣзни; въ послѣднемъ случаѣ они поступаютъ точно также, какъ и шаманы другихъ частей свѣта: они присасываются къ какому либо заранѣе нащипанному ими мѣсту на тѣлѣ больнаго и затѣмъ вытаскиваютъ, какъ видимую причину болѣзни, пучекъ шерсти какого либо животнаго (405). Вѣрованіе въ «дурной глазъ» и оборотни «чрезвычайно распространены (стр. 156—405).

Оракуломъ служитъ курица, которой даютъ настой изъ ядовитаго растенія бенге; если она издыхаетъ, то необходимо отказаться отъ предполагаемаго предпріятія (стр. 502).

Положеніе женщины у негрскихъ племенъ, изученныхъ Юнкеромъ, въ общемъ довольно не завидно. Въ совершенно иныхъ краскахъ представляется оно намъ у Бедуиновъ въ области Така и Кедарефъ (близъ Массауа). О свободѣ Бедуинокъ свидѣтельствуетъ уже ихъ внѣшній видъ и отсутствіе покрывалъ какъ для лица, такъ отчасти и для тѣла. Вліяніе, которымъ пользуются замужнія женщины плохо мирится съ гордымъ и самобытнымъ характеромъ полудикихъ кочевниковъ. Женщины образуютъ какъ бы отдѣльную корпорацію и умѣютъ отстаивать свои права. Многоженство—плодъ городской цивилизаціи; въ пустыни оно составляетъ исключеніе.

Бедуинъ не только покупаетъ жену, но добивается ея руки путемъ ухаживанья. Интересную параллель по сравненію съ бытомъ нашихъ азіатскихъ инородцевъ представляетъ то значеніе, которымъ пользуется женщина въ военное время. Въ былыя времена при сомнительномъ исходѣ битвы передъ воинами выѣзжала наиболѣе красивая дѣвушка племени въ одеждѣ невѣсты на роскошно убранномъ верблюдѣ, на которомъ она сидѣла въ украшенномъ страусовыми перьями помѣщеніи «отфа». Воины ей клялись побѣдить или умереть. Въ виду ея, или лучше сказать вокругъ нея, происходило сраженіе и не рѣдко случалось, что всѣ воины погибали, защищая представительницу своего племени (стр. 146 и д.).

Весьма характерны свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ относительно Коптовъ Ливійской пустыни: изъ 100 монастырей въ т. н. «Натровой долинѣ» въ настоящее время

осталось только четыре, въ которыхъ не многочисленные монахи доживаютъ свой вѣкъ среди монотонной обрядности. Въ общемъ сѣверо-восточная Африка богата слѣдами былой и когда то несомнѣнно значительной культуры; по дорогѣ въ Гари путешественникъ нашъ почти ежечасно наталкивался на болѣе или менѣе обширныя развалины. Слѣдовъ древности и великаго эллинизма не оказалось только въ Александріи Птолемеевъ. Нынѣ это—не болѣе какъ крупный коммерческій и европеизованный городъ. Въ пятницу, т. е. въ магометанскій праздникъ, путешественникъ нашъ участвовалъ въ «корсо» на берегахъ канала Махмуда и съ негодованіемъ завзятаго любителя дикарей посматривалъ на «этихъ прекрасныхъ или безобразныхъ дамъ въ эффектныхъ костюмахъ и на дамъ полусвѣта, развалившихся въ колясках и ландо—tout comme chez nous!» Подобными искренними замѣчаніями неоднократно пересыпаны разсказы Юнкера, и это придаетъ его, въ общемъ, безъискусственному изложенію несомнѣнную прелесть. Но на ряду съ этимъ мы встрѣчаемъ въ книгѣ не мало округленныхъ и положительно поэтическихъ описаній. Таковы: караванъ (стр. 14 136), ночь (с. 29), пустыня (стр. 45), оазисъ (стр. 48), и т. д.—Въ редактированіи перваго тома принималъ извѣстное участіе путешественникъ Р. Бухта, снабдившій текстъ множествомъ подчасъ довольно интересныхъ замѣчаній. Второй и третій томъ вышли безъ его участія, что, впрочемъ, отнюдь не повредило изложенію. Нельзя, однако, не пожалѣть о томъ, что во всѣхъ трехъ томахъ, среди многочисленныхъ и въ общемъ довольно интересныхъ илюстрацій, встрѣчаются рисунки по меньшей мѣрѣ посредственные по передачѣ или даже не совсѣмъ соотвѣтствующіе тексту. Въ концѣ концовъ мы считаемъ необходимымъ указать на то, что значительнѣйшая и лучшая часть этнографическихъ предметовъ, собранныхъ Юнкеромъ, пожертвованы имъ въ этнографическій музей Императорской Академіи Наукъ.

Проф. *Э. Н. Петри.*

Ядринцевъ Н. М. Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Этнографическія и статистическія изслѣдованія съ приложеніемъ статистическихъ таблицъ. Спб. 1891, 8° стр. 308. Изданіе И. М. Сибирякова.

Послѣдній трудъ Н. М. Ядринцева затрогиваетъ крайне важный вопросъ о положеніи сибирскихъ инородцевъ; но для людей знакомыхъ съ дѣломъ даетъ очень немного новаго, благодаря той системѣ изложенія, которой держится авторъ. Хотя г. Ядринцевъ и претендуетъ на непосредственное изученіе предмета, что, замѣтимъ, нѣсколько трудновато безъ знанія восточныхъ языковъ, тѣмъ не менѣе въ книгѣ своей, какъ будто не полагается на собственныя свѣдѣнія и для подкрѣпленія ихъ постоянно прибѣгаетъ къ авторитету другихъ изслѣдователей, своихъ предшественниковъ. Выписки изъ сочиненій Палласа, Георги, Миддендорфа и многихъ другихъ приводятся въ книгѣ г. Ядринцева слишкомъ щедро, увеличивая ея объемъ давно извѣстными сообщеніями, и придавая ей нѣсколько односторонній характеръ. Произошла эта односторонность по очень простой причинѣ. Для большинства изслѣдователей мѣстныя нарѣчія оставались неизвѣстными, а потому при всемъ стараніи эти ученые, лишенные главнаго средства проникнуть въ духовную жизнь инородцевъ, не могли изучить особенности психической этнографіи, оттого инородцы у нихъ мало различаются другъ отъ друга. Можно перемѣнить названіе, поставить Якутовъ вмѣсто Остяковъ, и сущность останется та же. Это, впрочемъ, не вредитъ главной цѣли книги — показать печальное положеніе инородцевъ, гибнущихъ не вслѣдствіе печальной необходимости вымиранія при столкновеніи съ высшей культурой, а отъ причинъ внѣшнихъ и главнымъ образомъ отъ хищныхъ пріемовъ кулаковъ, раззоряющихъ это беззащитное, забитое и покорное населеніе. Да и къ чему свои грѣхи сваливать на постороннее явленіе, на культуру? И почему народы должны носить въ себѣ зародышъ истощенія жизненной силы? Дикарь не въ состояніи усвоить культуру и принимаетъ лишь самую скверную сторону высшей ци-

вилизаціи. Зло заключается въ тѣхъ людяхъ, которые эксплуатируютъ инородческое население для своей матеріальной выгоды. Они заносятъ и распространяютъ тамъ болѣзни, а серьезной медицинской помощи нѣтъ; они развиваютъ въ народѣ страсть къ спиртнымъ напиткамъ, а позаботиться о нравственности образованія его некому; они опутали своихъ поставщиковъ сложною системою долговыхъ обязательствъ и на законномъ основаніи уничтожаютъ послѣдніе остатки народнаго благосостоянія. Необходимо заняться инородческимъ вопросомъ, какъ изъ чувства человѣколюбія, такъ и въ интересахъ государства. Не слѣдуетъ жертвовать для инородцевъ интересами русскаго народа, всегда относившагося къ нимъ добродушно и сострадательно, въ духѣ братства и любви; но пора очистить окружающую инородцевъ атмосферу, въ которой они задыхаются.

Въ книгѣ г. Ядринцева затрогиваются разнообразные вопросы, и попытки къ разрѣшенію ихъ даютъ большой матеріалъ для критики, особенно тѣ главы, которыя содержатъ ученыя изслѣдованія. До сихъ поръ мы знали г. Ядринцева, какъ публициста, пользующагося извѣстностію не только у насъ, но и заграницей, благодаря переводамъ его статей на иностранные языки, теперь онъ выступаетъ и на ученое поприще. По первымъ опытамъ его судить, конечно, трудно и останавливаться на нихъ не будемъ, пока предпочитаемъ Ядринцева-публициста Ядринцеву-ученому [1]).

Какъ публицисту, замѣтимъ на разсужденіе его объ обращеніи язычниковъ въ христіанство. На 212-й стр. онъ говоритъ: «Въ послѣднее время вопросъ о распространеніи магометанства и буддизма или ламаизма въ Сибири разсматривается съ разныхъ точекъ зрѣнія. Между прочимъ водвореніе магометанства и ламаизма среди сибирскихъ инородцевъ приписывается винѣ Русскихъ и послабленію администраціи, усвоившей ложную точку зрѣнія покровительства магометанству и ламаизму. Но едва ли, однако, даже сошедшихъ со сцены правителей и администрацію, найдется основаніе заподозрить въ пристрастіи къ магометанству и ламаизму, а также отрицать въ нихъ чистоту христіанскихъ воззрѣній. Причины терпимости лежали въ болѣе глубокихъ историческихъ обстоятельствахъ». Не знаемъ, кто и когда заподозривалъ администраторовъ въ пристрастіи къ магометанству и ламаизму и отрицалъ въ нихъ чистоту христіанскихъ воззрѣній, но ихъ не безъ основанія обвиняли въ незнаніи того народа, который вручался ихъ управленію, въ нихъ замѣчали недостатокъ государственныхъ способностей и отсутствіе подготовки къ своей дѣятельности. Исключенія были рѣдки. Жаль, что г. Ядринцевъ не сообщилъ намъ «болѣе глубокихъ историческихъ обстоятельствъ» терпимости, ибо дальнѣйшее затѣмъ изложеніе его никакою глубиною не отличается; а тутъ-то и слѣдовало бы выяснить этотъ важный вопросъ. На стр. 224-й г. Ядринцевъ говоритъ: «въ 1782—1784 году администрація старалась о распространеніи школъ и обученіи корану Татаръ и Киргизовъ, но это было чисто магометанское, а не общее образованіе». Что-жъ—это по мнѣнію г. Ядринцева терпимость? Нѣтъ, это ужь пропаганда ислама, такой религіи, которая въ основѣ своей враждебна христіанству. И чѣмъ болѣе мусульманинъ знакомится съ своею религіей, тѣмъ сильнѣе проникается онъ враждою ко всему не-мусульманскому. Поэтому пропаганда ислама, по нашему мнѣнію, дѣло анти-государственное. Къ сожалѣнію въ такія ошибки, съ самыми вредными оттого послѣдствіями, правительство наше прежде впадало довольно часто. Г. Ядринцевъ пишетъ: «чтобы лучше обезпечить наблюденіе за магометанами, правительство приказало построить мечети въ степи и назначило жалованье опредѣленнымъ мулламъ. Въ Екатеринбургѣ былъ созданъ магометанскій муфтій, онъ утверждался правительствомъ и выбирался изъ Татаръ, извѣстныхъ преданностью русской власти» (стр. 212—213). Повидимому все прекрасно и предусмотрительно; только г. Ядринцевъ ошибается, воображая, что въ прошломъ столѣтіи, когда строили на русскія деньги мечети въ степи, Киргизы были магометанами. Они остава-

[1]) Насъ очень заинтересовала своимъ заманчивымъ заглавіемъ статья: «Значеніе кочеваго быта въ исторіи человѣческой культуры»; но прочитавъ ее, убѣдились, что она никакого научнаго значенія не имѣетъ и представляетъ сплошное не[illegible]іе.

лись, какъ еще долго спустя, чистѣйшими шаманистами. Все недоразумѣніе произошло оттого, что наши администраторы повѣрили переводчикамъ изъ Татаръ, что Киргизы исповѣдуютъ мусульманство (вотъ они болѣе глубокія-то историческія обстоятельства!). Но прослѣдимъ дѣло дальше. Въ построенныя мечети Киргизы не шли, такъ какъ мусульманства не исповѣдывали; попечительное начальство усмотрѣло въ этомъ, помимо неблагодарности, бунтъ противъ властей, приняло энергичныя мѣры и силой стало загонять Киргизовъ въ мечети. Г. Ядринцевъ не знаетъ, конечно, какую роль тутъ играла казацкая нагайка; но въ степи ее долго потомъ вспоминали. О вліяніи же муллъ и муфтіевъ изъ Татаръ, «извѣстныхъ преданностью русской власти», г. Ядринцевъ имѣетъ невѣрныя понятія.

Должно быть вслѣдствіе спѣшности печатанія книга изобилуетъ опечатками (Обербанджанъ, Кирситы, Миссагеты и т. п.), недосмотрами и невѣрностями всякаго рода. Попадаются и курьезы: Самаркандъ помѣщенъ въ Китайскомъ Туркестанѣ, а у Чингисъ-хана была де столица Каракорумъ.

Н. В.

А. Н. Лисовскій. Опытъ изученія малорусскихъ думъ. Изданіе Полтавскаго Губ. Статистическаго Комитета. Полтава. 1890.

Въ то время какъ въ послѣдніе годы великорусскій народный эпосъ подвергся разнообразному изученію, малорусскія думы остаются въ забвеніи и не привлекаютъ къ себѣ вниманія изслѣдователя. Кромѣ замѣчаній г. Кулиша, Антоновича и Драгоманова и статей Костомарова («Русская Мысль» (1880, 1883) мы не знаемъ другихъ, сколько нибудь важныхъ работъ по изученію думъ.

Книжка г. Лисовскаго не можетъ претендовать на научное значеніе уже по тому, что на 50 страницахъ, на-половину наполненныхъ повтореніями и изложеніемъ всѣхъ извѣстныхъ фактовъ, авторъ не былъ въ состояніи дать обстоятельную оцѣнку разбираемыхъ имъ произведеній. Болѣе широкой постановкѣ вопроса главнымъ препятствіемъ служили условія работы, производившейся въ провинціальномъ городѣ, не изобилующемъ научными пособіями. При всемъ томъ, мы отмѣчаемъ книгу г. Лисовскаго, какъ выполненную въ предѣлахъ, поставленныхъ имъ себѣ задачъ вполнѣ добросовѣстно.

Первая глава посвящена разсмотрѣнію вопроса о самостоятельности формы думъ, вторая—о различіи пѣсни отъ думы. Тутъ находимъ мало новаго, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вѣрно подмѣченныхъ чертъ, отличающихъ думу отъ другихъ произведеній народной словесности съ формальной стороны. Говоря о времени возникновенія думъ (XVI в.) авторъ напрасно не указываетъ на современныя указанія о нихъ Сарницкаго, Кленовича, лѣтописцевъ. Въ 3-й главѣ дана классификація думъ, раздѣленныхъ г. Лисовскимъ на нѣсколько группъ или кружковъ (не вполнѣ достаточно обоснованная). 4-я и 5-я главы заняты самимъ анализомъ думъ. Въ нихъ авторъ очень наглядно съумѣлъ разъяснить процессъ развитія думъ, указать на замѣчательно мѣткія характеристики быта; онъ останавливается также на постепенномъ разложеніи ихъ. Тутъ нерѣдко можно подмѣтить у автора сильное увлеченіе интересующимъ его вопросомъ. Нѣкоторыя замѣчанія, кажется, не имѣютъ за себя твердыхъ основаній; напримѣръ, сопоставленіе сна Святослава въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» со сномъ Алкана Паши въ думѣ о Самойлѣ Кошкѣ (стр. 17); сонъ Святослава въ «Словѣ» имѣетъ особое символическое значеніе. Далѣе, пока мы не имѣемъ критическаго обозрѣнія малорусскихъ лѣтописей, трудно дѣлать ихъ критеріумомъ историческаго содержанія думъ; тѣмъ болѣе, что по словамъ самихъ лѣтописей нѣкоторыя лица составляли думы (напримѣръ, про гетмана Самойловича). Такимъ образомъ не нужно упускать изъ виду и простаго литературнаго вліянія, тѣмъ болѣе, что лѣтописи отличались поэтическими вымышленными подробностями. Могло быть и обратное заимствованіе.

Въ шестой заключительной главѣ даны г. Лисовскимъ нѣкоторые выводы и общая оцѣнка литературнаго значенія малорусскихъ думъ.

Арк. Л—нко.

«Český lid». Sbornik věnovaný studiu lidu českého v Čechách, na Moravě, ve Slezsku a na Slovensku. Redaktoři L. Niederle, C. Zíbrt. Nakladatel: Šimáček v Praze. čislo I.

Всенивеллирующая европейская культура мало-по-малу вытѣсняетъ изъ жизни тѣ характерныя народныя черты и особенности, которыя ведутъ свое начало съ незапамятныхъ временъ, чуть не съ самаго рожденія народа.

Такъ называемая интеллигенція уже совсѣмъ и вездѣ потеряла свою оригинальность, оторвавшись отъ родной почвы ради Европы. Но связи съ стариной начинаютъ ослабѣвать и въ простомъ народѣ. Его обычаи—простая форма безъ мысли и души; его пѣсни уже передѣланы на современные мотивы, съ бѣднымъ содержаніемъ, съ новыми героями изъ фабричной и солдатской жизни: его одежда, украшенія — также измѣнились (къ худшему), за отсутствіемъ непрерывнаго самобытнаго развитія. Отъ былаго остаются лишь жалкіе обломки. Чѣмъ дальше, тѣмъ они становятся все мельче и мельче. Но понятна по этому та нервная поспѣшность, съ которою теперь принялись за собираніе и изслѣдованіе этнографическаго матеріала. Западная Европа положила начало, за нею поспѣшили и Славяне. У Поляковъ, Сербовъ, Болгаръ, Моравaнъ есть уже специальные этнографическіе журналы. Не опоздали и Чехи. Въ своемъ, пожалуй, даже чрезмѣрномъ увлеченіи той культурой, доказательство которой они представили на нынѣшней выставкѣ въ Прагѣ, они не забыли и бѣдной «Халупы», одиноко стоящей въ углу огромной выставочной площади. Не на фабрики и заводы, а въ эту крестьянскую избу долженъ идти ищущій оригинальности, отдыха отъ утомительнаго однообразія Европы—ея достоинствъ и недостатковъ. Многіе чешскіе ученые посвящали свое время и силы этнографическимъ занятіямъ, но за отсутствіемъ спеціальнаго журнала многое осталось въ столахъ авторовъ, многое затерялось въ разнаго рода журналахъ и газетахъ. Подвести итогъ старымъ занятіямъ и объединить силы для новыхъ работъ взялся новый журналъ «Český lid». Его цѣль и программа ясна изъ самаго названія. Опредѣлить свое—чешское, близкое—славянское, проникнуть въ глубь народа, въ тѣ мѣста, гдѣ еще живутъ и мыслятъ по старинѣ, гдѣ вѣрятъ глубоко, гдѣ играми и пѣснями старинными скрашивали свой бѣдный бытъ — вотъ ближайшая задача журнала.

Только что вышедшая 1 книжка свидѣтельствуетъ, какъ много интереснаго можно еще сказать. Здѣсь мы находимъ статьи: Тыршовы: «о чешскихъ народныхъ вышивкахъ на земской юбилейной выставкѣ», съ 4 характерными для чешской орнаментаціи рисунками извѣстнаго чешскаго этнографа Бартоша: «повѣрья и обычаи Моравaнъ свъ хозяйствѣ» (о пастухѣ, уходомъ зо коровами); Коулы: «объ одеждѣ словаковъ» чъ рисунками; Гостинскаго: «о нашихъ свѣтскихъ народныхъ пѣсняхъ»—по наніалу статья обѣщаетъ быть очень интересной; историческая справка Граше: «собраВе чешскихъ братьевъ въ Находѣ»; Матѣйки — «гробы со скелетами въ Чехіи»; Дaыкоукаля: «о сельской кухнѣ»; Коштяля: «водяной по преданіямъ у Чеховъ». цалѣе идутъ интересныя описанія обычаевъ (пока крестины и сватьба) «въ Домажлихxъ» «со Ждярскихъ горъ», и отдѣлъ библіографическій. Дай Богъ успѣха такому орошему началу!

А. Липовскій.

Отъ Редакціи. Мы получили надняхъ 3-ю кн. «Чешскаго Люда», которая также содержитъ въ себѣ не мало интереснаго. Къ сожалѣнію, 2-я книжка до насъ не дошла, или многоуважаемая редакція забыла ее намъ доставить. На дняхъ же мы получили 6-й томъ «Болгарскаго Этнографическаго Сборника». Мы въ долгу передъ этимъ достопочтеннымъ изданіемъ и вскорѣ дадимъ отчетъ объ этихъ прекрасныхъ сборникахъ, внесшихъ уже и имѣющихъ, безспорно, внести еще много новаго. Благодаря очень редакцію этого сборника за доставленіе намъ 6-го и 1-го, 2-го и 3-го томовъ, мы бы просили ее доставить намъ, хотя бы съ наложеннымъ платежемъ, недостающіе намъ 4-й и 5-й томы.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Отчеты Канд. И. С.-Пб. Унив. г. Катанова, отправленнаго для этнографическаго изслѣдованія Тюркскихъ племенъ въ вост. Сибирь, Монголію и сѣв. Китай.

Его Превосходительству, Господину Вице-Предсѣдателю Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Симъ честь имѣю извѣстить Ваше Превосходительство, что въ настоящее время я нахожусь въ г. Чугучакѣ, Тарбагатайскаго округа, гдѣ, съ 24-го февраля сего года, по сіе время занимаюсь изслѣдованіемъ языка и обычаевъ Сартовъ и Киргизовъ. Моему изслѣдованію подлежали до сихъ поръ подданные Русскаго и Китайскаго государствъ. Внутрь провинціи Гань-су-синь-цзянь я намѣренъ двинуться не ранѣе, какъ по полученіи изъ Пекина разрѣшенія на путешествіе. О выходѣ разрѣшенія въ іюнѣ сего года я имѣю достовѣрныя свѣдѣнія, такъ что въ сентябрѣ сего года я разсчитываю выѣхать изъ Чугучака въ Турфанъ и Хами. Оттуда направлюсь къ Кашгару или Кульджѣ.

Изслѣдованія я производилъ въ укрѣпленіи Бахты (Семирѣчен. обл.) и г. Чугучакѣ съ 24-го февраля сего года включительно по 14-е августа сего года. Въ семъ письмѣ я честь имѣю изложить Вашему Превосходительству вкратцѣ отчетъ о своихъ работахъ въ послѣднее полугодіе. Въ концѣ этого года или началѣ слѣдующаго я имѣю представить въ подлинникѣ и самыя работы.

I. Разскащиками у меня были слѣдующія лица:

1) Абдулъ-хекимъ, Юнусъ-бай-оглы, 42 лѣтъ, Сартъ изъ г. Маргелана, по профессіи купецъ.

2) Джунусъ, Итъ-кары-оглы, 43 лѣтъ, Киргизъ изъ г. Семипалатинска, бывшій ямщикъ.

3) Исмаилъ-мулла, сынъ Кары-Санда, 29 лѣтъ, Сартъ изъ т. Кашгара, по профессіи мулла.

4) Кюмюсъ, 39 лѣтъ, Киргизка изъ г. Вѣрнаго, по профессіи портниха.

5) Мюжюпъ-ахунъ, сынъ Седикъ-муллы, 35 лѣтъ, Сартъ изъ г. Логу-чёна. занимается вышиваніемъ узоровъ и цвѣтковъ на кошелькахъ для денегъ, тюбетейкахъ и коврахъ.

6) Миръ-Апсамáръ эмиръ-абдъ-усъ-чамáръ) 32 лѣтъ, Сартъ изъ г. Кашгара, по профессіи мясникъ.

7) Фаттáхъ, Касимáнъ-оглы, Чала-Казакъ изъ г. Семипалатинска, по профессіи ямщикъ.

8) Шай-Ахмедъ, Хаттâхъ, Киргизъ, 16 лѣтъ, род. въ г. Чугучакѣ.

9) Шахъ-седикъ, Сартъ изъ г. Бâя, по профессіи нищій.

10) Эмиръ-ханъ, 32 лѣтъ, Узбекъ изъ г. Самарканда, кости Мангытъ, по профессіи купецъ.

II. Изъ вѣрованій я записалъ слѣдующія:

1) Затмѣніе луны. Затмѣніе переводится словомъ „кöйгени", т. е. горѣніе, сгараніе. По вѣрованію китайскихъ Сартовъ, затмѣніе луны приноситъ несчастіе Китайцамъ.

2) Молнія. Ангелы съ огненными стрѣлами и кнутами преслѣдуютъ дьявола, желающаго попасть на небо (Кит. Сарты).

3) Домашній козелъ. Въ образѣ домашняго козла является къ человѣку дьяволъ, если желаетъ обмануть его или истребить его овецъ. (Рус. Киргизы).

4) Затмѣніе солнца. Это явленіе приноситъ, по вѣрованію китайскихъ Сартовъ, несчастіе мусульманамъ. Оно происходитъ оттого, что солнце горитъ.

5) Лихорадка. Лихорадка есть старый злой духъ (джинъ), вселившійся въ человѣка. (Рус. Киргизы).

6) Вихрь. Вихрь есть вертящійся дьяволъ. Чтобы онъ не принесъ бѣды, надо отослать его въ юрту плѣшиваго человѣка. (Рус. Киргизы).

III. Изъ обрядовъ и обычаевъ мнѣ удалось описать со словъ туземцевъ слѣдующіе:

1) Обрѣзаніе и пиръ по случаю его.

2) Свадьба. У Турфанцевъ и Логучéнцевъ существуетъ предварительный уговоръ, а у Пичанцевъ невѣсту крадутъ безѣ всякаго уговора.

3) Нареченіе имени. Изъ собравшагося народа младенцу даетъ имя самый старшій мужчина. (Кит. Сарты).

4) Празднество въ день Наурузъ.

5) Погребеніе умершаго у богатыхъ и бѣдныхъ. (Кит. Сарты).

6) Празднество по случаю выпаденія перваго снѣга. (Кит. Сарты).

7) Присяга. У Логучéнцевъ и Лобъ-норскихъ обитателей существуетъ по 3 способа присяганія, между прочимъ шаганіе черезъ огонь и лизаніе ногтя и дула ружья.

8) Проклятіе. (Кит. Сарты).

9) Благословеніе. (Кит. Сарты).

10) Изгнаніе бѣса изъ человѣка, одержимаго имъ. (Кит. Сарты).

11) Призываніе добрыхъ духовъ въ мѣсяцъ Сафаръ и выпрашиваніе у нихъ счастья. (Кит. Сарты).

12) Погребеніе умершаго и поминки по немъ. (Рус. Кирг.).

13) Празднество въ мѣсяцъ Баратъ.

14) Праздникъ Сарâ. Этотъ праздникъ справляется мусульманами въ 16-й день III китайскаго мѣсяца. Въ этотъ день огонь разводятъ на дворѣ, а не въ домѣ.

IV. Объясненія собственныхъ и нарицательныхъ именъ записаны у меня слѣдующія:

1) Объясненія эпитетовъ 6 городовъ. Кашгаръ есть городъ высокихъ святыхъ, Яркендъ—старцевъ, Хотанъ—мучениковъ, Аксу—воиновъ за вѣру, Кучаръ—прозорливыхъ, Турфанъ—странниковъ.

2) Объясненія названій домашнихъ животныхъ у Турфанцевъ и Логучѐнцевъ.

3) Объясненія родственныхъ узъ вплоть до VI колѣна. (Кит. Сарты).

—

V. Пословицы записаны мною только со словъ Киргизовъ Тарбагатайскихъ. Онѣ—самаго разнообразнаго содержанія, на всѣ случаи обыденной жизни. Всѣхъ пословицъ мною записано 387.

VI. Загадки записаны только со словъ 1 Сарта, Кит. подданнаго. Всѣхъ загадокъ записано 3.

VII. Скорбныхъ пѣсенъ или причитаній записано мною только двѣ:

1) Пѣсня по умершемъ братѣ. 48 куплетовъ (192 стиха). Въ этой пѣснѣ восхваляется мужество умершаго, который не разъ нападалъ на китайскихъ Калмыковъ и не разъ уводилъ у нихъ женъ и дочерей. Умершій по отношенію къ своему народу отличался щедростью, а по отношенію къ „Джурджитамъ", т. е. Китайцамъ, храбростью и непобѣдимостью. (Рус. Киргизы)

2) Пѣсня по умершемъ мужѣ. Умершій былъ убитъ Китайцами и ограбленъ. Изъ пѣсни видно, что онъ отличался краснорѣчіемъ, щедростью и гостепріимствомъ. Ротъ его уподобляется лунѣ, глаза—солнцу, зубы—жемчугу, лицо—свѣту, рѣчь—сахару и губы—меду. Говорилъ онъ пословицами; 85 куплетовъ (340 стиховъ). (Рус. Киргизы).

VIII. Изъ обыкновенныхъ пѣсенъ я записалъ слѣдующія:

1 О взятіи Русскими Ташкента, Туркестана, Чимкента, Машата, Бухары, Самарканда, Хивы, Шурахана и Ургенча. Въ этой пѣснѣ прославляется геройство Головачева, Кауфмана и Черняева и порицается трусость Сартовъ, у которыхъ отъ страха передъ Русскими „по брюху, подобному большому ящику, лилъ рѣкою потъ". 11 куплетовъ (88 стиховъ). (Рус. Сарты).

2) О несправедливости Фанъ-галдая, бывшаго китайскаго уѣзднаго начальника въ г. Чугучакѣ. 6 стих. (Рус. Кирг.).

3) Пѣсня Худаяръ-хана. Въ этой пѣснѣ Худаяръ-ханъ плачется на свою судьбу, разставшись съ братомъ и 2 сыновьями и лишившись городовъ. 2 куплета (24 стиха). (Рус. Сарты).

4) Пѣсня Худаяръ-хана. Въ этой пѣснѣ Худаяръ-ханъ плачется на то, что лишился городовъ. 26 стих. (Рус. Сарты).

5) Объ Азимъ-баѣ, Гумаръ-біѣ и Джолаѣ, управлявшихъ въ разное время Чугучакомъ, будучи старшинами Азимъ-бай отличался самоуправствомъ Гумаръ-бій—длиннымъ носомъ и Джолай—мудростью. 12 стих. (Рус. Кирг.).

6) Пѣсни о Мамутъ-ханѣ. Онъ во время Якубъ-бека управлялъ Артюшемъ и по смерти его былъ сосланъ въ г. Урумчи, гдѣ живетъ и по настоящее время.

Въ пѣсняхъ говорится о томъ, какъ Мамутъ-ханъ лишился 180.000 рублей, которыми завладѣлъ его слуга Гасанъ-бай, какъ Мамутъ-ханъ былъ арестованъ и сосланъ. Всего въ 3 пѣсняхъ 15 куплетовъ (60 стиховъ). (Кит. Сарты).

7) Пѣсня торгующаго проволокою. Въ этой пѣснѣ восхваляется проволока. Изъ нея можно сдѣлать и иголку, и удочку, и даже кнутъ. 4 куплета (40 стих.). (Рус. Сарты).

8) Пѣсня саркастическаго содержанія. О паршивомъ пастухѣ и пастушкѣ. 2 куплета (14 стих.) (Кит. Сарты).

9) Пѣсни саркастическаго содержанія о Сартахъ и ихъ ослахъ. (Рус. Кирг.).

10) Пѣсни эротическ. содержанія. 4 пѣсни (148 стих.). (Рус. Кирг. и Кит. Сарт.). Изъ нихъ одна пѣсня книжнаго происхожденія.

11) Пѣсни объ Якубъ-бекѣ. Въ одной пѣснѣ (10 куплет.) говорится объ отравленіи его Ніязъ-бекомъ хотанскимъ. Въ другой пѣснѣ говорится о сыновьяхъ и солдатахъ Якубъ-бека, попавшихъ въ руки китайскихъ военачальниковъ. (Кит. Сарты).

12) Дѣтскія пѣсни, распѣваемыя въ мѣсяцъ Рамазанъ. За эти пѣсни подаютъ муки, лепешекъ и денегъ. Въ 2 пѣсняхъ 86 стиховъ. (Кит. Сарты).

13) О Хамійской дорогѣ и дѣвицѣ. 5 куплетовъ (20 стих.). (Кит. Сарты).

14) Пѣсня, обращенная къ пророку. 2 куплета (8 стих.). (Кит. Сарты)

IX. Изъ сказокъ записаны мною со словъ Логучёнскихъ и Турфанскихъ Сартовъ слѣдующія:

1) О кукушкахъ и воронѣ. Кукушки были прежде влюбленные царевичъ и царевна, а воронъ—богатырь, желавшій разлучить ихъ.

2) О пташкахъ. Пташки прежде желали поймать кобчика, но не могли и не могутъ до сихъ поръ.

3) О курицѣ и собакѣ. Курица и собака жили у скупаго человѣка, знавшаго языкъ домашнихъ животныхъ, и никогда не были сыты.

4) О двухъ царевичахъ. Эти царевичи-богатыри были мусульмане. Они взяли въ плѣнъ одного невѣрнаго царя. Войско ихъ было непобѣдимое. Сами они спали по 40 сутокъ. Кони ихъ были изъ Ургенча, а мечи изъ Испагани. Эти кони ѣли на остановкахъ по 7 фунтовъ сала, а травы не ѣли вовсе. Въ 1 день дѣлали по 7 станцій. Мечи были длиною по 7 аршинъ. Царевичи не спали по 40 сутокъ.

5) О всемогущемъ перстнѣ. Этотъ перстень подарилъ бѣдному юношѣ змѣиный царь за то, что юноша исцѣлилъ сына змѣинаго царя.

6) О двухъ юношахъ и одномъ старикѣ. Они шли на поклоненіе въ Мекку и Медину и заключили условіе: кто не сумѣетъ сказать сказки, тотъ долженъ нести на себѣ остальныхъ двоихъ. Юноши сказали по 1 сказкѣ, а старикъ не могъ. Затѣмъ старика выручила изъ бѣды одна царевна, которая разсказала юношамъ о своихъ похожденіяхъ.

7) О муравьѣ и собакѣ. Они не разъ выручали изъ бѣды юношу, который выкормилъ ихъ.

8) О зайцѣ. Тигръ, сдѣлавшись надъ звѣрями царемъ, съѣдалъ каждый день одно животное. Изъ бѣды выручилъ ихъ заяцъ, который толкнулъ тигра въ глубокій колодецъ.

9) О золотой курицѣ. Она несла золотыя яйца и сдѣлала бѣднякогъ богатыми.

10) О благочестивомъ Менанъ-дэханѣ. Онъ ни разу не обидѣлъ человѣка ни словомъ, ни дѣломъ. Этимъ-же отличался и сынъ его, прозванный великимъ имамомъ.

11) О лисицѣ и волкѣ. Лисица, подружившись съ волкомъ, обманула его нѣсколько разъ и погубила.

12) О лисицѣ. Лисица попросилась къ одной старухѣ въ сыновья и поѣла у нея фрукты.

13) О правдивомъ и лживомъ человѣкахъ. Въ теченіе жизни первый терпѣлъ всегда неудачу, зато въ концѣ концевъ сдѣлался царемъ; второй, живя неправдою, былъ всегда счастливъ, зато въ концѣ концевъ былъ задушенъ нечистыми духами.

14) О сорока человѣкахъ. Изъ нихъ 1 сдѣлался богатымъ, слетавши верхомъ на бѣлой птицѣ къ золотой горѣ, а остальные не долетѣли и пали на землю.

15) О двухъ человѣкахъ, умѣвшихъ превращаться въ птицъ, домашнихъ животныхъ и цвѣтки.

16) О цѣлебной водѣ. Одна царевна, имѣвшая волосы длиною въ 40 аршинъ, была влюблена въ одного юношу, но не могла съ нимъ соединиться; зато была похоронена съ нимъ рядомъ. Подлѣ ихъ могилы сталъ протекать цѣлебный источникъ. Стоитъ только въ немъ помыться, какъ выростутъ волосы и борода. Этотъ источникъ называется Янгысаръ и находится между городами Кучаромъ и Курлею.

17) О царевичѣ-пасынкѣ. Онъ съ помощью птицы Сумуркъ (Сурмукъ) досталъ изъ Кӧй-Капъ говорящаго соловья. Голова у этого соловья—изумрудъ, крылья—яхонтъ, ноги—драгоцѣнные камни. Птицу Сумуркъ можно сравнить съ монгол. Гаруда и персид. Симургъ. Горы Кӧй-Капъ находятся на краю земли, гдѣ восходитъ солнце. Тамъ же живутъ и всѣ добрые духи (пери).

18) О двухъ царевичахъ, служившихъ у иноземнаго царя. Они спасли царю жизнь отъ большаго змѣя и за это получили двухъ царевенъ, деньги и войско

X. Изъ разсказовъ со словъ турфанскихъ и логучёнскихъ Сартовъ и русскихъ Киргизовъ записаны мною слѣдующія:

1) Объ играхъ юношей и дѣвицъ въ III мусульманскій мѣсяцъ (прятаніе пояса).

2) О справедливости Якубъ-бека. Якубъ-бекъ казнилъ солдата за то, что тотъ не заплатилъ старухѣ за выпитый у нея айранъ.

3) О фруктахъ, растущихъ въ гг. Турфанѣ и Логучёнѣ.

4) О семи спящихъ юношахъ, почивающихъ въ Турфанскомъ округѣ. По другому варіанту было 3 отрока и 1 собака, по имени Костмыръ.

5) О прививаніи оспы. Въ послѣднее время Китайцы стали прививать натуральную оспу, собирая струпья заболѣвшихъ и превращая ихъ въ порошокъ, 1/2 умираетъ.

6) О справедливости Якубъ-бека. Якубъ-бекъ, отличаясь справедливостью, казнилъ своего сына за то, что тотъ не заплатилъ старухѣ за 1 съѣденный у нея пельмень.

7) О справедливости Кӯ-далоя. Начальникъ Кӯ управлялъ семь лѣтъ тому назадъ Турфаномъ. За присвоеніе чужой курицы онъ присудилъ виноватому 500 ударовъ палками и 5 мѣсяцевъ велѣлъ носить на шеѣ толстую доску.

8) О путяхъ изъ Турфана въ Логучёнъ.

9) О султанѣ Мамутъ-ванѣ. Этотъ мусульманскій губернаторъ (ванъ), седьмой по времени, и по нынѣ живъ, имѣя отъ роду 25 лѣтъ. Онъ сдѣлался ваномъ тотчасъ послѣ усмиренія возстанія.

10) О паденіи царства Якубъ-бека. Сначала взбунтовалось его войско, состоявшее изъ русскихъ и китайскихъ подданныхъ; потомъ отравилъ его въ 1875 году Ніязъ-ака, хотанскій-бекъ, и наконецъ, пришли Китайцы, которые перебили отдѣльныя части войска Якубъ-бека.

11) Объ ежѣ. Ежъ отличается смѣтливостью: онъ трясётъ вѣтки персиковаго дерева, — персики падаютъ на землю, и ежъ начинаетъ кататься по землѣ до тѣхъ

поръ, пока не натычетъ на свои иглы побольше персиковъ; затѣмъ онъ уходитъ въ свою нору.

12) О Дунганскомъ возстанiи въ 1864 году. Оно потухло потому, что каждый хотѣлъ командовать отдѣльно отъ другаго, и въ такомъ положенiи Китайцы завладѣли всѣми легко.

13) О справедливости Якубъ-бека. Онъ казнилъ своего сына за то, что тотъ полѣнился самъ нести ружье, а вручилъ его слугѣ.

14) О Логучéнскихъ святыхъ Сейдъ-Ваккáсѣ и Мукпулъ-Тирендáзѣ. Послѣднiй изъ нихъ былъ и въ Пекинѣ.

15) О происхожденiи обезьяны. Обезьяна была красильщикомъ. За ложное свидѣтельское показанiе Богъ сдѣлалъ красильщика обезьяною.

16) О злыхъ духахъ. Злые духи являются человѣку въ образѣ дѣвицъ, домашнихъ животныхъ, вѣтра, вихря и легкихъ, плывущихъ по водѣ. (рус. Кирг.).

17) О пыткахъ. Китайцы, допрашивая воровъ и человѣкоубiйцъ, подвергаютъ ихъ самымъ разнообразнымъ пыткамъ: ставятъ голаго въ накаленную желѣзную клѣтку, вводятъ длинную иголку подъ ногти, разрѣзываютъ кожу и солятъ её, сжимаютъ голову тисками и пр.

XI. О монетахъ времени Якубъ-бека мнѣ удалось узнать только слѣдующее:

Монеты чеканились въ Кашгарѣ, Аксу, Яркендѣ и Кучарѣ (только мѣдныя). Серебряная монета чеканилась только въ Кашгарѣ. На кучарскихъ монетахъ попадается (на одной сторонѣ) и китайская надпись. Я встрѣчалъ кучарскiя монеты съ мусульманскою надписью на обѣихъ сторонахъ. По серединѣ мѣдныхъ монетъ отверстiе, какъ и у китайскихъ монетъ. На мѣдныхъ монетахъ Кучáръ называется «дáри салтанáтъ», т. е. столица.

Съ 24 февр. по 14 августа с. г., разсказщикамъ я далъ за сообщенiя: деньгами 7 руб. 45 коп. и вещами 9 руб. 48 коп. Всего 16 руб. 93 коп.

Представляя изложенное въ семъ письмѣ на усмотрѣнiе Вашего Превосходительства, честь имѣю быть Вашимъ покорнымъ слугою Н. Ѳ. Катановъ,

членъ-сотр. И. Р. Г. Общества.

15 Августа 1891 г.
Г. Чугучакъ.
(Кит. Имп.)

Его Превосходительству,

Господину Вице-Предсѣдателю Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Въ дополненiе къ тому, что я писалъ Вашему Превосходительству въ письмѣ отъ 15 Августа с. г., честь имѣю изложить въ этомъ письмѣ краткiй отчетъ о своей дѣятельности за время съ 15 Августа по 15 Октября с. г. За этотъ промежутокъ времени я изслѣдовалъ главнымъ образомъ нарѣчiя китайскихъ Сартовъ и въ свободное время нарѣчiе китайскихъ Киргизовъ. У послѣднихъ я записалъ только 1 разсказъ и 3 народныя примѣты. У Сартовъ я записалъ памятниковъ народнаго творчества 1,449 стр. in 2° (съ писанными до 15 Августа), а именно: разсказовъ 9, сказокъ 41, толкованiй сновъ 33, пословицъ 14, обычаевъ 5, преданiй 1, загадокъ 8, пѣсенъ 2 и басенъ 1. Разсказщиковъ за эти 2 мѣсяца было у меня 3 человѣка: 1) Логучéнецъ Мюжюпъ-ахунъ (Межитъ-ахунъ), по профессiи вышивальщикъ, о которомъ я писалъ Вашему Превосходительству въ предыдущемъ письмѣ. 2) Киргизъ кости Бура-Наймáнъ Джунусъ, Иткары оглы, 43 лѣтъ, бывшiй мелкiй торговецъ. 3) Аксуецъ

Ніязъ-ахунъ, Токташъ-бай оглы, 30 лѣтъ, по профессіи цирюльникъ. Разсказчикамъ за время съ 15 Августа по 15 Октября я заплатилъ: вещами 1 руб. 89 коп. и деньгами русскими и китайскими 21 руб. 96½ коп.

Содержаніе моихъ записей слѣдующее:

I. Разсказы:

1) О Малутъ-ханѣ, правившемъ Артюшемъ во время Якубъ-бека.
2) О Лобъ-норѣ и его обитателяхъ, питающихся рыбою.
3) О Китайскихъ тюрьмахъ, преступникахъ, сажаемыхъ въ нихъ, и разныхъ видахъ пытокъ.
4) О пантерѣ, которая своею мочею можетъ сжигать деревья и траву.
5) О болѣзняхъ Турфанцевъ и разныхъ видахъ прелюбодѣянія.
6) О турфанскихъ публичныхъ женщинахъ и ихъ болѣзняхъ.
7) О кучарскихъ правителяхъ, выпускавшихъ мѣдную монету.
8) О китайскихъ и туземныхъ чиновникахъ и объ отправленіи государственныхъ повинностей. Туземные чиновники: доргá—податной инспекторъ, мирáпъ—начальникъ арыковъ и колодцевъ, акъ-сакáлъ — распредѣлитель участковъ земли, два Кобукчи—слуги дорги, онъ-беши — непосредственные подчиненные мирáпа и акъ-сакáла. Всѣ эти чиновники подчинены высшимъ китайскимъ властямъ и логучéнскому вану. Народъ страдаетъ отъ массы поборовъ, налагаемыхъ этими чиновниками, и ищетъ заработковъ внѣ родины.
9) О крикѣ осла, происходящемъ оттого, что пугаетъ осла дьяволъ.
10) О рекрутской повинности у Турфанцевъ, которые отправляютъ ее въ возрастѣ 20—27 лѣтъ. (Къ. № 8).
11) О Лобъ-норѣ и обычаяхъ его обитателей, управляемыхъ беками подъ контролемъ турфанскаго уѣзднаго начальника и логучéнскаго вана. (Къ № 2).

II. Сказки.

1) О царѣ Искендéрѣ, имѣвшемъ рога (т. е. объ Александрѣ Македонскомъ).
2) Объ одномъ купцѣ и его сынѣ, освободившемъ изъ ящика одной старухи дочь змѣинаго царя. За эту услугу змѣиный царь подарилъ ему птицу Мулла Аппáнъ, съ помощью которой купеческій сынъ разбогатѣлъ и женился на царевнѣ.
3) Объ одномъ купцѣ, который, влюбившись въ царскую дочь, былъ однажды пойманъ и посаженъ въ темницу, гдѣ едва не погибъ; выручила его изъ бѣды хитрая его жена—старуха.
4) О писарѣ и каменьщикѣ, помогавшихъ другъ другу деньгами. Въ концѣ концовъ писарь былъ ограбленъ своимъ товарищемъ и зарытъ въ пескѣ. Писарь по совѣту тигра, лисицы и пантеры вылѣчилъ дочь одного царя, женился на ней и сдѣлался затѣмъ царемъ.
5) О дневномъ и ночномъ ворахъ, умѣвшихъ искусно воровать.
6) О трехъ бѣдныхъ братьяхъ, разбогатѣвшихъ только хитростью самаго младшаго брата.
7) Объ одномъ юношѣ, искавшемъ по совѣту матери своего отца, отправившагося на заработки изъ Ань-си въ Турфанъ, и нашедшемъ только его кости.
8) О богатырѣ Ханджáрѣ и девяти дуракахъ. Богатырь Ханджáръ нѣсколько разъ обманулъ дураковъ, сходилъ въ подземное царство, стрѣлялъ тамъ изъ роговаго лука Искендéра (Александра Македонскаго) и досталъ оттуда красавицу, дочь одного изъ подземныхъ царей, царства которыхъ освѣщаются особою луною и особымъ солнцемъ.
9) Объ одномъ купеческомъ сынѣ, у котораго воры украли приданое и который поэтому съ трудомъ женился на дочери одного турфанскаго купца. Воръ, Китаецъ Питáнъ, былъ пойманъ въ Урумчи.

10) Объ одномъ царѣ, который назначилъ визирями и казначеемъ трехъ воровъ, говорившихъ по чистой правдѣ.

11) О царевичѣ Абдуррахманѣ, научившемся всякимъ плутнямъ.

12) О царевнѣ, влюбившейся въ паршиваго юношу, умѣвшаго варить пиво.

13) О царевнѣ Хунризъ, которая погубила многихъ царевичей, искавшихъ ея руки, но не могшихъ отвѣтить на ея вопросы. Она вышла за-мужъ за паршиваго юношу, которому помогъ пророкъ Илья (Хизри).

14) Объ одномъ паршивомъ юношѣ, который открылъ измѣну со стороны своей мачехи по отношенію къ отцу и который, благодаря волшебной золотой пикѣ пророка Иліи, устраивалъ диковинныя вещи съ лицами, державшими сторону мачехи.

15) Объ одномъ остроумномъ работникѣ, который своему знакомому доказалъ измѣну жены его.

16) О трехъ умныхъ человѣкахъ, отгадывавшихъ многое.

17) Объ одномъ глупомъ царевичѣ и визирѣ его отца. Царевичу измѣнила жена, которую свела съ пути одна старуха. Визирь служилъ царевичу по чистой правдѣ. Если-бы не визирь, то царевича могли-бы извести.

18) Объ одномъ ходжѣ, занимавшемся 7 лѣтъ торговлею въ чужихъ странахъ, и женѣ его, которая въ теченіе этого времени оставалась ему вѣрною.

19) О царѣ, имѣвшемъ 40 женъ, изъ которыхъ 39 не рождали, а 1 родила богатырей, мальчика и дѣвочку, которыхъ, по приказанію пророка Иліи, кормила коза въ саду, перенесенномъ сюда, къ мальчику и дѣвочкѣ, съ края свѣта.

20) Объ одномъ царевичѣ, который, искусно воруя, прожилъ счастливо 40 лѣтъ.

21) Объ одномъ царѣ и трехъ его сыновьяхъ, изъ которыхъ самый младшій, оказавшійся умнѣе и сильнѣе старшихъ, убилъ даже семиглавую вѣдьму, которая съѣла его братьевъ, не послушавшихся отца. Этотъ младшій братъ владѣлъ волшебнымъ перстнемъ, подареннымъ змѣинымъ царемъ, и сдѣлалъ своими слугами двухъ злыхъ духовъ (дивовъ).

22) Объ одномъ царѣ и трехъ его сыновьяхъ, изъ которыхъ самый младшій женился по волѣ Божіей на лягушкѣ. Лягушка оказалась чародѣйкою, дочерью пери (ангела красоты) Съ помощью этой чародѣйки младшій сынъ царя вступилъ на престолъ.

23) О суфи Хемтѐкѣ, подружившемся съ лисицей. Лисица поѣла у него джигду и въ уплату за это наградила его богатствомъ, сдѣлала царемъ и погубила семиглавую вѣдьму, не дававшую никому прохода.

24) Объ одномъ царѣ и его визирѣ, который такъ искусно игралъ на инструментѣ, что загоралась огнемъ вата. Царю и визирю измѣнили жены, вслѣдствіе чего они оставили все и пошли по міру.

25) Объ одномъ царѣ, женившемся на дочери пери (ангела добра и красоты). Эта дочь пери измѣнила мужу ради подземныхъ дивовъ (злыхъ духовъ) и сама погибла отъ руки его. У этого царя было 2 коня, которые въ одну ночь пролетали годовое разстояніе.

26) Объ одной царевнѣ и одномъ царевичѣ, которые видѣлись впервые во снѣ и влюбились другъ въ друга. Оба они, испытавъ массу огорченій и приключеній, въ концѣ всего соединились и стали управлять царствомъ отца царевны.

27) Объ ученомъ ахунѣ и собесѣдникѣ его муллѣ Зендинѣ. Не смотря на свою ученость, ахунъ не умѣлъ правильно выражаться, вслѣдствіе чего мулла Зендинъ исполнялъ его порученія не въ надлежащемъ видѣ, такъ напр.: ахунъ велитъ привязать коня повыше, и мулла Зендинъ, спутавши коню ноги, привязываетъ его арканомъ высоко на столбъ такъ, что конь чуть не издыхаетъ.

28) Объ одномъ царѣ, имѣвшемъ 40 сыновей, изъ которыхъ самый младшій оказался умнѣе и сильнѣе всѣхъ остальныхъ. У этого царя было 40 комнатъ, наполненныхъ сокровищами и диковинными вещами. Въ 41-й комнатѣ была золотая бабка, подарённая царю въ дѣтствѣ пророкомъ Ильею. Царь подарилъ эту

бабку самому младшему изъ сыновей, который съ помощью ея преодолѣваетъ всякія препятствія. Этою бабкою овладѣла однажды семиглавая вѣдьма, но младшій сынъ царя отнялъ у нея бабку и её самоё убилъ. Душа вѣдьмы была спрятана въ попугаѣ.

29) Объ одномъ обѣднѣвшемъ царевичѣ, который убилъ семиглавую вѣдьму, питавшуюся людьми, и, овладѣвши ея сокровищами, разбогатѣлъ и сдѣлался царемъ въ Іѐменѣ. Во многихъ случаяхъ выручаютъ его изъ бѣды крысы, которымъ онъ подарилъ свою землю, и призываніе имени Божія.

30) Объ одномъ царѣ, не вѣрившемъ предсказаніямъ Корана, который сказалъ, что сынъ его проживётъ только 15 лѣтъ. Слова Корана сбылись, и царь раскаялся.

31) Объ одномъ бѣднякѣ, который имѣлъ трехъ сыновей и одну кобылу, рождавшую каждую ночь по золотому жеребенку. Самый младшій сынъ оказался умнѣе и сильнѣе старшихъ. Въ концѣ концевъ онъ убилъ братьевъ, измѣнившихъ ему, и самъ сдѣлался царемъ.

32) О царѣ Адилѣ, считавшемся справедливымъ. Этотъ царь влюбился въ дочь своего визиря и хотѣлъ соединиться съ нею безъ вѣдома отца, но она убѣжала отъ него. Царь сталъ преслѣдовать её, чтобы убить, но въ концѣ концовъ самъ погибаетъ отъ руки Египетскаго царя, державшаго сторону оскорбленной дочери визиря.

33) Объ одномъ царевичѣ и трехъ царевнахъ. Царевичъ, исполняя завѣщаніе отца, отдалъ своихъ сестеръ тремъ неизвѣстнымъ старцамъ. За исполненіе родительскаго приказанія пророкъ Илья подарилъ ему жемчужную книжку, съ помощью которой царевичъ превратилъ все въ золото. Царевичъ женился на одной царевнѣ, которая украдываетъ жемчужную книгу и скрывается съ любовникомъ. Пророкъ Илья опять выручаетъ его изъ бѣды: находитъ жемчужную книжку и наказываетъ виновныхъ.

34) О комарѣ, мухѣ и лягушкѣ, погубившихъ общими силами слона.

35) Объ одномъ святомъ юношѣ, который былъ украденъ въ Аркендѣ Каракиргизами и увезенъ въ Бадахшанъ, откуда онъ вернулся на плотѣ по Аркендъ-дарьѣ съ кучами золота.

36) О богатырѣ, почевавшемъ однажды въ башнѣ, гдѣ останавливались для отдыха злые духи.

37) О пророкѣ Мухаммедѣ и халифѣ Али, который обращалъ въ мусульманство иновѣрцевъ, поражая ихъ обоюдоострымъ мечемъ «Зуль-фикàромъ», подареннымъ Алію тестемъ его, пророкомъ Мухаммедомъ.

38) О слѣпомъ богачѣ и добромъ сынѣ его, выкупившемъ одного полумёртваго должника. Душа этого должника явилась къ вышеупомянутому юношѣ въ образѣ раба Абдулъ-Вели, который, сопутствуя своему хозяйскому сыну, убилъ семиглавую вѣдьму, завладѣлъ ея богатствами, подарилъ ихъ хозяйскому сыну, благополучно вернулся съ нимъ на родину и самого хозяина сдѣлалъ зрячимъ, потёрши его глаза глазами собаки, принадлежавшей убитой вѣдьмѣ.

39) Объ юношѣ Ферхàдѣ и дѣвицѣ Ширинъ, царскихъ дѣтяхъ, влюбившихся другъ въ друга и не могшихъ соединиться въ этой жизни, такъ какъ препятствіемъ этому служилъ одинъ царскій слуга, желавшій жениться на царевнѣ за то, что помогъ отцу ея побѣдить непріятеля. Ферхàдъ увидѣлъ дѣвицу Ширинъ въ одномъ волшебномъ зеркалѣ, которое могло показывать всякую вещь, находящуюся даже за полъ-года пути.

40) Объ одномъ бѣднякѣ, обманувшемъ злыхъ духовъ и доставшемъ у нихъ много золота.

41) О трехъ друзьяхъ: паршивомъ, соплявомъ и имѣвшемъ на глазахъ гной, составившихъ одно четверостишіе и получившихъ за него отъ царя деньги.

III. Толкованіе снов̃ъ.

Для примѣра привожу только нѣкоторыя изъ толкованій сновъ:

1) Кто во снѣ идётъ по песку, значитъ тотъ отправится въ дальнюю дорогу.

2) Кто во снѣ ѣдетъ верхомъ на ослѣ, значитъ жизнь того человѣка будетъ счастливая.

3) На кого во снѣ льётъ дождь, тотъ будетъ счастливъ.

4) Кто во снѣ увидитъ Китайца, значитъ тотъ увидитъ себѣ отъ людей уваженіе и почтеніе.

IV. Пословицы.

Для примѣра я беру наиболѣе замѣчательныя пословицы:

1) Рукава у женщины — длинны,
Умъ у женщины — коротокъ.

2) Собака оказываетъ вѣрность,
Женщина — измѣну.

V. Обычаи.

Изъ обычаевъ сартскихъ я записалъ подробно слѣдующіе:

1) Пять родовъ гаданья: открываніе корана; наливаніе въ чашку воды и накладываніе на воду кусочковъ ваты; сжиганіе бараньей лопатки; призываніе духовъ добра; раскладываніе камешковъ. Гаданіе по бараньей лопаткѣ о потерянномъ сходно съ гаданіемъ такимъ-же у минусинскихъ Татаръ, а раскладываніе камешковъ сходно съ раскладываніемъ зеренъ овечьяго помета и горошинъ у семирѣченскихъ Киргизъ-казаковъ.

2) Обычай китайскихъ генераловъ оставлять свои калоши на память тому городу, гдѣ они никого не казнили.

3) Описаніе платья, одежды и обуви у турфанскихъ мужчинъ и женщинъ. Въ добавленіе къ этому снято 12 рисунковъ съ узоровъ и цвѣтовъ, вышиваемыхъ на полотенцахъ, кошелькахъ для денегъ и подушкахъ.

4) Обычай встрѣчи царской бумаги китайскими чиновниками.

У киргизовъ я записалъ только одинъ обычай:

5) Леченіе бѣшенства (собираніе пищи изъ 40 юртъ и кусаніе зубами ушковъ котла въ 40 юртахъ).

VI Преданія.

Преданій я записалъ только одно:

Преданіе о лисицѣ. Лисица была человѣкомъ, который сбивалъ многихъ съ пути и который за это однимъ святымъ былъ превращенъ въ звѣря.

VII. Загадки.

Загадываются между прочимъ слѣдующіе предметы:

Яйцо. Зубы. Глаза. Рѣсницы. Ночникъ. Человѣческое тѣло. Рѣдька. Трубка. Сѣдло,

VIII. Пѣсни.

Пѣсни, какъ и всѣ стихи, пишутся и складываются устно размѣромъ двойнаго ямба въ каждомъ полустишіи и поются куплетами по 4 стиха въ каждомъ. Этотъ самый размѣръ я нашелъ и у другихъ племенъ: у семирѣченскихъ Киргизовъ (только въ причитаніяхъ), минусинскихъ Татаръ, Карагасовъ Иркут. губ. и Урянхайцевъ Сѣверной Монголіи.

1) Слова, которыми дразнятъ паршивыхъ (2 куплета=8 стиховъ).

2) Пѣсня о Мамутъ-ханѣ (5 куплетовъ=20 стиховъ.

Много сартскихъ пѣсенъ я записалъ въ лѣто 1890 года, вслѣдствіе чего я обращаю теперь вниманіе на другіе памятники народнаго творчества.

IX. Басни.

Изъ басенъ я записалъ только одну:

Басня. О дружбѣ лягушкѣ съ гусемъ. Гуси понесли лягушку къ себѣ на родину, но лягушка не выдержала дальняго пути, утомилась и околѣла. Мораль басни: «Не равняй себя съ сильнымъ»!

Кромѣ вышеприведенныхъ записей въ свободное время я занимался (съ 7-го октября по 15 окт. с. г.) изслѣдованіемъ Китайскаго закона, писаннаго для Западнаго Китая, населеннаго Китайцами и Сартами. Этотъ экземпляръ я получилъ для чтенія у Чугучакскаго Имамъ-Кари Курба̀нъ-Алія, который купилъ его нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ гор. Урумчи. Вся книга литографирована по-китайски и по-сартски, именно на чистомъ кашгарскомъ нарѣчіи, и содержитъ 266 стран. in 4°. Въ этой книгѣ люди государства распредѣляются на пять разрядовъ. Къ первому разряду принадлежитъ царь съ чиновниками старшими и младшими, ко второму — родители съ дѣтьми, къ третьему—мужья съ женами, къ четвертому—ближайшіе родственники и къ пятому—друзья. Самымъ главнымъ разрядомъ считается первый и самымъ низшимъ — пятый. Соотвѣтственно этимъ пяти разрядамъ распредѣляются и самыя наказанія за преступленія. Обыкновенными наказаніями считаются удары пала̀комъ, или бамбуковою палкою, ссылка на опредѣленное число лѣтъ и заключеніе въ тюрьму. Вору, попавшемуся въ первый разъ, на правую руку прикладывается печать со словами «это — воръ!»; попавшемуся во второй разъ то же самое прикладывается и на лѣвую руку (соб. запястье руки). Надо полагать, что печать — желѣзная, накаливаемая до-красна по словамъ Сартовъ).

Въ дневникѣ, который я имѣю представить Обществу на благоусмотрѣніе, будутъ помѣщены безъ исключенія всѣ записи, рисунки и полный переводъ вышеупомянутаго закона. Что же касается серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, чеканенныхъ въ китайскомъ Туркестанѣ, то объ нихъ я могу сказать Вашему Превосходительству на основаніи собранныхъ мною свѣдѣній слѣдующее:

1) Серебряныя монеты чеканились въ городахъ: Кашгарѣ, Яркендѣ, Аксу, Янси-Хиса̀рѣ и Хота̀нѣ. Года встрѣчались мнѣ на этихъ монетахъ: 1290 (=1873)—1299 (=1882). Надписи на монетахъ сартскія, манжурскія и китайскія. Стоимость этой монеты, называемой у Китайцевъ «янъ-чанъ», а у Сартовъ «тенгé», равняется 10 копѣйкамъ.

2) Мѣдныя монеты чеканились въ городахъ: Куча̀рѣ, Аксу и Аркендѣ. Года по-сартски не значится. Надписи на этого рода монетахъ, называемыхъ у Китайцевъ «хунъ-чанъ» (красныя деньги), а у Сартовъ «ярмакъ», встрѣчаются манжурскія, китайскія и сартскія. Мѣдь—жёлтая. Стоимость равняется ½ копѣйки.

Фотографическихъ снимковъ съ типовъ сдѣлано для меня фотографомъ И. Ф. Толщинымъ 70 экз.

Пекинская бумага, которой я не могу дождаться съ мая этого года и о которой я честь имѣлъ писать Вашему Превосходительству въ предыдущемъ письмѣ, пришла не къ Дурбульджинскому хебей-амбаню, какъ я писалъ Вамъ по слухамъ раньше, а къ Илійскому цзянь-цзюню, о чемъ телеграфировалъ сюда г. управляющій Кульджинскимъ русскимъ консульствомъ Борнеманнъ 12-го сентября с. г. Скоро-ли я получу желанную Пекинскую бумагу съ разрѣшеніемъ на проѣздъ въ Хамійскій оазисъ и обратно черезъ Турфанъ въ Кульджу, не могу знать, такъ какъ здѣшніе Китайцы только что недавно начали вести обо мнѣ переписку съ Илійскими. Во всякомъ слу-

чаѣ я не теряю надежды попасть въ эту зиму въ Хами, хотя средствъ остается уже немного.

По окончаніи этого путешествія въ Хами, я намѣренъ до 1-го іюля 1892 года покончить со всѣми изслѣдованіями въ Вост. Сибири и затѣмъ возвратиться въ Петербургъ. Такъ какъ весною слѣдующаго 1892 года я предполагаю подробно изслѣдовать шаманскія вѣрованія Бельтировъ, Сагайцевъ и Качинцевъ Минус. окр. Енис. губ., то обращаюсь къ содѣйствію Вашего Превосходительства похлопотать мнѣ отъ Общества на путешествіе по Сибири съ цѣлью изслѣдованія шаманизма минусинскихъ Татаръ триста рублей (300 рублей). Если не изслѣдую за одинъ разъ и шаманизма, то въ моихъ изысканіяхъ будетъ огромный пробѣлъ, пополнить который теперь весьма легко.

О высылкѣ этихъ трехсотъ рублей я напищу Обществу тотчасъ по выѣздѣ изъ Китая; до того же времени прошу только ассигновать и имѣть въ виду мою поѣздку въ Минусинскій округъ.

Засимъ честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнымъ слугою и почитателемъ. Чл.-сотр. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Н. Ѳ. Катановъ.

Китайскій гор. Біяръ (Чугучакъ).
19 октября 1891 года.

Бурятская легенда объ озерѣ Бальдзи.

Озеро Бальдзи или Бальдзинское находится въ южной части Забайкалья, въ Читинскомъ округѣ, въ вершинахъ р. Туры. Первое сообщеніе объ этой легендѣ сдѣлалъ покойный сибирскій археологъ Н. Поповъ въ своей статьѣ «О древнихъ могилахъ близь деревни Бальцзы», помѣщенной въ «Извѣстіяхъ» Восточносибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Географ. Общества, т. VIII, №№ 3—4, стр. 112—113. По словамъ Попова, озеро по бурятски называется Балъчжина-амутъ или омотъ. Тутъ до ста древнихъ могилъ, о происхожденіи которыхъ есть слѣдующая легенда: монгольская княгиня Бальчжи, сдружившись съ однимъ простымъ Монголомъ, бѣжала изъ Монголіи на сѣверъ въ эти мѣста. За ними гнались, догнали здѣсь у озера и убили княгиню; у княгини отсѣкли груди и бросили въ озеро, отчего оно и прозвалось Бальчжина-омотъ. Гнавшимся понравилось это мѣсто, и они поселились тутъ. Но появленіе бѣлой березы было знаменіемъ, что придутъ бѣлые люди и покорятъ ихъ подъ бѣлаго царя; не желая ему покориться, они заживо себя похоронили въ тѣхъ могилахъ, которыя разсѣяны вокругъ озера. Въ примѣчаніи Поповъ даетъ свое объясненіе второй половинѣ названія озера; омотъ, по его мнѣнію, произошло отъ манджурскаго омо, «озеро» или отъ монгольскаго аму, «почечный жиръ», которое въ переносномъ смыслѣ можетъ значить «груди», думалъ Поповъ.

Позднѣе эта легенда была записана и напечатана г. Позднѣевымъ, а послѣ него появилась новая запись въ Иркутскихъ епарх. вѣдомостяхъ 1884 г., № 45, стр. 507—508.

Г. Позднѣевъ помѣстилъ свой варіантъ въ своей книгѣ: «Образцы народн. литературы монгол. племенъ», в. 1, Спб., 1880, на стр. 188—189. Приводимъ его въ сокращеніи. Въ странѣ Баргу-Монголовъ жилъ солонгутскій Боobай-батуръ-бэйлэ-ханъ женивъ своего сына Дайхунъ-тайчжія на княжнѣ Бальчжинѣ, онъ получилъ за ней въ приданое одиннадцать родовъ Хоринцевъ, и Хоринцы стали данниками Дайхунъ-тайчжія (Дай-хунъ тайчжи). Бообай-батуръ-бэйлэ не былъ ханомъ, а только бэйлэ, но онъ нашелъ мѣдное ружье; когда сообщили о томъ Хухэнъ-хутухтѣ, хутухта сказалъ, что Бообай-батуръ-бэйлэ будетъ ханомъ; такъ за нимъ это званіе и утвердилось. Когда Бообай-батуръ-бэйлэ сталъ старикомъ, онъ овдовѣлъ, но вновь женился. Молодая жена его завела связь съ пасынкомъ и стала не ладить съ невѣсткой Бальчжиной. Произо-

шелъ раздоръ и Дайхунъ-тайчжи откочевалъ съ женой и одиннадцатью родами Хоринцевъ за Аргунь. Бѣжавшіе достигли рѣки Улирэнгэ (Урулюнъгуй?) и заняли опустѣлый городъ въ мѣстности Хуанъ-дай. Когда за Дайхунъ-тайчжіемъ пришли послы отъ Боо-бай-батуръ-бэйлэ, онъ скочевалъ по рѣкѣ Онону. За нимъ были посланы войска; они убили Бальчжину и тѣло ея похоронили у озера, которое называется Бальджина (при истокахъ Туры). Сѣдло ея бросили при подошвѣ горы Адунъ-чулу; это мѣсто называется теперь Алтанъ-эмэль т. е. „Золотое сѣдло».

Въ «Иркутск. епарх. вѣдомостяхъ» эта легенда разсказана полнѣе. Въ Монголіи жилъ князь Тумуръ-Тоготъ-ханъ; онъ былъ очень богатъ, имѣлъ жену и одного сына Контоя. Этотъ молодой человѣкъ влюбился въ бурятскую дѣвушку Бальджитъ-Кугумъ (Бальджитъ хатунъ? хатунъ «княгиня» или «ханьша», вообще знатная женщина). Контой безъ дозволенія отца женился на ней и, боясь отца, бѣжалъ и поселился въ Забайкальи у сліяніи двухъ рѣкъ; впослѣдствіи онъ разбогатѣлъ и прославился. По немъ и тѣ двѣ рѣки, у сліянія которыхъ онъ жилъ, получили званіе Контой (Кундуй); одна называется Барунъ-Контой, «Западный Контой», другая Зонъ-Контой, «Восточный Контой» [1]). Своимъ богатствомъ Контой превзошелъ своего отца. Между тѣмъ у отца умерла жена; и онъ женился на другой. Вторая жена была завистлива; узнавъ о богатствѣ пасынка, она уговорила мужа вызвать его. Отецъ потребовалъ сына къ себѣ, но тотъ не послушался. Тогда, подстрекаемый женою, Тумуръ-Тоготъ-ханъ послалъ отрядъ съ приказаніемъ привести Контоя съ женой. Контой смирился, когда отрядъ пришелъ къ нему и отправился къ своему отцу; но не такъ поступила Бальджинъ-Кату (Кату вмѣсто Кутумъ, какъ выше). Завидѣвъ отрядъ, она сѣла на бурокрылатаго (есть такая масть у Бурятъ) мерина и побѣжала вверхъ по рѣкѣ Кундую. Погоня замѣтила ея бѣгство; въ 50 верстахъ отъ ставки Тумурова сына она была настигнута. Тутъ была убита ея лошадь; падь, въ которой это случилось, названа Курундзалай, потому что лошадь подъ Бальджитъ по цвѣту шерсти называлась куринъ-дзаланъ. Поймавъ первую попавшуюся лошадь, она пустилась дальше по р. Борьзи и, пробѣжавъ почти такое же разстояніе, опять была настигнута. Здѣсь во время схватки она потеряла знакъ княжескаго достоинства, ядоръ; по этому поводу падь получила названіе Іедортой. Бальджитъ опять побѣжала далѣе; въ новой пади успѣли вырвать у ней котелъ (тогонъ), отчего падь названа Тоготуй. Наконецъ она добѣжала до одного озера; ослабѣвъ отъ полученныхъ ранъ, она не могла дальше бѣжать на измученномъ конѣ. Тутъ ее поймали; она не хотѣла вернуться къ мужу и просила лучше убить ее, но не отводить въ Монголію. Такъ и сдѣлали; убили и тѣло ея бросили въ озеро. Это озеро по ней получило названіе Бальджино озеро.

Къ этимъ варіантамъ мы можемъ присоединить еще два, одинъ записанный нами отъ хоринскаго Бурята Жигжида Г. Галсанова (имѣющаго жительство близь дацана Шолоту въ долинѣ Уды), другой, записанный г. Логиновскимъ, у Бурятъ Нерчинскаго округа.

Вотъ варіантъ, разсказанный г. Галсановымъ. Барга-баторъ отдалъ свою дочь Бальджинъ замужъ за Дай-тайджи, сына монгольскаго князя Бубэй-бэйлэ и въ приданое за ней отдалъ хоринцевъ (т. е. Хоринскіе роды Бурятъ). Бубэй-бэйлэ былъ женатъ на второй женѣ, которая имѣла связь съ своимъ пасынкомъ Дай-тайджи. Когда Дай-тайджи женился на Бальджинъ-хатунѣ, онъ оставилъ мачиху. Мачиха за это стала преслѣдовать невѣстку и стараться какъ-нибудь ее выжить; Бальджинъ-хатунъ рѣшилась бѣжать изъ Монголіи и уговорила слѣдовать за собой своего мужа. Посланной за ними погонѣ удалось захватить и отвезти назадъ одного только Дай-тайджи, а Бальджинъ-хатунъ ушла въ Забайкалье, въ мѣстность, гдѣ нынѣ озеро Бальджина-нуръ. Мачеха настояла, чтобъ Бубэй-бэйлэ послалъ за ней новыхъ пословъ; этимъ посламъ было приказано, чтобъ они непремѣнно ее привезли или чтобъ убили ее, а если они вернутся, не исполнивъ этого приказанія, имъ угрожали казнью. Бальджинъ-хатунъ

---

[1]) По другому народному разъясненію, приводимому тѣмъ же авторомъ, названіе рѣки Кундуй происходитъ отъ монгольскаго слова хундуй, «падь», широкая долина.

спряталась въ озеро и не выходила оттуда; пришедшіе люди Бубэй-бэйлэ не смѣли войдти въ озеро и, боясь вернуться домой, не исполнивъ приказанія, стали просить хатуну, чтобъ она вышла изъ воды и позволила имъ губить себя, а если она ихъ не пожалѣетъ, то имъ грозитъ смерть отъ Бубэй-бэйлэ. Бальджинъ-хатунъ пожалѣла ихъ и вышла изъ воды, но какъ и чѣмъ ни старались они убить ее, не могли. Тогда она приподияла одну свою грудь, показала на тѣлѣ черное пятно и велѣла проколоть въ него. Такимъ только родомъ она была убита. Послы вернулись къ Бубэй-бэйлэ, а трупъ убитой оставили лежащимъ на берегу озера. Изъ грудей ея потекло молоко и стало вливаться въ озеро; прежде въ озерѣ вода была черная; послѣ этого она сдѣлалась молочно-бѣлою. Умирая, Бальджинъ завѣщала Хоринцамъ всегда кочевать въ этихъ мѣстахъ, между Селенгой и Байкаломъ и не переходить за Селенгу. Бубэй-бэйлэ приказалъ разрубить тѣло хатуны на части и голову положить на мѣстѣ, похожемъ на голову, ноги на мѣстѣ, похожемъ на ноги, а сѣдло ея на мѣстѣ, похожемъ на сѣдло. И теперь, говорятъ, есть мѣстности, которыя называются: «Голова», «Ноги» и «Сѣдло».

Г. Логиновскій записалъ слѣдующее: У монгольскаго царя Бувея былъ сынъ Кунтей или Контуй, по другому показанію, Дай-конджи. Задумалъ Бувей женить своего сына и взялъ ему въ жены дочь одного сосѣдняго князя, которую звали Бальджи. Много приданаго далъ отецъ за своей дочерью; много далъ скота, много далъ также и людей съ начальникомъ Хоридэемъ. Когда первая жена Бувея умерла, онъ женился на другой. Между Бальджи и мачехой стали выходить ссоры. Тогда Бувей сказалъ своему сыну: „У тебя есть скотъ и лошади; у тебя есть люди, что привела твоя жена, да я еще дамъ тебѣ часть, и иди ты, куда знаешь. Это будетъ лучше, чѣмъ намъ съ тобой ссориться“. Контуй взялъ свой народъ и отправился на западъ. При сліяніи долины р. Кондуя съ обширной долиной Уруленгуй онъ остановился и поселился тутъ на житье. Сильно разбогатѣлъ здѣсь Контуй, но вскорѣ умеръ (другіе варіанты не говорятъ о его смерти). Бувей, узнавъ о смерти своего сына, послалъ войско съ приказаніемъ привести Бальджи и все ея богатство. Войско исполнило приказаніе царя, но только Бальджи не долго оставалась въ Монголіи. Она подговорила свой народъ, двѣсти человѣкъ, и бѣжала съ нимъ обратно въ долину Кондуй. Только черезъ семь лѣтъ хватился Бувей, что его невѣстка бѣжала. Онъ послалъ войско, но Бальджи успѣла изъ Кондуя съ частью своихъ людей бѣжать къ сѣверо-востоку. Въ 50 верстахъ отъ Кондуя, у ней отстрѣлили бурое золо или, быть можетъ, убили бурую крылатую лошадь; по этому поводу эту мѣстность назвали Коронзулай. Отсюда она повернула къ юго-западу и въ 60 верстахъ у нея отобрали того (котелъ); эту мѣстность назвали Тоготуй. Затѣмъ бросилась къ западу; гдѣ у ней отстрѣлили эдоръ (княжескій знакъ), мѣсто назвали Эдертуй. Потомъ она бѣжала на западъ около озера Бальзы; тутъ ее схватили. Когда ее убивали, она еще успѣла вырѣзать грудь и бросить въ озеро, при чемъ сказала, что кто бы ни поселился здѣсь, кто бы ни сталъ поить здѣсь животныхъ, всѣ будутъ богаты.

Во время этого побѣга Бальджи Хоридэй отдѣлился съ 60 человѣками и побѣжалъ на сѣверъ. При впаденіи Нерчи онъ переправился черезъ Шилку, но только что успѣлъ перебраться, какъ за нимъ прибѣжала погоня. Она потребовала, чтобы онъ вернулся. Хордэй сказалъ, что онъ не дастся живой въ руки, а будетъ отстрѣливаться. „Но прежде, чѣмъ биться, сказалъ Хоридэй, попробуйте мой табакъ, а потомъ я попробую вашего“. Онъ взялъ стрѣлу съ желѣзнымъ наконечникомъ, привязалъ къ ней въ тряпкѣ табаку, натянулъ лукъ и какъ намѣтилъ въ переднюю луку сѣдла предводителя. такъ и угодилъ; весь желѣзный наконечникъ ушелъ въ сѣдельную луку. Удивилось войско такой силѣ и ловкости стрѣлка. Хоридэй потребовалъ, чтобы они то же стрѣляли своими стрѣлами и слали ему свой табакъ. Но въ рядахъ погони не находилось никого, кто бы могъ не только попасть въ луку, но даже и перестрѣлить черезъ рѣку Шилку. Хоридэй сталъ просить ихъ, чтобъ они по крайней мѣрѣ возвратили ему его стрѣлу, если не хотятъ посылать своихъ. Принялись они вытаскивать стрѣлу и насилу вытащили, стрѣлять же не стали.

Хоридэй сталъ просить дать ему отсрочки на три дня, отсрочку дали, а сами при-

задумались, какъ вести войну съ его войскомъ, если у него и другіе люди такіе же ловкіе стрѣлки, какъ самъ онъ. Съ нимъ и однимъ имъ трудно будетъ воевать. Народъ Хоридэя, собравшись, въ свою очередь говоритъ ему: „Какъ мы будемъ воевать, когда ихъ триста, а насъ только шестьдесятъ“? Стали они придумывать какое-нибудь средство обмануть противниковъ. Хоридэй приказалъ имъ нарубить высокіе шесты, привязать къ нимъ чучела изъ травы, одѣть въ платье и везти въ закрытое мѣсто; кромѣ того, и тамъ, откуда возили чучела, и тамъ, куда ихъ свозили, Хоридэй велѣлъ раскласть побольше огней. Три вечера Хоридэевы люди возили этихъ мнимыхъ людей. Войско, прошедшее въ погоню за Хоридэемъ, видѣло все это и устрашилось столь многолюднаго войска. Утромъ Хоридэй выѣхалъ къ нимъ одинъ и говоритъ, что пора начинать войну, но погоня сказала, что они не будутъ его трогать, вернутся домой и скажутъ царю, что не могли взять Хоридэя. Погоня ушла, Хоридэй пошелъ дальше. На пути ему приходилось имѣть частыя стычки съ Тунгусами. Хоридэй расположился было въ окрестностяхъ Нерчинска, но черезъ три года былъ вытѣсненъ Тунгусами и двинулся къ Байкалу. Переправившись черезъ него, Хоридэй вступилъ въ русское подданство. Когда русскій царь узналъ, что ихъ всего шестьдесятъ человѣкъ, онъ сказалъ имъ: „Пока васъ не будетъ шестьдесятъ тысячъ, до тѣхъ поръ васъ на будутъ брать на службу“.

У Хоридэя было одинадцать сыновей. Они впослѣдствіи перешли обратно за Байкалъ. По числу одиннадцати сыновей хоринскіе Буряты дѣлятся на одинадцать родовъ, носящихъ имена Хоридэевыхъ сыновей: Хапцай, Харганатъ, Цаганъ (отъ старшаго сына Хоридэя), Кубэутъ, Шарай, Бадангутъ, Галзутъ, Халбанъ. Эти восемь родовъ составляютъ Агинскую степную думу. Три рода: Худэй, Батнэй и Гушитъ составляютъ другія управы. На этомъ кончается запись г. Логиновскаго.

Исторія богатства изъ Монголіи и погони за убѣжавшими разсказывается Бурятами не объ одной Бальджикъ-хатунѣ. Сѣверные Буряты знаютъ исторію бѣгства Бохака и погони за нимъ подъ начальствомъ Сахоръ-нойона (см. Записки Вост. сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по Этн., т. I, в. 1, стр. 135; т. II. в. 2, стр. 110). При Бохакѣ убѣгающей вмѣстѣ съ нимъ женщины нѣтъ, но въ нѣкоторыхъ варіантахъ онъ обвинялся въ тайныхъ посѣщеніяхъ ханской жены, такъ что можетъ быть былъ и такой разсказъ, что онъ увезъ ханскую жену или ханскую дочь. За нимъ Сохоръ-нойонъ не нашелъ его, а встрѣтилъ шамана Гуртэ, котораго могли убить только послѣ того, какъ онъ самъ, подобно Бальджинъ-хатунѣ, научилъ, что для этого нужно сдѣлать. Не Гуртэ ли былъ тотъ бѣглецъ, за которымъ въ погоню былъ посланъ Сохоръ-нойонъ? Далѣе: Гуртэ сѣвернобурятской легенды и Хоридэй южнобурятской не одно ли и то же имя? Устрашеніе царскаго войска, посланнаго за нимъ въ погоню, посредствомъ шестовъ съ соломой, ср. войсками, надѣланными изъ соломы или травы, посредствомъ которыхъ отбивается отъ царскаго войска лама, обвиняемый въ незаконномъ сожительствѣ съ женщиной (см. мои Очерки с.-з. Монголіи, II, 178; IV, 275—279).

Для полноты статейки приводимъ также мѣсто изъ сказанія о Чингисъ-ханѣ, въ которомъ упоминается мѣстность Бальджіуна, хотя эпизода о женщинѣ тутъ и нѣтъ. Послѣ битвы при урочищѣ Халалджинъ-Алатъ, гдѣ Чингисъ-ханъ повидимому былъ разбитъ Ванъ-ханомъ, разсказываетъ Рашидъ-Эддинъ, „онъ пошелъ къ сторонѣ Бальджіуна. Это было мѣсто, гдѣ находилось нѣсколько малыхъ родниковъ, которые не были достаточны для нихъ и четвероногихъ: по этой причинѣ они добывали воду изъ грязи и пыли. Послѣ того они вышли оттуда вонъ... Община, находившаяся въ то время съ Чингисъ-ханомъ въ Бальджіуна, была малая; ихъ называютъ Бальджунту, т. е. они были въ томъ становищѣ вмѣстѣ съ нимъ, отъ него не отстали, имѣютъ твердыя права и отъ другихъ отличны“ [1]). Изъ разсказа ясно, что Бальджіуна было мѣстомъ убѣжища во время бѣгства и что это было урочище съ водой. Не слѣдуетъ ли этотъ разсказъ монгольской лѣтописи пріурочить къ Забайкальскому озеру Бальджина-нуръ. Въ

[1]) Труды Восточ. Отдѣленія Имп. Археолог. Общ., ч. XIII, стр. 133.

130 верстахъ отсюда на востокъ лежитъ Чиндантская крѣпость, около которой находится мѣстность Дѣлюнь-болдокъ, по мнѣнію покойнаго Банзарова—мѣсто родины Чингисъ-хана [2]). Привлеченіе къ этой легендѣ Хоридэя, т. е. Хоридоя, предка Хоринцевъ, также указываетъ, что легенда о Бальджинъ-хатунѣ относится къ группѣ Чингисъ-хановскихъ легендъ. Хоридой (подъ формой Харидай) является и въ книжныхъ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ; по Сананъ-сэцэну это отецъ Аланъ-гавы, матери Бодончара, одного изъ предковъ Чингиса (Gesch. d. Ost-Mong., 59).

Г. Потанинъ.

Некрологъ.

А. А. Потебня.

29-го ноября скончался въ Харьковѣ заслуженный ординарный профессоръ Александръ Аѳанасьевичъ Потебня. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ ученыхъ, для огромнаго большинства нашей публики онъ былъ однимъ изъ неизвѣстнѣйшихъ нашихъ писателей. Значительное большинство русскихъ литераторовъ, что ежедневно и ежемѣсячно, изъ года въ годъ будятъ, поучаютъ и подымаютъ нашъ читающій міръ, и разнаго рода покровители и любители бѣднаго русскаго просвѣщенія знавали профессора Потебню развѣ по имени: печатался въ двухъ, трехъ не читаемыхъ журналахъ, состоялъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія и въ извѣстные сроки получалъ соотвѣтственныя званію никогда не являвшагося въ Петербургъ провинціальнаго профессора и приличныя сему повышенія и награды, на лѣтнее время часто бывалъ увольняемъ въ отпуски за границу.

Чѣмъ занимался А. А. Потебня? Что онъ писалъ? Надо думать—предметъ его занятій былъ очень далекъ отъ разумныхъ интересовъ русскаго общества, отъ современныхъ задачъ общечеловѣческой образованности, науки, если столь имъ преданная просвѣщенная наша публика и лучшая ея выразительница, наша повременная литература такъ мало знала о профессорѣ Потебнѣ и его трудахъ.

Нѣтъ, труды покойнаго нашего ученаго были посвящены языкознанію и преимущественно не какимъ-нибудь дальнимъ и совершенно чуждымъ намъ языкамъ, напримѣръ, африканскимъ, а языкамъ нашей индо-европейской семьи, главнѣйше языкамъ литовскому, латышскому и славянскимъ, въ особенности же языку русскому и его нарѣчіямъ. Другимъ излюбленнымъ, собственно однороднымъ, предметомъ занятій профессора Потебни была народная поэзія Литовцевъ, Латышей, народовъ славянскихъ и въ особенности русскаго, во всѣхъ его разновидностяхъ.

Не къ удивленію, а къ сожалѣнію надо прибавить, что даже среди нѣкоторыхъ присяжныхъ знатоковъ и такъ-называемыхъ спеціалистовъ по русской словесности, среди даже преподавателей высшихъ заведеній и членовъ ученыхъ учрежденій и среди огромнаго большинства нашихъ педагоговъ-учителей русской словесности имя и труды профессора Потебни если пользовались, то лишь печальною извѣстностью. Его называли буквоѣдомъ; про его сочиненія замѣчали, что они темны, непонятны.

Тѣмъ не менѣе глубокомысленный, оригинальнѣйшій изслѣдователь русскаго языка, А. А. Потебня принадлежалъ къ весьма малочисленной, на перечетъ извѣстной, плеядѣ самыхъ крупныхъ, самобытныхъ дѣятелей русской мысли и науки. На его имя и труды будутъ у насъ со временемъ указывать, при часто предъявляемомъ Россіи вопросѣ—что внесено ею въ сокровищницу человѣческаго знанія? Мало, мало у насъ славныхъ именъ, мало совершено нами крупныхъ дѣлъ въ области мысли и

---

[2]) Записки Сибирск. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., т. II, смѣсь, стр. 5.

знанія. Всего менѣе, какъ извѣстно, сдѣлано нами въ области наукъ историко-нравственныхъ, очень мало по филологіи и языкознанію.

Послѣ А. Х. Востокова ни одинъ быть можетъ изъ нашихъ филологовъ—тутъ есть нѣсколько весьма почтенныхъ именъ—не отличался такими, какъ профессоръ Потебня, способностями языковѣда, такимъ даромъ провидѣнія и проницательности въ тайны и тончайшія особенности и черты языковъ славянскихъ, не оставилъ по себѣ трудовъ съ такимъ высоковажнымъ значеніемъ для славянской филологіи, для сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ. Говорю о почившихъ и умалчиваю здѣсь о двухъ, трехъ высоко-даровитыхъ нашихъ языковѣдахъ, не перестающихъ трудиться къ чести нашей науки.

Какъ къ концу дѣятельности великаго основателя славяновѣдѣнія—аббата Добровскаго, Россія дала Востокова, разомъ далеко двинувшаго впередъ новую отрасль знанія, а въ пору зрѣлости и наибольшей славы другаго крупнаго слависта на западѣ, Шафарика, Россія трудами и дѣятельностью Прейса, Бодянскаго, Григоровича, Срезневскаго, Ундольскаго, Горскаго, Буслаева, Лавровскаго, Гильфердинга, Тихонравова, Пыпина, далеко распространила и въ ширь и въ глубь изученіе разныхъ частей славяновѣдѣнія, такъ точно ко второй половинѣ самой плодотворной и энергической дѣятельности третьяго большаго слависта на западѣ—покойнаго профессора Миклошича, Россія въ послѣднія два десятилѣтія блестяще была представлена профессоромъ Потебней. Его изслѣдованія по славянской фонологіи, этимологіи и синтаксису, по народной поэзіи и миѳологіи, отмѣчены такимъ сильнымъ даромъ проницательности, такимъ глубокимъ знаніемъ и пониманіемъ разнообразныхъ повременныхъ и мѣстныхъ явленій, самыхъ иногда тонкихъ отличій и свойствъ языковъ славянскихъ, литовскаго, латышскаго, что во многихъ отношеніяхъ эти труды покойнаго харьковскаго профессора значительно превышаютъ и далеко оставляютъ за собою наилучшія, однородныя изысканія профессора Миклошича. Изслѣдованія профессора Потебни уже начали оказывать вліяніе на новѣйшіе труды молодыхъ славистовъ на западѣ, но можно съ увѣренностью предвидѣть гораздо большее ихъ вліяніе въ будущемъ.

Правда, профессоръ Потебня писалъ не популярно, не для публики. Выражаясь всегда очень сжато, пиша исключительно для ученыхъ, посвящая свое богатое дарованье и свои лучшіе, не щедро отмѣряемые судьбой, годы, русскимъ ученымъ, не на распространеніе знаній, а на движенье науки впередъ, на освѣщеніе темныхъ и на проложеніе новыхъ путей знанія, профессоръ Потебня имѣлъ всегда въ запасѣ такъ много новыхъ наблюденій и соображеній, располагалъ такою массою собранныхъ имъ данныхъ, и при томъ въ области весьма обширной, что ему некогда было заботиться объ изложеніи болѣе популярномъ.

Въ Европѣ огромное большинство образованнаго общества тоже не читало и не читаетъ трудовъ своихъ великихъ языковѣдовъ и филологовъ, но ихъ имена и великія заслуги наукѣ ему хорошо извѣстны. Такъ, большая публика въ Германіи не читала и не читаетъ трудовъ В. Гумбольдта, Як. Гримма, Боппа, Потта, Шлейхера, Бругманна или во Франціи—Бюрнуфа, Литтре, П. Мейера, Г. Париса, въ Италіи—Асколи, въ Даніи—Раска, Томсена, однако всему образованному обществу въ этихъ странахъ дороги и близки эти имена, и болѣе или менѣе понятны заслуги этихъ ученыхъ. Тамъ школа, общая литература, журналистика давно и постоянно распространяетъ въ массѣ публики вѣрныя о нихъ понятія, прививаетъ цѣлымъ поколѣніямъ глубокое уваженіе къ этимъ подвижникамъ науки. Она воспитала въ обществѣ любовь и благодарное къ нимъ чувство, благородную гордость ими, какъ одною изъ чистыхъ славъ своей родины.

Ничто такъ не свидѣтельствуетъ о значительной невѣжественности нашего полуобразованія и легкомыслія, какъ распространенное въ нашей школѣ, въ нашемъ литературномъ мірѣ и въ нашемъ образованномъ обществѣ это невѣдѣніе о трудахъ проф. Потебни или мнѣніе о немъ, какъ о несчастномъ буквоѣдѣ, писавшемъ темно и непонятно, невѣдомо для кого и для чего. Въ странахъ съ исторически, съ корня выросшею, а не привозною, или не наносною и не показною, образованностью, давно

вошло въ привычку не у однихъ богатыхъ, а и просто достаточныхъ людей, пріобрѣтать для своихъ библіотекъ не только сочиненія любимыхъ и лучшихъ отечественныхъ поэтовъ, писателей, но и замѣчательнѣйшіе труды своихъ именитыхъ ученыхъ, тѣмъ болѣе труды, посвященные родному языку. Нѣмецкая грамматика и исторія нѣмецкаго языка Гримма, его словарь или словарь Литтре и его же филологическія изысканія о французскомъ языкѣ расходились во множествѣ экземпляровъ и украшаютъ собою тысячи частныхъ библіотекъ не только богатыхъ, но и просто достаточныхъ Нѣмцевъ и Французовъ, вовсе не филологовъ. У насъ же Словарь Даля, Областные Словари II Отд. Акад. Наукъ, историческая грамматика русскаго языка Буслаева во многихъ ли находятся частныхъ библіотекахъ, особенно въ нашихъ богатыхъ домахъ, часто совершенно не имѣющихъ никакихъ почти настоящихъ библіотекъ, или у нашихъ литераторовъ и нашихъ обыкновенныхъ любителей литературы, обычныхъ подписчиковъ и чтецовъ нашихъ толстыхъ журналовъ? Справокъ мы не наводили, но, думается, не ошибемся, если скажемъ, что изслѣдованія проф. Потебни о русскомъ языкѣ и русской народной поэзіи въ отдѣльныхъ изданіяхъ (а не въ книжкахъ Ворон. Фил. Зап. и Варш. Филол. Вѣстника, считающихъ сотни три, четыре полуобязательныхъ подписчиковъ) разошлись въ продажѣ, едва ли болѣе, чѣмъ въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ, и едва ли не добрая половина этихъ распроданныхъ экземпляровъ пошла за границу.

Къ великому моему сожалѣнію я никогда не находился въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ покойнымъ А. А. Потебней. Только разъ въ жизни случилось мнѣ встрѣтиться съ нимъ въ Вѣнѣ въ 1862 г. и провести съ нимъ въ самой оживленной бесѣдѣ нѣсколько пріятнѣйшихъ часовъ въ теченіе одного, двухъ или трехъ дней, теперь рѣшительно не помню. Его красивое, выразительное лицо, его живая, блиставшая оригинальнымъ умомъ и богатствомъ продуманныхъ, изъ первыхъ рукъ добытыхъ, свѣдѣній, его любовь и художественная чуткость къ народной поэзіи, его рѣдкое, особенно въ тогдашней молодежи, уваженіе къ свободѣ и разуму народной жизни и мысли, его убѣжденіе въ народности науки въ каждой странѣ, произвели на меня неизгладимое впечатлѣніе и внушили мнѣ глубокое къ нему сочувствіе. О встрѣчѣ нашей я ничего не записалъ, подробности нашихъ разговоровъ мною забыты, помню впрочемъ, что кромѣ языка и народной поэзіи шла рѣчь и о русской литературѣ и о разныхъ нашихъ и славянскихъ дѣлахъ. Помню также, что съ глубокою грустью вспомнилъ онъ о своемъ безвременно погибшемъ младшемъ братѣ, жертвѣ юношескихъ увлеченій, передалъ нѣсколько подробностей о лично ему знакомой и высоко имъ цѣнимой писательницѣ нашей—Кохановской. Во второй и въ послѣдній разъ мнѣ пришлось заочно сойтись съ покойнымъ Александромъ Аѳанасьевичемъ въ началѣ нынѣшняго года. По предложенію Отдѣленія Этнографіи, Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества присудилъ проф. Потебнѣ свою высшую награду—Константиновскую медаль. Какъ предсѣдательствующій въ этомъ Отдѣленіи, я извѣстилъ и поздравилъ Александра Аѳанасьевича, и мы тогда обмѣнялись нѣсколькими письмами. Онъ прислалъ мнѣ, по моей просьбѣ, свою фотографію. Сличивъ ее съ его фотографическою карточкою, данною имъ мнѣ въ 1862 г., я, разумѣется, нашелъ его сильно состарѣвшимся, но лица, видѣвшія его прошлую зиму, говорили мнѣ, что онъ исхудалъ, ослабѣлъ и постарѣлъ такъ, что эта фотографія уже не представляетъ настоящаго Александра Аѳанасьевича. Проф. М. С. Дриновъ и самъ Александръ Аѳанасьевичъ писали мнѣ еще зимой, что здоровье его очень плохо и силы слабѣютъ. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ отъ 25-го апрѣля онъ въ заключенье прибавилъ: «За вопросъ о здоровьѣ—благодарю. Все плохо. По утрамъ кое-что ковыряю, какъ старуха чулокъ вяжетъ, при полномъ отсутствіи интереса, спуская петли и роняя спицы. 3-ю ч. Записокъ (по Русской грамматикѣ) нужно еще разъ переписать непремѣнно самому; но она мнѣ уже надоѣла и я не знаю, когда я это сдѣлаю».

Прошлою зимою Александръ Аѳанасьевичъ не выходилъ изъ дому и съ трудомъ могъ читать лекціи только у себя на дому; но поѣздка лѣтомъ въ Италію—писалъ мнѣ Б. А. Ляпуновъ, нашъ молодой даровитый филологъ, магистрантъ, работавшій у

покойнаго профессора,—оказала благотворное дѣйствіе, хотя не надолго: вернувшись изъ-за границы Александръ Аѳанасьевичъ чувствовалъ себя повидимому, на столько хорошо, что началъ было чтеніе лекцій въ университетѣ въ сентябрѣ, но вскорѣ принужденъ былъ прекратить вслѣдствіе инфлуэнціи, которая его страшно ослабила и возобновила приступы его постоянной болѣзни почекъ. Весь октябрь и ноябрь почти не вставалъ Александръ Аѳанасьевичъ съ постели».

«Одно время передъ смертью ему стало лучше... но 1-го декабря происходили его похороны».

Изъ краткой, но весьма любопытной автобіографической замѣтки А. А. Потебни (Пыпина Ист. Русск. Этнографіи Ш, 420—424), мы узнаемъ нѣсколько подробностей объ его дѣтствѣ и юности.

Уроженецъ и мелкопомѣстный дворянинъ Роменскаго уѣзда Полтавской губернія, Александръ Аѳанасьевичъ учился въ польской Радомской гимназіи, гдѣ его дядя по матери былъ учителемъ. Здѣсь учили сносно развѣ только латинскому языку, остальное, по словамъ Аѳанасія Александровича, было ниже посредственности. Преподаваніе большей части предметовъ было на польскомъ языкѣ, поэтому и среди товарищей поляковъ (русскихъ было немного) юный Потебня отлично выучился по-польски и съ дѣтства такимъ образомъ свободно овладѣлъ тремя славянскими языками. Нѣмецкому языку выучился онъ въ семьѣ дяди, гдѣ также «пріобрѣлъ охоту къ легкому чтенію». Онъ отзывался съ благодарностью о своихъ харьковскихъ профессорахъ Зернинѣ, Валицкомъ, Н. А. и П. А. Лавровскихъ. Черезъ послѣднихъ Потебня, по его словамъ, познакомился съ сочиненіями Срезневскаго «Мысли объ исторіи русскаго языка», съ грамматикой Миклошича, съ трудами Караджича. Изъ другихъ книгъ, имѣвшихъ на меня вліяніе, говоритъ Потебня, укажу Костомарова: «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи», сочиненіе, которое мнѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не нравилось, и статью Буслаева: «Объ эпической поэзіи» [1]). «Къ сожалѣнію, замѣчаетъ скромно А. А., ничьими совѣтами я не пользовался и работалъ, какъ и теперь, вполнѣ уединенно. Благодаря П. А. Лавровскому я сталъ заниматься славянскимъ языкознаніемъ и оставленъ при университетѣ; но послѣдователемъ его я себя не считаю. Большіе пробѣлы школьнаго образованія я замѣтилъ въ себѣ слишкомъ поздно, когда садиться за указку было уже неудобно. Въ Берлинѣ я лекцій не слушалъ (находилъ, что не стоитъ), а школьнымъ образомъ учился санскриту у Вебера: дома тщательно готовился, а въ аудиторіи, съ глазу на глазъ, сдавалъ урокъ; характерно, что, сидя одинъ на одинъ семестръ по 4 или 5 часовъ въ недѣлю, мы не сказали другъ другу ни одного слова, не относящагося къ уроку (А. Губернатисъ тогда слушалъ у Вебера болѣе элементарный курсъ, гдѣ слушателей бывало 5—10). Это могло бы имѣть рѣшительное вліяніе на мои позднѣйшія занятія, еслибы продолжалось не семестръ, а 2—3 года; но время тогда было мало располагавшее къ такимъ занятіямъ; стала одолѣвать тоска, и я черезъ годъ самовольно вернулся въ Россію».

Въ той же автобіографической замѣткѣ, А. А. Потебня такъ объясняетъ направленіе и характеръ своей послѣдующей ученой дѣятельности: «Мнѣ кажется я вижу помочи, на которыхъ вела меня судьба. Нѣкоторая наклонность къ вопросамъ, не имѣющимъ непосредственно такъ-называемаго житейскаго значенія (каковъ исчерпывающій все языковѣдѣніе вопросъ объ отношеніи мысли къ слову), не объясняется школою. Эту школу проходили со мною многіе иные, гораздо лучше меня подготовленные къ занятіямъ филологіей. Таковы были (въ университетѣ) ученики Полтавской гимназіи, гдѣ въ то время и позже былъ замѣчательный учитель древнихъ языковъ Полевичъ (Полякъ; его ученикъ между прочимъ А. Котляревскій). Таковы же были и мои однокурсники, ученики Курской гимназіи. Я нахожу сходство между собою и нѣкоторыми давно умершими родственниками по отцу, получившими (по старинному) буквально грошевое образованіе (за выучку у дьяка—копа грошей и горшокъ каши). Тетка моя

---

[1]) Сборникъ Южнорусскихъ народныхъ пѣсенъ Метлинскаго «былъ первою книгой, по которой я учился присматриваться къ явленіямъ языка».

по Четьимъ-Минеямъ рѣшала философскіе вопросы, а дядя, рано убитый на Кавказѣ, какъ мнѣ говорили, занимался арабскимъ, персидскимъ и зналъ нѣсколько горскихъ нарѣчій» [1]).

Подъ конецъ своей жизни замѣчательнѣйшій русскій филологъ, глубокомысленный изслѣдователь русскаго языка и его историческаго развитія, А. А. Потебня печально глядѣлъ на постановку филологическаго образованія въ русской средней и высшей школѣ. Въ письмѣ ко мнѣ, отъ 7-го февраля 1891 г., Александръ Аѳанасьевичъ писалъ между прочимъ: «Я немногимъ Васъ моложе: въ этомъ году мнѣ будетъ 56. У меня два сына, къ счастью оба уже въ университетѣ, старшій на математическомъ, младшій на естественномъ. Случилось такъ, что 17 января, когда я получилъ отъ Васъ телеграмму [2]), старшій получилъ (золотую) медаль за сочин(еніе) по механикѣ. На выборъ факультетовъ я не вліялъ, между прочимъ, и потому, что къ своему пристрастія не чувствую. П е ч а л ь н а я с у д ь б а ф и л о л о г и ч е с к и х ъ з н а н і й в ъ Р о с с і и. П о р о ю к а ж е т с я, ч т о м ы и д е м ъ н е в п е р е д ъ, а н а з а д ъ. У насъ въ этомъ году на 1005—32 филолога, въ томъ числѣ но славянор(усскому) отд(ѣленію) м(ожетъ) б(ыть) человѣкъ 5—6, да и то не по призванію, а ради хлѣба. Теперь у меня (на дому) 3 слушателя, въ томъ числѣ одинъ изъ вашихъ [3]) кандидатовъ, Ляпуновъ, который здѣсь держитъ на магистра славянской филологіи. «И з ъ н е г о б у д е т ъ п р о к ъ».

Въ заключеніе нашей памятной замѣтки о дорогомъ покойникѣ позволяю себѣ повторить мой отзывъ о трудахъ Потебни, представленный медальною коммиссіею отдѣленія этнографіи совѣту Императорскаго Русскаго Географическаго Общества о присужденіи проф. Потебнѣ Константиновской медали.

«Перебирая рядъ замѣчательныхъ сочиненій по лингвистикѣ, филологіи и народовѣдѣнію, вышедшихъ у насъ за послѣдніе три года, коммиссія остановилась на трехъ новѣйшихъ трудахъ нашего глубоко-ученаго и высокоталантливаго языковѣда. уже тридцать лѣтъ энергически работающаго на пользу и славу отечественной науки въ области тѣхъ изслѣдованій, которыя, по § 1 Положенія, подлежатъ присужденію Константиновской медали со стороны Отдѣленія Этнографіи: «этнографическія и лингвистическія изслѣдованія, относящіяся до народовъ, обитающихъ въ Россіи, или соплеменныхъ съ ними, если они привели къ какимъ-либо новымъ и важнымъ результатамъ».

Разумѣемъ три новыхъ труда проф. А. А. Потебни: 1) Изъ записокъ по Русской грамматикѣ. I. Введеніе. II. Составные члены предложенія и ихъ замѣны. 2-е изданіе. Харьковъ. 1889. 535+IV стр. въ 8-ку. 2) Значеніе множественнаго числа въ русскомъ языкѣ. Воронежъ. 1888. 76 стр. Въ 8-ку. 3) Объясненія малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ. Веснянки. Колядки. Щедровки. 2 тома. Варшава. 1883 и 1887. 268+801 стр. въ 8-ку.

При оцѣнкѣ этихъ трудовъ проф. Потебни, мы обратимъ вниманіе, согласно § II-му Положенія о присужденіи Константиновской медали, и на прежнія произведенія автора.

Постоянными предметами 30-ти лѣтнихъ занятій и изслѣдованій проф. Потебни были: Русскій языкъ въ его повременномъ развитіи и въ его географическомъ разнообразіи, въ связи и въ сравненіи съ родственными языками, то-есть, исторія русскаго языка и русская діалектологія, сравнительно съ исторіею и діалектологіею сродныхъ языковъ, преимущественно славянскихъ и литовско-латышскаго, или иначе исто-

---

[1]) *Пыпинъ*, Ист. Русск. Этнографіи, III, 421—422, и пр.

[2]) Телеграмма была послана изъ Географическаго Общества въ годовое засѣданіе, за подписями вице-предсѣдателя Общества П. П. Семенова и предсѣдательствующаго въ Отдѣл. Этнографіи съ поздравленіемъ и извѣщеніемъ о присужденіи А. А—чу высшей награды Общества—Константиновской медали.

[3]) То-есть Петербургскаго университета, ученикъ проф. Ягича. Б. М. Ляпуновъ кончилъ курсъ лѣтъ 6 назадъ, отличный молодой ученый. Его интересныя воспоминанія о Потебнѣ см. ниже.

рико-сравнительное изученіе русскаго языка въ отношеніяхъ фонетическомъ, морфологическомъ, синтактическомъ и словарномъ, и такое же историко-сравнительное изученіе народной поэзіи, со стороны ея формы и содержанія, возстановленіе, пріемами, историко-сравнительнаго метода, по остаткамъ обрядовъ, повѣрій, преданій, по разнымъ поэтическимъ образамъ и мотивамъ цѣлыхъ отдѣловъ народныхъ пѣсенъ, религіозно-поэтическаго міросозерцанія древнихъ славянъ и сродныхъ имъ народовъ

Высокое образованіе проф. Потебни, вполнѣ знакомаго съ историческимъ ходомъ и современнымъ состояніемъ сравнительнаго языкознанія, изученія народной поэзіи и сравнительной миѳологіи, близкое знакомство съ Санскритомъ и Зендомъ, съ двумя классическими языками, съ историко-сравнительною грамматикою языковъ германскихъ и романскихъ, глубокое, на первоисточникахъ основанное, знаніе не только русскаго языка, древняго стараго и новаго, въ его нарѣчіяхъ и говорахъ, но и всѣхъ языковъ славянскихъ, равно какъ литовскаго и латышскаго,—всѣ эти особенности составляютъ рѣдкія и цѣнныя достоинства даже между лучшими учеными, славянскими и европейскими, особенно если онѣ соединены съ такимъ же глубокимъ знаніемъ народной поэзіи русскаго и всѣхъ славянскихъ племенъ, а также и наиболѣе съ нимъ сроднаго, литовско-латышскаго. Но какъ ни цѣнны и ни почтенны эти качества, они не дадутъ еще полнаго понятія о значеніи его трудовъ для отечественной образованности и для извѣстнаго круга наукъ: сравнительнаго языкознанія, русской и славянской филологіи, русскаго народовѣдѣнія, сравнительной исторіи литературъ, народной психологіи, сравнительной миѳологіи. Глубокій и образованный ученый, отличный наблюдатель, строгій изслѣдователь, проф. Потебня не живетъ процентами съ чужаго капитала, не производитъ своихъ наблюденій и изслѣдованій лишь въ подтвержденіе, или на основаніи лишь постороннихъ соображеній и указаній, чужихъ, часто лишь занятыхъ, а не усвоенныхъ и не продуманныхъ, идей. Проф. Потебня мыслитъ самостоятельно. Въ избранной имъ области мысли, въ развитіи и сцѣпленіи понятій онъ вращается такъ же свободно, онъ всегда такъ же дома, какъ въ наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ звуковъ, корней, рѣченій народныхъ поэтическихъ образовъ и мотивовъ. Отличаясь замѣчательною силою анализа, онъ, какъ и истинные художники слова, вмѣстѣ съ тѣмъ, хранитъ въ себѣ не порванными нити безсознательнаго поэтическаго преданія и творчества языка, и какъ всѣ высокихъ дарованій ученые, обладаетъ своего рода творчествомъ. Его воззрѣнія и мысли по занимающимъ его вопросамъ всегда отличаются свѣжестью и оригинальностью, а воспринятыя имъ идеи и мысли другихъ дѣятелей всегда имъ усвоены, выношены и переработаны въ его сознаніи. Оттого онѣ и являются у него съ извѣстными ограниченіями или дополненіями, значительно измѣненныя или развитыя далѣе. Въ своихъ изслѣдованіяхъ проф. Потебня, касаясь старыхъ не рѣшенныхъ вопросовъ, всегда подходитъ къ нимъ съ новыхъ точекъ зрѣнія и открываетъ новыя стороны дѣла; но, требуя постоянно возможно большей «внутренней принудительности доказательствъ», онъ не позволяетъ себѣ забыть «чего нельзя и что возможно» для окончательнаго заключенія при наличномъ запасѣ данныхъ и наблюденій.

Въ своихъ запискахъ по грамматикѣ, какъ во второй, такъ особенно въ первой общей части проф. Потебня нерѣдко пополняетъ, ограничиваетъ, исправляетъ положенія и мысли о тѣхъ или другихъ вопросахъ по ученію объ языкѣ, высказанныя въ разное время В. Гумбольдтомъ, Боппомъ, Поттомъ, Я. Гриммомъ, Гейзе, Штейнталемъ, Курціусомъ, Шлейхеромъ и друг., и остроумно обличаетъ внутреннюю несостоятельность разныхъ не продуманныхъ формулъ и положеній, встрѣчаемыхъ у нѣкоторыхъ иначе заслуженныхъ ученыхъ, богатыхъ эрудиціею, но болѣе или менѣе слабыхъ по части идей и самостоятельности мысли. Между тѣмъ такого рода не продуманныя формулы и положенія, въ видѣ общихъ мыслей и опредѣленій, попадаются всего чаще въ текущей учебной литературѣ, всего легче проникая въ обиходные курсы и учебники. Проф. Потебня нерѣдко останавливается, особенно во второй части своихъ записокъ, на обличеніи несостоятельности такихъ положеній и опредѣленій не ради охоты къ обличенію, а потому, что онѣ мѣшаютъ вѣрному пониманію многихъ

важныхъ явленій въ исторіи языка и потому, что обличая односторонность того или другаго взгляда или мнѣнія, онъ лучше успѣваетъ раскрыть правильность и вѣрность выставляемаго имъ воззрѣнія или положенія.

Обширная и глубокая эрудиція, масса фактовъ, извлеченныхъ изъ памятниковъ древней и старинной русской письменности, памятниковъ народной словесности русской и всѣхъ славянскихъ, а также литовско-латышскихъ, самостоятельность и оригинальность основныхъ мыслей и замѣчательный даръ проникновенія въ тончайшіе оттѣнки строя русскаго языка сразу завоевали труду проф. Потебни «Изъ записокъ по русской грамматикѣ», еще въ первомъ его изданіи 1874—1877 г., высокое мѣсто въ наукѣ, и русская и иностранная критика не могла тотчасъ же не признать его высокаго значенія, его выдающихся достоинствъ.

Наша Академія Наукъ, по почину Срезневскаго, поспѣшила присудить его автору полную Ломоносовскую премію. Въ своемъ отзывѣ, относительно первой части труда профессора Потебни, Срезневскій, между прочимъ, выразился: «Такого цѣльнаго филологическаго разбора строя языка у насъ еще не было. Не было его даже, какъ выборки изъ разныхъ книгъ, дающей отвѣты на предвзятые вопросы, въ трудѣ же проф. Потебни имѣемъ не выборку изъ разныхъ книгъ, а переработку изслѣдованій и соображеній относительно строя языка, его образованія и преобразованія». О второй же части Срезневскій замѣтилъ: между прочимъ, «Стройное богатство подобранныхъ данныхъ, ихъ объясненій и сближеній, приводящихъ къ характеристикѣ древняго и новаго русскаго языка, и положительность выводовъ о ходѣ его измѣненій даютъ труду г. Потебни важное значеніе въ ряду другихъ новыхъ трудовъ по русскому языку. Не онъ началъ то, за что взялся; но онъ продолжалъ начатое другими съ такимъ успѣхомъ, что если теперь кто нибудь займется изученіемъ русскаго языка съ исторической точки зрѣнія, при помощи трудовъ, изданныхъ до записокъ г. Потебни, и не возьметъ въ помощь себѣ этихъ записокъ, то онъ во многихъ случаяхъ останется въ темнотѣ съ вопросами безъ отвѣтовъ или съ неясными отвѣтами безъ доказательствъ».

Вслѣдъ за отзывомъ Срезневскаго поспѣшилъ и проф. Ягичъ въ своемъ Arch. f. slaw. Phil. высказать свое мнѣніе о трудѣ проф. Потебни. Отмѣтивъ его крупныя достоинства, онъ прибавилъ, что онѣ «даютъ этому труду почетное мѣсто въ небольшомъ и безъ того ряду изслѣдованій въ области историко-сравнительнаго синтаксиса. Ученикъ проф. Миклошича, г. Ягичъ высказалъ прямо, что «въ славянской грамматической литературѣ трудъ г. Потебни стоитъ рядомъ съ синтаксисомъ Миклошича». Дабы понять настоящее значеніе этихъ словъ, прибавимъ, что по выходѣ синтаксиса Миклошича, Ягичъ въ томъ же Archiv'ѣ высказалъ свое удивленіе «къ этому по его словамъ, величественному Thesaurus syntacticus», къ этому общирному труду въ 896 страницъ съ небывалымъ доголѣ богатствомъ примѣровъ изъ древнихъ, старыхъ и новыхъ славянскихъ языковъ (Arch. f. sl. Phil. 1876. B. I.).

Впрочемъ, проф. Ягичъ прибавилъ, что «ближайшее сравненіе этихъ двухъ трудовъ едва ли теперь желательно, такъ какъ изслѣдованія Потебни еще не доведены до конца» (Arch. f slaw. Phil. 1876. B. II. H. I. S. 166).

Ставя два труда рядомъ, мы извѣстнымъ образомъ уже сравниваемъ ихъ и даже сравнили. Различіе труда проф. Потебни отъ этого труда Миклошича состоитъ не въ томъ только, что онъ не оконченъ, то-есть, что въ немъ, по мысли автора, не всѣ части синтаксиса обслѣдованы, а трудъ Миклошича, по мысли его автора, довершенъ. Если присоединить къ этимъ двумъ частямъ записокъ проф. Потебни по русской грамматикѣ недавно вышедшее новое его превосходное синтактическое изслѣдованіе «Значеніе множественнаго числа въ русскомъ языкѣ» 1889. 76 стр., то мы увидимъ, что по внѣшнему своему виду (547+76=623 стр.) трудъ Потебни составляетъ добрыя двѣ трети труда Миклошича. Такимъ образомъ, хотя трудъ г. Потебни и не оконченъ, но въ немъ синтактическія явленія русскаго языка во всемъ его объемѣ очевидно разсмотрѣны гораздо подробнѣе, чѣмъ это могъ сдѣлать Миклошичъ въ своемъ оконченномъ трудѣ, посвященномъ синтаксису десяти славянскихъ языковъ съ общелитературнымъ русскимъ и малорусскимъ включительно. Вполнѣ признавая крупныя достоинства синтаксиса Микло-

шича, впервые давшаго заразъ такой обильный запасъ примѣровъ и данныхъ по синтаксису десяти славянскихъ языковъ, не можемъ не обратить вниманія на особенность системы или внѣшняго распорядка всѣхъ этихъ примѣровъ. Синтаксисъ Миклошича раздѣленъ на двѣ части. Первая подъ заглавіемъ: о значеніи частей рѣчи, вторая о значеніи формъ. Первая часть раздѣлена на семь главъ съ своими подраздѣленіями, а вторая только на двѣ главы съ болѣе многочисленными отдѣлами. Такимъ образомъ видно, какъ были извлечены изъ памятниковъ различные примѣры, и какъ потомъ они были разложены по рубрикамъ: существительное, прилагательное, родъ, число, числительное имя, мѣстоименіе съ его обычными дѣленіями, нарѣчіе, союзъ, глаголъ съ его отдѣлами. Во второй части идутъ падежи и формы спряженія. Передъ каждой рубрикой есть нѣсколько болѣе или менѣе краткихъ предварительныхъ замѣчаній и затѣмъ идутъ примѣры на данную часть рѣчи или форму въ началѣ изъ ц.-слав., а потомъ изъ другихъ славянскихъ языковъ.

Возможна и такая точка зрѣнія, по которой синтаксисъ Миклошича, не смотря на свое богатство примѣровъ, окажется далеко не конченнымъ и не полнымъ. Нѣкоторые отдѣлы, напримѣръ, о числѣ именъ, окажутся очень краткими (37—51), не будетъ не замѣчено, что между всѣми этими рубриками только разъ попадается слово «предложеніе», именно за именительнымъ падежомъ идетъ небольшой отдѣлъ: subjectlose Sätze (346—369). Во избѣжаніе путаницы («лабиринта») Миклошичъ, по собственнымъ его словамъ, предпочелъ размѣстить свои замѣчанія о разныхъ предложеніяхъ по рубрикамъ мѣстоименія, союза и пр. При такой системѣ или расположеніи сырого матеріала очень трудно было автору раскрыть, а читателю видѣть отличительныя особенности и разнообразные оттѣнки синтаксиса отдѣльныхъ славянскихъ языковъ и почти нельзя прослѣдить историческое развитіе ихъ внутренняго строя. Въ трудѣ же проф. Потебни, благодаря его системѣ, мы имѣемъ передъ собою стройное изложеніе историческаго развитія внутренняго склада русскаго языка, при чемъ строго отличены и отмѣчены различные оттѣнки повременныхъ измѣненій въ строѣ русской рѣчи съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. Тутъ привлекаются къ сравненію сходныя или различныя явленія историческаго развитія строя другихъ языковъ славянскихъ, а также литовскаго и латышскаго, а иногда, по мѣрѣ надобности, и другихъ арійскихъ. Въ общемъ введеніи, то есть въ первой части и въ частныхъ главахъ второй части мы постоянно встрѣчаемся съ глубокими мыслями, тонкими наблюденіями и остроумными соображеніями, въ коихъ ярко выступаетъ высокое дарованіе нашего языковѣда. Въ своемъ отзывѣ о трудѣ проф. Потебни Срезневскій не счелъ возможнымъ умолчать о синтаксисѣ проф. Буслаева, въ его исторической грамматикѣ. Дѣйствительно, синтаксисъ составляетъ лучшую часть грамматики Буслаева. Онъ почти на 20-ть лѣтъ предварилъ синтаксисъ проф. Потебни. За Буслаевымъ навсегда останется великая заслуга, что онъ еще въ 1844 г. въ книгѣ «О преподаваніи отечественнаго языка» первый у насъ высказалъ въ своихъ синтактическихъ замѣткахъ (II ч.), что «научное преподаваніе отечественнаго синтаксиса можетъ быть только сравнительное и историческое», и тутъ же представилъ нѣсколько поясненій и примѣровъ изъ древняго, стариннаго и современнаго народнаго и литературнаго языка (стр. 141—163 и нѣсколько далѣе). Въ синтактическомъ отдѣлѣ грамматики Буслаева, наука получила въ первый разъ богатство примѣровъ изъ древней, старинной и современной народной рѣчи, вмѣстѣ съ примѣрами изъ Карамзина, Крылова, Пушкина, Грибоѣдова и пр. При этомъ Буслаевымъ было высказано не мало частныхъ дѣльныхъ замѣчаній, но справедливость не позволяетъ умолчать, что система Буслаева, вообще вся теоретическая сторона его синтаксиса, по большей части, не самостоятельна и довольно слаба. Послѣ труда проф. Потебни еще въ первомъ изданіи (1874 г.) синтаксисъ Буслаева является уже въ значительной степени трудомъ отсталымъ и устарѣлымъ, нельзя по истинѣ не пожалѣть, что педагоги наши доселѣ почти исключительно пробавляются книгою Буслаева и очень мало (не говоримъ объ исключеніяхъ и о непосредственныхъ ученикахъ проф. Потебни) усвоили себѣ глубокіе взгляды и богатыя новыми плодотворными выводами наблюденія Потебни. Ра-

зумно усвоенныя почтенною средою нашихъ педагоговъ, они должны повести не только къ лучшей постановкѣ преподаванія отечественнаго языка въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и къ перемѣнамъ въ методѣ и пріемахъ преподаванія древнихъ и новыхъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. Укажу еще на другую, тоже не маловажную, практическую сторону синтактическихъ и вообще филологическихъ трудовъ проф. Потебни. Изученіе ихъ приводитъ всякаго читателя къ убѣжденію въ пользѣ и важности извѣстной литературной обработки малорусскаго нарѣчія, даже для изученія нашего литературнаго языка. Ознакомившись съ изслѣдованіями Потебни, каждый образованный великоруссъ пойметъ, сколько свѣта проливаетъ знакомство съ малорусскимъ языкомъ на историческое развитіе нашего общелитературнаго языка, который мы, великоруссы, не безъ извѣстнаго преувеличенія, любимъ считать исключительно своимъ. Внимательный читатель замѣтитъ, сколько даетъ поученій и поясненій знаніе живой малорусской рѣчи для разумнаго пониманія даже живой рѣчи великорусской и ея говоровъ. Всѣ же говоры великорусскіе, бѣлорусскіе и малорусскіе, какъ живые ключи, направленные исторіею въ водоемъ общерусской рѣчи, несутъ въ нее свои мѣстные дары, питаютъ и богатятъ ее и какъ предметъ нашего изученія и какъ литературный нашъ языкъ, то есть, какъ орудіе нашей образованности, какъ общее знамя нашего національнаго единства.

Научное значеніе синтактическаго труда проф. Потебни выяснится еще лучше, если, припомнивъ его отношеніе къ однороднымъ трудамъ Буслаева и Миклошича, мы прибавимъ, что по оригинальности воззрѣній, по глубинѣ анализа, по широтѣ и силѣ учености, трудъ А. А. Потебни далеко оставляетъ за собою весьма почтенные труды Даничича, Вальявца, Гатталы, Зигмунда, Малецкаго и др. по синтаксису отдѣльныхъ западныхъ славянскихъ языковъ, южныхъ и сѣверныхъ. Можно сказать, что записки по русской грамматикѣ проф. Потебни занимаютъ въ настоящее время такое же мѣсто въ славянской филологіи по отдѣлу синтаксиса, какое въ свое время занимали въ ней историко-фонетическія и морфологическія изслѣдованія Добровскаго о чешскомъ языкѣ (введеніе въ исторію чешской литературы и чешская грамматика), послужившія впослѣдствіи образцомъ для грамматическихъ трудовъ по другимъ славянскимъ языкамъ.

Много важнаго для славянской филологіи и для сравнительнаго языкознанія вообще представляютъ и другіе филологическіе труды проф. Потебни. Такъ, его изслѣдованія подъ скромными заглавіями «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій», «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи» и замѣчательный разборъ сочиненія Житецкаго, «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія». Спб. 1871,—внесли въ науку рядъ важныхъ филологическихъ наблюденій историко-географическаго характера и понынѣ составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ трудовъ по русской діалектологіи. Нельзя не пожелать появленія этихъ изслѣдованій въ новомъ, исправленномъ и дополненномъ изданіи, ибо съ тѣхъ поръ явилось не мало новыхъ матеріаловъ, имѣющихъ значительно расширить и пополнить наблюденія нашего ученаго.

Въ четырехъ выпускахъ изслѣдованій «Къ исторіи звуковъ русскаго языка». Воронежъ 1876. Варшава 1880, 1881, 1883, содержится нѣсколько высоко замѣчательныхъ изслѣдованій о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ явленіяхъ русской общеславянской филологіи: о носовыхъ звукахъ въ древнемъ славянскомъ языкѣ, о первомъ полногласіи русскаго языка, о такъ названномъ Потебнею второмъ полногласіи—это явленіе впервые имъ отмѣчено, и терминъ, имъ данный, вошелъ уже въ науку,—о начальныхъ сочетаніяхъ: лы, ры, лу, ру = основнымъ + ал + ар — рядъ примѣровъ или словъ съ начальными лы, ры, лу, ру, приводимыя въ ограниченіе выставленнаго Миклошичемъ положенія, что начальное + ар + ал всегда = слав. ра, ро, ла, ло (раз-роз, ладья, лодья), о нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія нёбности на согласные звуки, наконецъ, довольно большое изслѣдованіе «Этимологическія различенія коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ». Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ перебираются и разсматриваются, часто съ совершенно новой точки зрѣнія, весьма тонкіе и трудно поддающіеся окончательному разрѣшенію вопросы первостепенной важности для классифи-

каціи славянскихъ нарѣчій и для уясненія ихъ постепеннаго выдѣленія изъ общаго славянскаго пра-языка, для славянской и вообще сравнительной грамматики арійскихъ языковъ, наконецъ, для такого же этимологическаго словаря. Многія изъ высказанныхъ здѣсь проф. Потебнею соображеній достигаютъ полной доказательности, а нѣкоторыя наблюденія, еще такъ сказать не завершенныя, важны тѣмъ, что раскрываютъ новые пути къ дальнѣйшимъ розысканіямъ. Всѣ эти лингвистическія изслѣдованія проф. Потебни имѣютъ важное значеніе не для одной славистики и выдаютъ въ авторѣ такого же первостепеннаго мастера, какимъ онъ оказалъ себя въ своихъ запискахъ по русской грамматикѣ.

Отчасти въ указанныхъ же статьяхъ и особенно въ другихъ главахъ изслѣдованія «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», подъ заглавіемъ «этимологическія замѣтки», заключаются важныя и часто весьма удачныя разъясненія происхожденія длиннаго ряда словъ велико- и малорусскихъ, польскихъ, прочихъ славянскихъ и литовско-латышскихъ, объяснены разныя иностранныя слова, вошедшія въ малорусскій языкъ изъ нѣмецкаго, татарскаго, турецкаго, валашскаго и проч. Наконецъ, тутъ же мы встрѣчаемъ многосодержательную статью (48 стр.) подъ заглавіемъ село, деревня и проч.,—это цѣлая прекрасная глава изъ исторіи русскаго языка и быта.

Какъ во многихъ мѣстахъ синтаксиса, такъ и въ этихъ послѣднихъ трудахъ проф. Потебни, при объясненіяхъ отдѣльныхъ народныхъ реченій и оборотовъ малорусскихъ, великорусскихъ, прочихъ славянскихъ и литовско-латышскихъ, сильно даетъ себя чувствовать еще другая сторона громадныхъ знаній и высокаго дарованія нашего автора. Разумѣемъ его глубокое изученіе народной поэзіи славянской и литовско-латышской и его необычайную зрячесть и чуткость ко всѣмъ ея особенностямъ, оттѣнкамъ и переливамъ. Эти качества автора стали раскрываться еще въ первыхъ его работахъ, посвященныхъ вопросамъ по народной поэзіи, миѳологіи. Таковы его разсужденія: «О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи». Харьковъ. 1860, «О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій». Москва. 1865, «О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ». Москва. 1865.

Эти стороны познаній и дарованій проф. Потебни нашли себѣ блестящее выраженіе въ двухъ его небольшихъ, но важныхъ трудахъ: Малороссійская народная пѣсня по списку XVI вѣка. Воронежъ. 1873, и Слово о Полку Игоревѣ. Воронежъ. 1878, 150 стр. Уже въ первомъ изъ этихъ трудовъ проф. Потебня касался нѣкоторыхъ мѣстъ Слова. Во второмъ онъ представилъ его текстъ «по мѣрѣ разумѣнія» или приготовилъ новое изданіе этого драгоцѣннаго памятника нашей древней словесности. Болѣе крупныя поправки онъ обозначилъ косымъ шрифтомъ, а въ скобкахъ поставилъ чтеніе изданія 1800 г. Текстъ раздѣленъ на небольшія главы, за каждою изъ нихъ слѣдуетъ комментарій. Въ обширной литературѣ о нашемъ драгоцѣнномъ памятникѣ,—отъ начала столѣтія до настоящаго года, она составляетъ цѣлую библіотеку,—нѣтъ сомнѣнія, толкованія и объясненія проф. Потебни занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ и принадлежатъ къ наилучшимъ и наизамѣчательнѣйшимъ разъясненіямъ этого перла нашей словесности. Здѣсь ярко выступаетъ даровитость проф. Потебни, его удивительная памятливость, что касается народной поэзіи русской и всѣхъ другихъ славянскихъ народовъ, его рѣдкая сила анализа, рядомъ со свойственною обыкновенно развѣ великимъ художникамъ, и весьма рѣдкою у ученыхъ, живостью и цѣльностью разумѣнія поэтическихъ сокровищъ народнаго духа. Здѣсь находится не мало очень дѣльныхъ и меткихъ замѣчаній на разныя прежнія объясненія Слова, напримѣръ, Буслаева, Тихонравова, Вс. Миллера, Веселовскаго, Огоновскаго и другихъ, болѣе раннихъ толкователей, а также и на переводы Вельтмана, Малашева, А. Майкова...

Въ написанномъ для Академіи Наукъ, замѣчательномъ разборѣ сборника Головацкаго (Пѣсни Галицкой и Угорской Руси) проф. Потебня высказалъ нѣсколько важныхъ соображеній о пѣсенномъ напѣвѣ и размѣрѣ, какъ главномъ руководящемъ началѣ для классификаціи народныхъ пѣсенъ, о необходимыхъ пріемахъ и наилучшемъ, по его мнѣнію, методѣ изученія народной поэзіи.

Эти важныя мысли полнѣе имъ были развиты и примѣнены въ новомъ обширномъ трудѣ въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: «Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ. I ч. Варшава. 1883. 268+VIII+III стр. въ 8-ку и II ч. Обзоръ поэтическихъ мотивовъ, колядокъ и щедровокъ». Варшава. 1887. 801 стр. въ 8-ку.

Въ первой части заслуживаютъ особаго вниманія статьи: «Лелю-полелю, диди-ладо»,—гдѣ показано, что ни въ Лелѣ-полелѣ, ни въ Диди-ладо, нельзя находить ничего миѳическаго, замѣчательное разъясненіе образовъ веснянокъ (верба надъ водою и ремезъ). Что касается второй части, то она не ограничивается замѣтками и наблюденіями относительно лишь однихъ колядокъ и щедровокъ, а представляетъ много цѣнныхъ сличеній и соображеній о пѣсняхъ свадебныхъ, весеннихъ и лѣтнихъ, царинныхъ, лазарскихъ, кралицкихъ, купальскихъ, зажиночныхъ и дожиночныхъ, подблюдныхъ, наконецъ, разныхъ великорусскихъ былинъ, сербскихъ и болгарскихъ юнацкихъ пѣсенъ.

Вообще этотъ обширный и капитальный трудъ въ тысячу слишкомъ страницъ, заключаетъ въ себѣ обильный запасъ новыхъ наблюденій и важныхъ соображеній, и потому надолго останется необходимою настольною книгою для всѣхъ занимающихся изученіемъ народной поэзіи, ея формъ и содержанія, религіозныхъ и бытовыхъ древностей, этнографіею русскою, общеславянскою и литовско-латышскою.

Въ 1890 г. исполнилось 30 лѣтъ учено-литературной дѣятельности А. А. Потебни. Присуждая ему высшую награду за новѣйшія его изслѣдованія, Императорское Русское Географическое Общество достойно почтитъ многолѣтніе труды и крупныя заслуги наукѣ этого глубоко-свѣдущаго и высоко-даровитаго изслѣдователя, одного изъ первоклассныхъ ученыхъ нашего отечества [1]).

Съ кончиною А. А. Потебни, не стало одного изъ даровитѣйшихъ и прекраснѣйшихъ русскихъ людей. Послѣ покойнаго остались: отрывки перевода Одиссеи на малорусскій языкъ, Матеріалы для малорусскаго словаря, 3-я часть Записокъ по русской грамматикѣ и курсъ Теоріи словесности и, вѣроятно, еще не мало разныхъ отдѣльныхъ замѣтокъ. Харьковское Филологическое Общество, гдѣ покойный былъ долго предсѣдателемъ, намѣрено приступить къ изданію нѣкоторыхъ изъ этихъ трудовъ, а также и къ переизданію разныхъ его статей. Пожелаемъ, чтобы Общество энергически взялось за это дѣло и съ успѣхомъ его окончило. Харьковъ, вообще Украйна наша всегда можетъ указывать съ гордостью на Потебню, какъ на одинъ изъ своихъ драгоцѣнныхъ даровъ нашей общей русской образованности. Миръ его праху и глубокая признательная память потомства за его прекрасные труды, одинъ изъ лучшихъ подвиговъ русской мысли въ области человѣческаго знанія.

Владиміръ Ламанскій.

Памяти А. А. Потебни.

29-го ноября скончался профессоръ Харьковскаго университета Александръ Аѳанасьевичъ Потебня. Смѣло можно сказать, что въ немъ мы потеряли ученаго, которымъ должна гордиться не только русская и славянская, но и обще-европейская наука. Въ виду выдающагося положенія, какое покойный занималъ въ ряду современныхъ славистовъ и вообще филологовъ, а также въ виду неоцѣнимыхъ качествъ его души, съ другой стороны въ виду страннаго незнанія о его заслугахъ не только среди нашего

---

[1]) Этотъ отзывъ былъ написанъ еще въ концѣ 1889 г., но въ январѣ 1890 г. Константиновская медаль никому не была присуждаема, по внезапной болѣзни Августѣйшаго Предсѣдателя Общества.

образованнаго общества, но даже среди персонала учителей русскаго яз. и словесности, я рѣшаюсь представить краткія біографическія свѣдѣнія, какія мнѣ удалось собрать, и познакомить немного съ содержаніемъ главнѣйшихъ трудовъ покойнаго, прибавивъ и свои личныя воспоминанія.

Александръ Аѳанасьевичъ Потебня [1]) происходилъ изъ небогатой дворянской семьи Полтавской губерніи Роменскаго уѣзда, гдѣ и родился. Родовое имѣнье его въ формулярномъ спискѣ значится въ селѣ Перекоповкѣ, Ромен. у., но не знаю, осталось ли тамъ что нибудь теперь. Родители Александра Аѳанасьевича — Аѳанасій Евимовичъ и Марья Ивановна (урожденная Маркова)—природные малоруссы. Отецъ въ молодости былъ въ военной службѣ, а потомъ одно время по частнымъ дѣламъ жилъ во Владимірской губерніи.

Родился А. А. 10 сентября 1835 г. и былъ старшимъ изъ всѣхъ братьевъ (10 сент. 1891 г., по словамъ жены, ему исполнилось 56 лѣтъ, а въ формулярномъ спискѣ, составленномъ въ 1887 г., но, можетъ быть, раньше 10 сент., сказано, что ему 51 годъ). Семи лѣтъ онъ былъ отданъ въ Радомскую гимназію, гдѣ его дядя по матери былъ учителемъ. Благодаря этому обстоятельству, А. А. хорошо изучилъ польскій яз., такъ какъ въ этой гимназіи преподаваніе было на польскомъ яз. Несполна 16-ти лѣтъ въ 1851 г. онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ. Вслѣдствіе того. что бо́льшую часть дѣтства А. А. провелъ не дома, онъ почти не зналъ своихъ младшихъ братьевъ, а съ сестрой, которая родилась уже безъ него, познакомился только 16-ти лѣтъ. А. А. поступилъ сначала на юридическій факультетъ, но въ слѣдующемъ году перешелъ на историко-филологическій. Въ университетѣ онъ сблизился съ М. В. Нѣговскимъ, «любителемъ и умѣлымъ собирателемъ малорусскихъ народныхъ пѣсень», библіотекой котораго и пользовался. Преподавательскій персоналъ въ то время въ Харьковскомъ университетѣ былъ далеко не блестящій. Русскій яз. читалъ А. Л. Метлинскій, добрый и симпатичный человѣкъ, но, по словамъ А. А., слабый профессоръ. Его сборникъ «южно-русскихъ народныхъ пѣсень», по признанію Ал. Аѳ., былъ первой книгой, научившей А. А. присматриваться къ явленіямъ языка. Судя по описанію личности А. Л. Метлинскаго и его симпатичныхъ взглядовъ на отношеніе нарѣчій и говоровъ къ литературному языку («Истор. рус этногр.» Пыпина, т. III, ст. 146—148), можно думать, что этотъ человѣкъ оказалъ во всякомъ случаѣ нѣкоторое вліяніе на Ал. Аѳ—ча. Черезъ Н. А. Лавровскаго, перешедшаго съ каѳедры педагогики на каѳедру русской словесности, А. А. познакомился съ сочин. И. И. Срезневскаго «Мысли объ исторіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій». Это сочиненіе, гдѣ впервые такъ живописно представлена картина постепеннаго развитія русскаго яз., произвело на А. А. сильное впечатлѣніе. Онъ разсказывалъ мнѣ, что онъ невольно запомнилъ наизусть цѣлыя страницы этого сочиненія и такъ отвѣчалъ на экзаменѣ. Этотъ фактъ, кажется, былъ переданъ Срезневскому, который и пожелалъ познакомиться съ Потебней, когда А. А. былъ потомъ въ Петербургѣ. Въ своей автобіографіи А. А. указываетъ еще, что на него оказало вліяніе сочин. Костомарова «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи», которое, однако, не совсѣмъ ему нравилось, и статья Буслаева «Объ эпической поэзіи», а затѣмъ, какъ говорилъ мнѣ самъ Ал. Аѳ., только иностранные ученые. Въ 1856 г. А. А. окончилъ курсъ кандидатомъ по представленіи диссертаціи: «Первые годы войны Хмельницкаго», которая не напечатана. По предложенію Н. А. Лавровскаго, онъ былъ оставленъ при университетѣ и сталъ готовиться къ магистерскому экзамену. Какъ казеннокоштный, онъ долженъ былъ, однако, взять мѣсто комнатнаго надзирателя 1-ой Харьковской гимназіи, но скоро былъ опредѣленъ сверхштатнымъ старшимъ учителемъ русской словесности съ увольненіемъ отъ должности комнатнаго надзирателя, а 18 Декабря 1857 г. былъ

---

[1]) Для біографическихъ свѣдѣній я пользуюсь во первыхъ автобіографіей покойнаго, напечатанной въ прилож. къ III т. «Исторіи русской этнографіи» А. Н. Пыпина, во 2-хъ тѣмъ, что мнѣ удалось слышать отъ него самаго и близко его знавшихъ, въ 3-хъ—формулярнымъ спискомъ, хранящимся въ архивѣ Харьковскаго университета.

прикомандированъ къ университету для преподаванія русской словесности. Черезъ Н. А. Лавровскаго А. А. познакомился съ грамматикой Миклошича и трудами Караджича. Въ 1860 г. 15 Апрѣля А. А. былъ утвержденъ въ степени магистра славянской словесности и по защитѣ диссертаціи «О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи» (Харьковъ, 1860). 22 іюня 1860 г. А. А. назначенъ адъюнктомъ Харьковскаго университета съ увольненіемъ отъ должности учителя гимназіи, при чемъ въ 1861 г. на него возложены теоретическія занятія по педагогикѣ съ кандидатами педагогами. Въ то же время онъ былъ секретаремъ историко-филологическаго факультета. Въ 1862 г. онъ былъ командированъ заграницу на два года, но черезъ годъ вернулся и съ 28-го сентября 1863 г. былъ доцентомъ Харьковскаго университета до 1875 г., когда утвержденъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, получивъ 28 ноября 1874 г. степень доктора славянской словесности послѣ защиты диссертаціи: «Изъ записокъ по русской грамматикѣ» I—II; оппонентами были профессора М. С. Дриновъ и Н. А. Лавровскій [1]). За границей А. А. учился санскриту у Вебера. За это время въ печати появились слѣдующіе труды А. А. Потебни: «Мысль и языкъ» (Ж. М. Н. Пр. 1862), «О связи нѣкоторыхъ представленій» (Филол. Зап. 1864), «О Долѣ и сродныхъ съ ней существахъ» (Древности, Труды Москов. Археологич. Общ., т. I), «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго яз.: I. О полногласіи. II. О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій» (Воронеж. Филолог. Зап. 1866 г.), «О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ» (Москва, 1867, въ 3-мъ вып. Археол. Вѣстн.), «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи» (Филол. Зап. 1870 и отдѣльно—Воронежъ, 1871), наконецъ упомянутое выше сочиненіе «Изъ записокъ по русской граматикѣ» (1-я часть «Введеніе», напечат. въ Воронежѣ, а 2-я часть «О составныхъ членахъ предложенія и ихъ замѣнахъ въ русскомъ яз.» въ Запискахъ Харьковскаго университета. 1874 г.). Съ осени 1875 г. А. А. былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ исторіи русскаго яз. и литературы. Еще въ 1865 г. А. А. былъ избранъ въ дѣйствительные члены Москов. Археологическаго Общества. Въ 1877 г. онъ избранъ въ дѣйствительные члены Общ. Любителей Россійской Словесности при Имп. Московскомъ университетѣ. Въ томъ же году ему присуждена Имп. Академіей Наукъ Ломоносовская премія въ 1,000 руб. за сочин. «Изъ записокъ по рус. гр.», и онъ избранъ въ члены-корреспонденты Академіи по отдѣленію русскаго языка и словесности. Въ 1876 г. вышли въ Воронежѣ и Варшавѣ 1-й и 2-й выпуски «Къ исторіи звуковъ русскаго яз.»; нѣкоторыя главы этого сочиненія были напечатаны также въ изданіи проф. И. В. Ягича «Archiv für slavische Philologie» III, s. 358—381 («Ueber einige Erscheinungen des slavischen Palatalismus») и s. 614—620 («Zur Frage nach dem ursprünglichen Lautwerth der slavischen Nasalvocale»). Въ 1877 г. Александру Аѳанасьевичу присуждена Академіей наукъ золотая Уваровская медаль за разборъ сочин. Житецкаго: «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія». Въ томъ же году въ «Воронежскихъ Филологическихъ Запискахъ» напечатана статья А. А—ча «Малорусская народная пѣсня по списку XVI в.», а въ слѣдующемъ году «Слово о полку Игоревѣ» (Воронежъ, 1878 г.). Въ 1879 г. Академіей Наукъ присуждена А. А—чу золотая медаль за разборъ труда Я. Ѳ. Головацкаго: «Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси», издан. въ 4 т. Моск. Общ. Истор. и древностей (разборъ напечатанъ въ С.-Петерб., 1880). Въ 1881—1883 г. Варшавскимъ «Филологическимъ Вѣстникомъ» напечатаны III-й и IV-й выпуски «Къ исторіи звуковъ русскаго яз. Этимологическія и другія замѣтки». Тѣмъ же «Филолог. Вѣстникомъ» издано въ 1883—1887 г. большое сочиненіе А. А. въ двухъ выпускахъ: «Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень». Въ началѣ 1887 г. его избрало въ свои члены королевское чешское обще-

[1]) М. С. Дриновъ разсказывалъ мнѣ, что онъ, Н. А. Лавровскій и Кирпичниковъ предлагали Ал. Аѳ—чу степень доктора до защиты за его прежнія работы, но по своей скромности и строгости къ себѣ, А. А. отказался и предпочелъ достигнуть этого обычнымъ путемъ.

ство наукъ (královská Česká společnost Nauk). Въ «Филологическихъ Запискахъ» 1887 г. напечатана статья А. А. «Значенія множественнаго числа въ русскомъ яз.». Въ 1888 г. въ Харьковѣ вышло второе исправленное изданіе сочин. «Изъ записокъ по русской грамматикѣ» I—II. Послѣднее напечатанное сочиненіе А. А—ча было помѣщено въ выходящемъ съ 1891 г. изданіи Этнографическаго Отдѣленія И. Р. Г. О. «Живая Старина» («Этимологическія замѣтки»).

Въ началѣ 1891 г. ему присуждена была медаль Географическимъ Обществомъ. Кромѣ чисто научныхъ трудовъ и изслѣдованій, подъ редакціей А. А. Потебни вышло прекрасное изданіе сочиненій малорусскаго писателя Г. Ѳ. Квитки (Харьковъ 1887 и 1889 г.) съ соблюденіемъ удареній и тѣхъ мѣстныхъ особенностей Харьковскаго говора, которыя были совершенно стерты въ Петерб. издан. Кулиша 1858 г.; въ «Кіевской Старинѣ» 1888 г. изданы имъ нѣкоторыя сочиненія Артемовскаго-Гулака, по подлинной рукописи автора съ соблюденіемъ его правописанія, а въ «Кіевской Старинѣ» 1890 г. изданы малорусскіе лѣчебники XVIII вѣка.

Какъ мнѣ приходилось слышать, во время своихъ неоднократныхъ поѣздокъ за границу Ал. Аѳ. познакомился съ А. Мажураничемъ (не знаю, въ первую-ли поѣздку или позднѣе), подъ руководствомъ котораго изучалъ сербо-хорватское удареніе; въ Прагѣ А. А. познакомился съ Патерой и Гатталой.

Неутомимо трудовая жизнь, а можетъ быть и нѣкоторыя другія обстоятельства, состарили его не по лѣтамъ. Уже въ 1886 г., когда мнѣ привелось съ нимъ познакомиться, онъ смотрѣлъ старикомъ, очень сухощавымъ, хотя тогда еще бодрымъ и повидимому здоровымъ. Но въ послѣдніе годы болѣзнь все больше и больше ослабляла его. Почти при всякой легкой простудѣ у него возобновлялся бронхитъ; въ такомъ видѣ напр. я засталъ его весною 1888 г. Весною 1890 г. ему, напротивъ, повидимому стало лучше; явилась его прежняя живость, которая такъ увлекала на его лекціяхъ 1887 года.

Но съ осени 1890 г. и всю зиму А. А. чувствовалъ себя очень плохо и уже почти не могъ выходить изъ дому; однако, не желая лишать студентовъ своихъ лекцій, приглашалъ ихъ къ себѣ на домъ и читалъ изъ 3-й части своихъ «Записокъ по русской грамм.», хотя чтеніе уже замѣтно его утомляло. Эта 3-я часть «Записокъ» особенно заботила покойнаго, и онъ не переставалъ работать надъ нею до самой послѣдней возможности, не смотря на болѣзнь.

Только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, врачи открыли у него болѣзнь почекъ, которая и свела его въ могилу. Поѣздка въ Италію, гдѣ онъ провелъ два лѣтнихъ мѣсяца 1891 г., какъ будьто [1]) нѣсколько помогли ему и, вернувшись въ Харьковъ, онъ въ сентябрѣ началъ было читать лекціи въ университетѣ, но вскорѣ долженъ былъ прекратить уже навсегда, вслѣдствіе инфлуэнцы, которая сильно его ослабила и усилила приступы болѣзни почекъ; весь октябрь и ноябрь онъ уже почти не вставалъ, хотя по временамъ кажущееся улучшеніе заставляло не терять надежды до конца.

Вотъ краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Ал. Аѳ—ча. Перейдемъ теперь къ характеристикѣ его научныхъ трудовъ.

Изъ перечня ихъ мы видѣли, какъ разнообразна его научная дѣятельность. Изслѣдованія о мотивахъ и символахъ народной поэзіи и въ области сравнительной миѳологіи чередовались съ изслѣдованіями по языку, которыя и составляютъ главнымъ образомъ научную славу покойнаго. Въ этомъ отношеніи Потебня былъ филологомъ стараго типа, изучавшимъ языкъ въ связи съ народной поэзіей, народными вѣрованіями и обрядами. Такой широтой, такимъ разнообразіемъ свѣдѣній, не обладаютъ новѣйшіе ученые, которымъ приходится все больше и больше спеціализироваться.

Не смотря, однако, на свою многосторонность, Потебня отличался замѣчательной глубиной; многосторонность не дѣлала его поверхностнымъ; въ этомъ сказывается его

---

[1]) Такъ писалъ это слово покойный А. А. согласно съ этимологіей (б у д ь-т о изъ б у д и т о, какъ в з я т ь с я изъ в з я т и с я и т. п.), но вопреки оффиціальной орѳографіи.

замѣчательное, изъ ряду вонъ выходящее дарованіе, такъ какъ глубина при многосторонности дается очень немногимъ.

Изслѣдованія по языку А. А. Потебни можно раздѣлить на фонетическія, фонетико-діалектическія, этимологическія, семасіологическія и синтактическія. Въ первыхъ затронуты самые важные вопросы фонетики русской и славянской: о полногласіи, о глухихъ звукахъ, о носовыхъ гласныхъ, о переходномъ смягченіи согласныхъ звуковъ. Къ вопросу о русскомъ полногласіи А. А. обращался два раза: первый разъ въ сочин. «Два изслѣдованія» въ 1865 г., въ которомъ еще считалъ южнослав., ст. слав. и чешск. ра, ла, основною общеславянскою формой, лежащей въ основаніи и русскаго оро, оло (также думалъ и Ягичъ въ 60-хъ и началѣ 70-хъ гг.); второй разъ въ 1875 г. въ 1-мъ вып. «Къ исторіи звуковъ», гдѣ совершенно измѣнилъ свой первоначальный взглядъ. Подъ вліяніемъ статьи Бенфея въ «Orient und Occident» (III, 1—77, 193—256, 1864—1865), указывавшаго на появленіе короткой гласной между *р*, предшествуемымъ гласной, и слѣдующей согласной въ языкѣ Вѣдъ и Зендѣ, а также на сходныя явленія греческ. яз., А. А., находя подобное и въ лотышскомъ, приходитъ къ заключенію, что полногласіе было нѣкогда явленіемъ общеславянскимъ: «младъ и молодъ независимо другъ отъ друга изъ мăлăдъ (ст. 119).

Почти въ то же время было признано полногласіе общеславянскимъ І. Шмидтомъ («Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus») и нѣсколько раньше Гейтлеромъ (Starobulharská fonologie» 1873).

Это было нѣкоторымъ возвращеніемъ къ старинѣ, такъ какъ еще Максимовичъ въ 1839 и 1848 г., мнѣніе котораго А. А. приводитъ (стр. 117—119), считалъ полногласіе общеславянскимъ; также и К. Аксаковъ (напр. въ разборѣ грамматики Буслаева во II т. сочин., ст. 454), хотя для послѣдняго въ русскомъ яз. были обѣ формы—и полногласная (древнѣйшая) и неполногласная (новѣйшая); только въ распоряженіи Максимовича и Аксакова не было тѣхъ научныхъ средствъ, какими обладали ученые 70-хъ годовъ. Для І. Шмидта русское полногласіе было заманчиво, какъ «svarabhakti»; для Гейтлера нужно было объяснить появленіе *а* въ глава, которое не могло явиться иначе, какъ вслѣдствіе удлиненія *о*, явившагося, по его мнѣнію, на славянской почвѣ изъ ă [1]), а причина удлиненія—стяженіе двухъ *о* въ праславянской полногласной формѣ; для А. А. Потебни была важнѣе всего постепенность звуковыхъ измѣненій, и на основаніи этого, полногласіе онъ считалъ путемъ, которымъ изъ galva могло развиться глава и т. п. (этотъ взглядъ на образованіе южнослав. и чешскихъ формъ, мнѣ пришлось слышать отъ него и въ послѣдній годъ его жизни).

А. А. принималъ общеславянское полногласіе въ видѣ двухъ ă передъ и послѣ плавной (Гейтлеръ въ видѣ двухъ *о*, но оба они, по его мнѣнію, явились уже на славянской почвѣ, и первое—изъ кратк. ă), такъ какъ въ то время еще не было высказано въ сравнительной грамматикѣ сомнѣнія въ первичности древне-индійскаго *а*, изъ котораго считались развившимися позднѣе въ европейскихъ языкахъ три звука: *а, о, е*; только во второй половинѣ 70-хъ годовъ Бругманномъ и Соссюромъ предположено было существованіе въ индоевропейскомъ праязыкѣ трехъ гласныхъ: a, a_1, a_2 (или a, $\hat{a}$, $\mathring{a}$). Другіе лингвисты большею частію не считаютъ необходимымъ ставить посредствующую ступень полногласія, а происхожденіе градъ, глава и т. п., объясняютъ путемъ простой перестановки; такого мнѣнія держался Миклошичъ въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ (послѣдн. издан. «Vergl. Gram.», стат. «Ueber d. Ursprung der Worte von der Form trĕt u. trat», «Etymologisches Wörterbuch»), также И. В. Ягичъ и проф. Москов. универс. Ф. Ѳ. Фортунатовъ; по мнѣнію послѣдняго, очень тонкаго и глубокаго фонетика, простая перестановка вполнѣ возможна фонетически и оправдывается многими примѣрами изъ разныхъ индоевропейскихъ языковъ.

---

[1]) Что краткое *а* родственныхъ яз.=общеслав. *о*, теперь считается общепризнаннымъ въ лингвистикѣ.

Выводы А. А. Потебни относительно носовыхъ гласныхъ («Къ ист. звук.» I. 211—217 и «Archiv f. slav. Phil.» III, 614—620) тѣ, что гласн. элементъ въ ѩ и ѫ въ древне-польскомъ и, вѣроятно въ общеславянск. всегда былъ *а* іотован. или неіотован. Выводъ этотъ для др. польскаго языка нашелъ поддержку потомъ въ спеціальной работѣ Лецеевскаго («Der Lautwerth der Nasalvocale im altpolnischen», Wien, 1886), хотя выводы послѣдняго вызвали нѣкоторыя сомнѣнія Ягича и Брикнера въ X-мъ т. «Archiv f. sl. Phil.» Въ послѣднее время А. А. о носовыхъ не высказывался опредѣленно, такъ какъ вообще вопросы фонетики интересовали его меньше, чѣмъ прежде.

Въ вопросѣ о переходномъ смягченіи, Потебня удачно указалъ на параллельныя со славянскими явленія романскихъ языковъ.

Особенно обращу вниманіе на его объясненіе измѣненія *tj* и *dj* и въ связи съ этимъ *kt* передъ *i* или *ь* (ст. слав. пешти и существ. пешть, русск. печи, печь и т. п.), которое довольно близко подходитъ къ объясненію проф. Фортунатова, недавно высказанному въ «Archiv f. sl. Phil.» XI. 568.

Именно, А. А. предполагалъ, что изъ *tj, dj* получалось въ одной группѣ нарѣчій *ч'ч', дж'дж'* которыя лежатъ въ основаніи ст. сл. и болг. *шт, жд*: свѣшта, межда и русск. *ч'* и *дж'* (сохранилось діалектически, но б. ч. измѣнилось въ *ж*): свѣчя, меджя, въ другой группѣ ћћ и ђђ, откуда серб. ћ и ђ: свиjeћа, међа; въ 3-ей—*ч'ч'* и *jj* (изъ ђђ), откуда хорут. *ч* и *j*: sveča и meja; въ 4-ой—*ц'ц'* и *дз'дз'*, откуда западнославян. *ц* и *дз*: svěca и medza («Archiv f. sl. Philol.» III, 600—601, или «Къ истор. звук.» II) [1]). При измѣненіи *kti* и *ktь* А. А. предполагалъ смягчающее дѣйствіе *i*(*ь*) на *к* черезъ *t*, измѣнившее *к* въ однихъ нарѣчіяхъ въ *ч'*, въ другихъ въ *ц'*, а затѣмъ ассимиляцію съ ними слѣдующаго *t*, такъ что результатъ получился тотъ же, что̀ и при *tj*. Въ этомъ объясненіи, какъ и въ выше приведенномъ мнѣніи о полногласіи, сказывается нелюбовь Потебни къ объясненію скачками, а стремленіе во всѣхъ фонетическихъ явленіяхъ видѣть постепенное измѣненіе звука. Статьи Потебни о небности могутъ считаться едва-ли не лучшими изъ того, что̀ вообще писалось объ этомъ вопросѣ.

Изъ вопросовъ по исторіи звуковъ русскаго яз. слѣдуетъ обратить вниманіе на мнѣніе А. А. Потебни о времени исчезновенія глухихъ звуковъ («Къ истор. звук.» I, гл. IV и «Разборъ сочин. Житецкаго, гл. VI). По его мнѣнію, звуки *ъ* и *ь* жили очень долго въ русскомъ яз., а въ нѣкоторыхъ говорахъ сохраняются и до сихъ поръ. Написанія съ чист. *е* и *о* въ рукописяхъ XIV, XV и даже XVI в. вмѣсто *ь* и *ъ* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ теперь они въ нынѣшнихъ говорахъ исчезли (Болонескъ, пополонока), съ другой стороны пропускъ *ь* или *ъ* на письмѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы теперь слышимъ чистый, свидѣтельствуютъ, по его мнѣнію, о томъ, что въ говорѣ писца въ этихъ случаяхъ были глухіе звуки, ибо чистый звукъ, образовавшійся изъ глухого, не могъ бы исчезнуть потомъ безъ слѣда, а съ другой стороны писецъ не сталъ бы пропускать на письмѣ чистыхъ звуковъ.

Въ томъ же сборникѣ «Къ ист. звук.» I, укажу на прекрасную статью А. А—ча: «Этимологическія различенія коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ».

Перехожу къ діалектическимъ трудамъ А. А. Потебни. Въ этой области ему несомнѣнно и до сихъ поръ принадлежитъ первое мѣсто между всѣми, изучавшими научно русскіе говоры. А когда появился его первый трудъ «о звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій» (1866 г.), научная разработка нашихъ говоровъ была почти не тронута, такъ какъ труды Даля могутъ считаться только собраніемъ богатаго матеріала безъ надлежащей его обработки. Всѣ статьи Ал. А—ча по изученію русскихъ говоровъ («О звуков. особ. рус. нар.», «О малорусск. нарѣч.», «Разборъ соч.

---

[1]) Какъ на подобное явленіе болѣе поздняго времени, Потебня указываетъ на вост. малорусское *т'т'* изъ *тj*, *д'д'* изъ *дj*: плат'тя, колод'дя, а при болѣе зубномъ *j* является въ бѣлорус.—*ц'це, дз'дзе*; если бы *j* было еще болѣе задненобнымъ, могло бы явиться *ч'ч'*, *дж'дж'* (Archiv. f. sl. Phil. 597—598).

Житецкаго» и отдѣльн. замѣтки въ нѣкот. другихъ сочин.) отличаются замѣчательной тонкостью наблюденія, глубиной, осторожностью и оригинальностью выводовъ. Начало русскихъ говоровъ онъ относилъ къ незапамятнымъ временамъ, задолго до появленія письменности и исторію русскаго языка онъ понималъ, какъ исторію русскихъ говоровъ. При этомъ не лишнимъ считаю сообщить взглядъ А. А—ча на говоръ вообще, какъ мнѣ пришлось слышать отъ него въ прошломъ году: строго говоря, говоръ можетъ быть представленъ только однимъ человѣкомъ, такъ какъ нѣтъ двухъ лицъ, говорящихъ вполнѣ одинаково даже въ одной семьѣ; слѣдоват., то, что мы обыкновенно называемъ однимъ говоромъ, есть въ сущности собраніе взаимодѣйствующихъ говоровъ, а потому нѣчего[1]) удивляться, что звуковые законы имѣютъ исключенія, и непремѣнно искать объясненія этихъ исключеній въ звуковой аналогіи; кто выставляетъ положеніе объ отсутствіи исключеній въ звуковыхъ законахъ, тотъ забываетъ, что говоръ въ жизни никогда не существуетъ самъ по себѣ, а всегда находится подъ тысячью самыхъ разнообразныхъ вліяній. Вслѣдствіе этого А. А. не любилъ злоупотреблять объясненіями помощію звуковой аналогіи, которыя особенно въ ходу въ произведеніяхъ «ново-грамматической» школы; онъ находилъ, что, стремясь къ точности въ фонетикѣ, при этихъ объясненіяхъ часто грѣшатъ противъ синтаксиса.

Всѣ русскіе говоры А. А. дѣлилъ на три группы или полосы: 1) сѣверную (говоры сѣверно-великорусскіе—окающіе), 2) среднюю (южно-великорусскіе говоры вмѣстѣ съ бѣлорусскими[2])—*а*кающіе) и южную (говоры малорусскіе опять *о*кающіе). Главнымъ основаніемъ дѣленія у него служила фонетика и преимущественно различное произношеніе гласныхъ въ виду неопредѣленности и неразработанности другихъ отдѣловъ языкознанія. Изъ отдѣльныхъ діалектическихъ явленій едва-ли не въ первый разъ было показано и научно формулировано Ал. А—чемъ измѣненіе неударяемыхъ гласныхъ въ южно-великорусскихъ говорахъ. А. А. указалъ разницу въ измѣненіи неудар. *а* и *е* въ слогахъ непосред. передъ слогомъ ударяемымъ и въ слогахъ черезъ слогъ передъ ударяемымъ (гъла́ва изъ голова́ и пирядо́м изъ передо́м) и съ другой стороны въ слогѣ непосредственно послѣ ударяемаго, по слабости произношенія равняющемся третьему слогу передъ ударяемымъ (го́лъву изъ го́лову, пе́рид или пе́рит изъ пе́ред, де́риво изъ де́рево). Въ статьѣ о малорусскомъ нарѣчіи разобрано характерное измѣненіе гласной *ѣ*, а также гласныхъ *е* и *о* въ слогахъ среднихъ, при чемъ объяснены всѣ разнообразія этихъ измѣненій въ говорахъ, изъ которыхъ наибольшую старину сохранили сѣверно-малорусскіе говоры (напр. волъ, конь=Заблудов. вуол, куон'=Бѣльск. и Брестск. вюл, кюн'=Кобрин. вул, кун' или вил, кин'=Сосниц. Черниг. губ. вуэл, куэн'=украин. вiл, кiн').

А. А. первый, кажется, обратилъ вниманіе на важное фонетическое явленіе преимущественно сѣверно-великорусское, которому онъ далъ названіе втораго полногласія («Къ истор. звук.» I, 85—108); сюда относятся такія явленія, какъ напр. новгородск. верьх, восходящее къ древнему вьрьхъ вмѣсто вьрхъ=нынѣшн. вер'хъ въ другихъ говорахъ (ст. сл. врьхъ). А. А. старался прослѣдить это явленіе въ древне-русскихъ памятникахъ съ XI-го вѣка и находилъ начало его уже въ древнѣйшемъ памятникѣ Новгородскаго письма, Остромировомъ Евангеліи.

Занимаясь этимологіей различныхъ бытовыхъ словъ, Потебня много сдѣлалъ и для исторіи русскаго быта. На лекціяхъ, при чтеніи древне-русскихъ памятниковъ, онъ часто давалъ объясненія многихъ темныхъ юридическихъ и бытовыхъ терминовъ.

---

[1]) А. А. въ послѣднихъ своихъ трудахъ писалъ нѣчего, нѣкого, нѣкода (нѣтъ времени) и т. п., согласно съ этимологіей (см. объясненіе въ сочин. «Изъ запис. по рус. грам.» II, 423, 2-е издан.), но противъ оффиціально принятаго въ школахъ и учебникахъ.

[2]) Что «гораздо правильнѣе Бѣлорусскій говоръ считать мѣстнымъ говоромъ Великорусскаго нарѣчія, а не отдѣльнымъ нарѣчіемъ», высказано уже И. И. Срезневскимъ («Мысли объ исторіи русск. яз.», изд. 1887, стр. 36).

Можно было удивляться глубинѣ его познаній въ исторіи великорусскаго и особенно малорусскаго быта. Въ IV-мъ вып. «Къ исторіи звуков р. яз.», онъ далъ объясненія словъ: село, деревня, выть, обжа и мног. другихъ, весьма важныхъ и характеристичныхъ для русскаго быта. Лучшее объясненіе слова «село», принадлежитъ ему: указывая на то, что въ др. русскомъ и старо-славянскомъ («сѣно сельное» и т. под.) оно имѣло бо́льшею частію значеніе «земли», «поля», онъ сближаетъ его съ лит. szalis [1]) «сторона», «край» (стр. 4—5). На основаніи стариннаго великорус. выраженія «распахать деревню» и т. подобн. выраженій, свидѣтельствующихъ о томъ, что «деревня» есть синонимъ поля, росчисти, А. А. сближаетъ это слово съ литов. dirwà («Acker»), относя къ одному корню съ глаголомъ дьрати (стр. 18—19).

Но главную славу Потебни составляютъ его изслѣдованія по сравнительному синтаксису. Я рѣшаюсь сказать, что въ этой мало разработанной области языкознанія, ему принадлежитъ пальма первенства между всѣми славянскими, а можетъ быть, и европейскими учеными. Надо замѣтить, что 1-е изданіе «Записокъ по русск. грам.» написано раньше, чѣмъ авторъ успѣлъ познакомиться съ сочин. Миклошича «Vergleichende Syntax» (1874).

Во 2-й части «Записокъ» разобрано употребленіе падежей и неопредѣленнаго наклоненія; особенное вниманіе обращено на употребленіе двойныхъ падежей. Всего прежде идетъ рѣчь о составномъ сказуемомъ, указывается на сочетаніе причастій дѣйств. съ ѥсмь, бѫдѫ въ именит. пад. (кромѣ причаст. на лъ); А. А. кажется, впервые разрушилъ убѣжденіе, что подобное употребленіе причастій въ древнемъ яз. зависитъ отъ буквальнаго перевода съ греческ.; онъ привелъ такіе примѣры, гдѣ наоборотъ въ греч. стоитъ verb. finit., а въ славянск. причастіе съ вспомог. глаголомъ. Указано на самостоятельность причастія въ древне-русск., ст.-славян., другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, литовскомъ и греческомъ, благодаря которой причастіе могло отдѣляться отъ главнаго сказуемаго союзомъ соединительнымъ («вставъ, и рече», стр. 187). По мѣрѣ того, какъ причастіе становилось дѣепричастіемъ, подобные обороты становились все менѣе возможными. А. А. предполагаетъ, «что въ концѣ XIV в. причастія дѣйствительныя аппозитивныя были уже только въ книжномъ яз., и дѣепричастіе, какъ вполнѣ опредѣлившаяся часть рѣчи, уже существовало, хотя и отличалось кое-чѣмъ отъ нынѣшняго (стр. 182). «Относительная самостоятельность аппозитивнаго причастія въ древнемъ яз. и сходство его функціи съ функціей главнаго (глагольнаго) сказуемаго проявляются не только въ отдѣленіи его отъ сказуемаго союзомъ, но и ...въ возможности подлежащаго съ аппозитивнымъ причастіемъ при глагольномъ сказуемомъ, имѣющемъ свое подлежащее» (стр. 194). Вслѣдствіе этого возможны были въ древнемъ яз. такіе примѣры именит. самостоят., какъ Новгор. I. 1: А вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити (стр. 196).

Далѣе объяснено употребленіе причастія въ смыслѣ сказуем. придат. предложенія, связаннаго съ главнымъ сказуемымъ посредствомъ относит. слова, весьма обычное въ ст. слав., др. русскомъ и старо-чешскомъ: нѣсть, къто ихъ приѥмлѧ. Изборн. 1076 г., невѣдяху бо, камо бѣжаще. Ипат. 156 (480), Nenie, kto co pověda. Alexandr. 4 и т. п. (ст. 205, 206, 212). Остатки подобныхъ оборотовъ А. А. указываетъ и въ нынѣшнихъ говорахъ: вел.-рус. «кто кого смога...», малорус. Чумакъ, кого здря, такъ и частуѥ (ст. 217). Въ литовскомъ и латышскомъ подобное же: jie nežino, ką dara. Лук. 23,34=букв. невѣдѧть, чьто творѧще.

На стр. 231—299 разобрано употребленіе причастій прошедш. на *л*, указано обращеніе ихъ въ прилагат. въ русск. и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, разница

[1]) Хотя не менѣе вѣроятно и сближеніе съ лат. solum «почва» и м. б. литов. salà «островъ», которое высказано на стр. 2 того же сочин., но потомъ оставлено вслѣдствіе лит. szalis.

въ употреблен. русскихъ причастій на *л* съ польскими и чешскими: польск. донынѣ употребляетъ членныя причастія на *л*, не превращая ихъ непремѣнно въ прилагательныя: ciasto dobrze wykisiałe—выкисшее тѣсто и т. п. (242); указаны способы употребленія прич. на *л* при различныхъ временахъ вспомогат. глаг.: ѣсмь, бѣхъ, быхъ (условно—желат.), бѫдѫ (буду); употребленіе послѣдняго съ причаст. при условныхъ союзахъ вызвало условное значеніе буду, откуда великорусск. буде (3 л. ед. ч.) въ смыслѣ условнаго союза.

Переходя къ употребленію вторыхъ косвенныхъ падежей, А. А. остановился на характерномъ свойствѣ перваго винит. въ др. русскомъ и нѣкоторыхъ новыхъ славян. нарѣчіяхъ, общемъ съ латышскимъ, по которому послѣ глаголовъ: «sentiendi», «cognoscendi», «declarandi» можно было употреблять безпредложный винит. не только непосредств. предмета воспріятія, но и дальнѣйшаго, что мы теперь обыкновенно замѣняемъ оборотомъ съ предлогомъ про или *о*: слышавъ смерть Изяславлю. Ипат. 77 (328), увѣдаша Ильсковичи погоню. Новгор. 1,59, великорус. сказываетъ журавля на соснѣ. Даль, послов. 872, малорус. Спустимося вниз по Дунаю, Гей по Дунаю под Царегород: Ой чуємо там доброго пана (Костомар. въ малор. сб. Мордовцева, 192), серб. овђе нама кажу мому неудату (Кар. Пјес. I), лотыш. пасака мамульіню. Спрог. 215=букв. «сказала матушку», т. е. «сказала, гдѣ матушка». Подобное встрѣчается въ санскр. и греч. (ἄνδρα μοι ἔννεπε Μοῦσα πολύτροπον. Od. I, 1) (стр 300, 302, 303). Ал. Аѳ. видѣлъ въ этихъ оборотахъ остатки такого первобытнаго состоянія мысли, которое «напоминаетъ состояніе дитяти, только что начинающаго пользоваться чувствами и протягивающаго руки къ предметамъ, которыхъ схватить не можетъ» (299—300). Далѣе разсмотрѣны случаи употребленія второго вин. (существ., прилаг., причаст.) 305—324, второго род. (324—330), при чемъ указаны случаи родит. самостоят.: того же лѣта исходяча... приходи Романъ... (Лавр. 329), второго дательнаго; объясненъ дательн. самостоятельный (330—342).

Въ большой главѣ о неопредѣл. наклоненіи А. А. коснулся ограниченія его употребленія въ сербск. и болгар., приведшаго въ послѣднемъ къ потерѣ формы на ти (360—362), подробно разобралъ случаи употребленія неопредѣл. субъективнаго при формальныхъ или близкихъ къ формальности глаголахъ (ст. слав. имаамь, имѫ, югозап. рус. маю, малор. иму, ст. сл. хощѫ, др. рус. хочю, серб. оћу и т. п.) и при неформальныхъ глаголахъ и сходныхъ прилагат. (стр. 362—382);—неопредѣл. со вторымъ именит. (382—384).

Далѣе употребл. неопредѣл. объективнаго: винит. съ неопредѣл. (384—387), дательн. съ неопредѣл. (388—391), второго дательн. съ неопредѣл. луце же бы потяту быти (кому), неже полонену быти. Сл. о п. Игор. (391 и слѣд.).

Вездѣ приводятся многочисленные примѣры изъ древне-русской письменности и родственныхъ языковъ славянскихъ и неславянскихъ.

Разсмотрѣны обороты неопредѣл. наклоненія, связаннаго съ главнымъ предложен. посред. относит. слова: неимѫть, чесо ѣсти. О. св. Мат. 15,32 (τί φάγωσι), нѣ—камо сядѣти. Лавр. 30, соврем. великор. нѣчего дѣлать, малорус. нічого робити и т. п. (стр. 419—424), неопредѣл. цѣли и слѣдствія (425—434), неопред. съ бы и союзами сложными съ бы (435—443) и абсолютн. неопред. («я знать не знаю, вѣдать не вѣдаю») въ сравненіи съ литовск., лотышск. и польскимъ.

Послѣдняя глава посвящена творительному падежу. Чтобы перейти къ творит., замѣняющему вторые согласуемые падежи, столь характерному для славянскихъ нарѣчій, А. А. разбираетъ и другіе находящіеся въ связи съ этимъ случаи творительнаго (соціативный, мѣста, времени, орудія, при страдат. сказуемомъ, при именахъ и нарѣчіяхъ, творит. причины и образа дѣйствія) 443—534 стр. Творительный, условленный страдательнымъ сказуемымъ, общій славянскимъ языкамъ съ санскритскимъ и языкомъ Вѣдъ, выводится Потебнею изъ творит. орудія; изъ всѣхъ, приводимыхъ имъ объясненій другихъ ученыхъ, онъ всего больше согласенъ въ этомъ случаѣ съ

Буслаевымъ; но Потебня особенно указываетъ на важность страдательности сказуемаго, которая и отличаетъ этотъ творит. отъ творит. орудія (стр. 467). Творительный, замѣняющій вторые согласуемые падежи, извѣстный подъ именемъ творит. признака и состоянія (Буслаевъ) или твор. предикативнаго, принадлежащій «къ своеобразнѣйшимъ явленіямъ славянскаго и литовскаго языка» (ст. 493, 499), выводится Ал. Аѳ—чемъ изъ творит. образа въ частномъ случаѣ, какъ «пѣть соловьемъ», «плыть гоголемъ», «ити воеводою» и т. п. (ст. 502), т. е. изъ того случая творит. образа, когда его субстанція совпадаетъ съ субстанціею подлежащаго: «ити воеводою» близко къ «стать (быть) воеводою».

Такимъ образомъ, въ этомъ капитальномъ трудѣ разсмотрѣны А. А. Потебней самыя характерныя, самыя важныя явленія синтаксиса; но, согласно со взглядомъ покойнаго на значеніе словъ «синтаксисъ» и «этимологія», о чемъ дальше, вѣрнѣе было бы назвать этотъ трудъ, какъ и всякій сравнительно-историческій трудъ, этимологическимъ, оставляя слово «синтаксисъ» только для чисто описательныхъ грамматическихъ руководствъ. Во второмъ изданіи «Записокъ» А. А. уже постоянно ссылается на Миклошича V. Gr. IV, во многомъ расходясь съ его объясненіями. Много ссылокъ и на разные другіе большіе труды (Буслаева, Гатталу, Шерцеля, Дельбрюка), обличающихъ огромную начитанность автора, не помѣшавшую ему быть, однако, вполнѣ самостоятельнымъ и вездѣ высказать свой оригинальный взглядъ. Много замѣтокъ по синтаксису, или, вѣрнѣе, по этимологіи и семасіологіи разсѣяно также въ другихъ сочиненіяхъ А. А—ча (напр. развитіе значенія нѣкоторыхъ словъ, выраженій, образованіе союзовъ изъ другихъ частей рѣчи и т. под.).

А. А. Потебня былъ представителемъ философскаго языкознанія. Въ этомъ отношеніи изъ западныхъ ученыхъ всѣхъ больше на него оказали вліяніе Вильгельмъ Гумбольдтъ («Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts»») и Штейнталь («Grammatik, Logik und Psyhologie» и «Characteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues»). Для уясненія этого мы должны обратиться къ сочиненію «Мысль и языкъ», написанному А. А—чемъ въ ранней молодости (въ 1862 г. уже напечатано); но, не смотря на то, что автору было только 26 лѣтъ, онъ показалъ не только большую начитанность въ классическихъ европейскихъ сочиненіяхъ по философіи и общему языкознанію; но и большую самостоятельность и глубину мысли. Въ виду библіографической рѣдкости этого сочиненія, рѣшаюсь сообщить въ короткихъ словахъ его содержаніе, выписавъ цѣликомъ болѣе важныя мѣста. Послѣ критики различныхъ мнѣній о происхожденіи языка, начиная съ прошлаго столѣтія, которая заканчивается разборомъ мнѣнія В. Гумбольдта, стоявшаго «на рубежѣ двухъ направленій науки», «геніальнаго предвозвѣстника новой теоріи языка, не вполнѣ освободившагося отъ оковъ старой» (т. е. логической грамматики) (Ж. М. Н. Пр. 1862, CXIII, ст. 42), Потебня въ гл. IV-й переходитъ къ вопросу о соотношеніи языкознанія къ психологіи, излагаетъ Гербартову теорію представленій; въ слѣд. главѣ говоритъ о чувственныхъ воспріятіяхъ, затѣмъ о рефлексивныхъ движеніяхъ и образованіи членораздѣльнаго звука; въ VII-й главѣ о языкѣ чувства и языкѣ мысли; въ VIII-й—о словѣ, какъ средствѣ апперцепціи; въ IX-й о представленіи, сужденіи, и понятіи; въ послѣдней X-й о поэзіи и прозѣ. Эта послѣдняя глава особенно важна для уясненія взгляда Потебни на языкъ. Здѣсь онъ различаетъ поэтическое (символическое, образное) и прозаическое мышленіе. Здѣсь же выставлено различіе формы внѣшней (звуковой) слова и внутренней (способа выраженія). Высказывается Гумбольдтовскій взглядъ, что поэзія и проза суть «явленія языка»: «Изъ языка, первоначально тождественнаго съ поэзіею, слѣдовательно изъ поэзіи, возникаетъ позднѣйшее раздѣленіе и противоположность поэзіи и прозы, которыя, говоря словами Гумбольдта, должны быть названы «явленіями языка» (ib. CXIV, ст. 109). Указывается на противоположность поэзіи и науки; поэзія мыслитъ конкретно, образами, представленіями, чѣмъ удовлетворяетъ врожденной человѣку потребности видѣть вездѣ цѣльное и совершенное; «наука раздробляетъ міръ, чтобы сызнова сложить его въ стройную си-

стему понятій» (111 ст.), чего однако никогда почти не удается. Тутъ же высказывается и мысль о субъективности науки, которой А. А. держался до послѣдняго времени: «Въ обширномъ и вмѣстѣ строгомъ смыслѣ, все достояніе мысли субъективно, т. е. хотя и условлено внѣшнимъ міромъ, но есть произведеніе личнаго творчества; но въ этой всеобъемлющей субъективности можно разграничить объективное и субъективное и отнести къ первому—науку, ко второму—искусство» (стр. 111). Высказывается мысль объ относительности понятій субъективнаго и объективнаго: «Безъ сомнѣнія придетъ время, когда то, что намъ представляется свойствомъ самой природы, окажется только особенностью взгляда нашего времени».. «Нѣтъ ничего легче, какъ съ высоты, на которую безъ нашей личной заслуги поставило насъ современное развитіе человѣчества, презрительно взирать на все, отъ чего мы уже отошли на нѣкоторое разстояніе» (ib. ст. 122).

Изъ этого сочиненія мы видимъ, какъ рано у Потебни сложился тотъ трезвый взглядъ на развитіе человѣчества, языка и науки, который онъ высказывалъ въ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ (во «Введеніи» и въ напечатанной 4-й ч. «Записокъ по рус. грам.»). Много подобныхъ мыслей пришлось слышать отъ А. А—ча на лекціяхъ послѣдняго года. Онъ говорилъ, что наука всегда субъективна и національна, такъ какъ есть плодъ усилій немногихъ ученыхъ, находящихся въ зависимости отъ языка, которымъ пользуются; кажущаяся объективность науки достигается только до извѣстной степени по мѣрѣ ея отвлеченности, а потому наименьшей субъективностью отличается математика, хотя всетаки не все равно сказать: «дважды два» и «zweimal zwei», ибо каждое выраженіе носитъ слѣды своего особаго міросозерцанія.

Въ связи съ этимъ взглядомъ на науку находится нелюбовь Потебни къ рѣзкимъ и самонадѣяннымъ выводамъ, къ увлеченію одной теоріей въ ущербъ прочимъ. Уже въ 1865 г. онъ писалъ: «Изслѣдователю нечего [1]) бояться упрека въ томъ, что онъ самъ не увѣренъ въ истинѣ своихъ словъ: если избранный имъ путь оказывается ложнымъ, то для другихъ польза въ томъ, что они увидятъ эту ложность» («Два изслѣдованія» I ст. 44 примѣч.). Увлекаясь одной теоріей, мы должны помнить и о предшествующей ей, а также и о томъ, что послѣ насъ другіе создадутъ новую; не слѣдуетъ думать, что мы сказали послѣднее слово науки, а, какъ ошибались до насъ, такъ и мы можемъ ошибаться, и послѣ насъ всегда будутъ ошибки. Пониманіе языка въ Гумбольдтовскомъ смыслѣ Ал. Аѳ. высказалъ и въ заключительныхъ словахъ автобіографіи, напечатанной въ приложеніи къ III-му т. «Исторіи русской этнографіи», стр. 423 Пыпина. Такимъ образомъ въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ—3-й ч. «Записокъ» и «Теоріи словесности» онъ всего больше интересовался тѣми вопросами языкознанія, которые привлекли его вниманіе въ молодости.

До сихъ поръ я почти ничего не сказалъ о 1-й ч. «Записокъ по рус. грам.», въ которой представлена критика опредѣленій корня, формы, предложенія и частей его. На основаніи этого и другихъ сочиненій и лекцій можно опредѣлить взглядъ А. А—ча на языкъ. Вопреки мнѣнію Спенсера, считающаго языкъ тормазомъ мысли, А. А. говорилъ, что мыслить можно только при посредствѣ языка. Языкъ есть живой организмъ, который тѣсно связанъ съ мыслью человѣческой, постоянно измѣняется и, разрушая прежнія формы, постоянно создаетъ новыя. Въ противоположность нѣкоторымъ ученымъ, дѣлившимъ исторію языка на періодъ созданія формъ и періодъ ихъ разрушенія, А. А. говорилъ, что созданіе и разрушеніе формъ одновременны. В. Гумбольдтъ, говорившій о періодѣ созиданія (когда языкъ былъ цѣлью) и періодѣ употребленія (когда языкъ сталъ средствомъ), однако самъ находилъ, что въ дѣйствительности тѣснаго разграниченія этихъ періодовъ не существуетъ, а «постоянная работа духа, состоящая въ употребленіи языка, оказываетъ непрерывное вліяніе на самое строеніе языка, на созданіе формъ» («Введеніе», ст. 49—50). Языкъ, по мнѣнію Потебни, согласно съ этимъ ограниченіемъ Гумбольдта, употребляется и создается въ

[1]) Въ сочиненіяхъ 60-хъ годовъ А. А. писалъ это и другія подобныя слова черезъ е, согласно съ принятой орѳографіей, но позднѣе по требованію этимологіи черезъ ѣ.

одно и то же время. Грамматическая форма не есть только звуковое выраженіе, а есть способъ выраженія вещественнаго содержанія, есть значеніе. Вслѣдствіе того, что различныя формы имѣютъ часто одно звуковое выраженіе, ихъ узнать можно только въ рѣчи, въ связи съ другими формами. Вообще всякое слово имѣетъ опредѣленное вещественное и формальное значеніе только въ рѣчи; вырванное изъ связи, оно не имѣетъ смысла. Нельзя на основаніи того, что новые языки имѣютъ меньше звуковыхъ выраженій для извѣстныхъ категорій, чѣмъ древніе, говорить о паденіи формъ. Чтобы узнать, уменьшается ли число формъ въ данномъ языкѣ, нужно сосчитать не число различныхъ звуковыхъ окончаній, а число формальныхъ значеній (стр. 55—56), что обыкновенно не принимается во вниманіе. Противъ различенія формъ этимологическихъ и синтактическихъ (флексивныхъ и описательныхъ) Потебня находилъ, что всякую форму можно разсматривать и съ этимологической и съ синтактической точки зрѣнія. По его мнѣнію, это не двѣ части грамматики, а только двѣ различныхъ точки зрѣнія на языкъ. Синтактическая точка зрѣнія—описательная, этимологическая—историческая. Какъ вещественное, такъ и формальное значеніе слова можетъ быть разсматриваемо и съ той и съ другой стороны. Синтаксисъ разсматриваетъ употребленіе словъ въ данный моментъ языка и опредѣляетъ значеніе словъ изъ сочетанія ихъ съ другими; этимологія изыскиваетъ путь, которымъ языкъ дошелъ до этого значенія (стр. 36—38 2-го изданія «Записокъ»).

Въ оставшейся не напечатанной 3-ей ч. «Записокъ» А. А. затрогиваетъ такіе глубоко интересные вопросы философскаго языкознанія, какъ образованіе категорій существительныхъ и прилагательныхъ, старается опредѣлить, каково должно было быть первичное имя, и предполагаетъ, что первичное имя было всего ближе къ причастію, т. е. что въ немъ было заключено больше энергіи, чѣмъ въ нынѣшнемъ существительномъ, означающемъ дѣйствующее лицо. Восходя къ древности по памятникамъ древне-русскимъ и старо-славянскимъ, онъ старается указать, что разница между именемъ существит. и прилагательнымъ не была такъ рѣзка, какъ теперь, доказательствомъ чего служатъ такія имена, которыя могли употребляться и въ качествѣ существительныхъ и въ качествѣ прилагательныхъ (прокъ, инокъ и т. п.), а съ другой стороны присоединеніе члена къ именамъ существительнымъ, уподоблявшее ихъ членнымъ прилагательнымъ (дѣвая въ Минеяхъ и друг. памятникахъ); также старается доказать, что древнѣйшее значеніе существит. есть значеніе (имя) дѣйствующаго лица. Эта близость къ прилагательному видна и изъ паратактической аттрибутивности существительнаго, массу примѣровъ которой привелъ А. А. изъ древне-русскихъ памятниковъ и народной поэзіи русской и славянской. Эта паратактичность существительнаго при своемъ опредѣляемомъ (церковь—Спасъ, церковь—Софія и т. п. вмѣсто нынѣшняго литерат. ц. Спаса и т. п.) восходитъ къ глубокой древности. Ссылаясь на Шерцля («Синтакс. др. индійск. языка»), А. А. приводилъ уже изъ языка Вѣдъ такіе примѣры, какъ «облакомъ—дождемъ» (т. е. или «облачнымъ дождемъ» или «дождевымъ облакомъ»), «ногами слонами» (т. е. «ногами слоновъ»); но, что особенно важно,—Indraya patave—«Индрѣ питью», т. е. для питья; здѣсь въ дательномъ аттрибутивномъ, согласованномъ съ дат. лица, отглагольное существ., и, зная, что славяно-литовское неопредѣленное наклон. этимологически восходитъ въ дат. п. отглагольн. существ. (только въ иной звуковой формѣ, чѣмъ приведенная изъ Вѣдъ), мы можемъ себѣ уяснить характерный славяно-литовскій оборотъ дат. съ неопредѣленнымъ.

Скажу теперь немного о другихъ научныхъ трудахъ А. А. Потебни. Они касаются главнымъ образомъ изученія народной поэзіи и народныхъ обрядовъ со стороны ихъ символики и остатковъ языческихъ вѣрованій. А. А. не особенно сочувствовалъ господствующей теперь теоріи заимствованія, объясняющей многія народныя преданія и вѣрованія изъ книжныхъ источниковъ христіанскаго времени, и болѣе придерживался старой миѳологической теоріи, представители которой у насъ Аѳанасьевъ и Буслаевъ. Мнѣ пришлось слышать отъ А. А—ча три года назадъ слѣдующія слова: «Слишкомъ рано похоронили у насъ славянскую миѳологію: сравненіе греческихъ именъ съ санскритскими показываетъ, что уже до раздѣленія Грековъ и Индійцевъ была развитая ре-

логія; странно было бы, если бы Славяне ея не имѣли. Не гомериды создали греческую миѳологію; напротивъ, у нихъ видно уже скептическое и ироническое отношеніе къ богамъ. Умалчиваніе нашихъ лѣтописцевъ и другихъ или упоминаніе только вскользь о народныхъ вѣрованіяхъ объясняется презрительнымъ отношеніемъ монаховъ къ этимъ вѣрованіямъ. По отсутствію данныхъ нельзя дѣлать выводъ только отрицательный. Вѣдь, если бы не сохранилось «Слово о полку Игоревѣ», пожалуй, кто нибудь сдѣлалъ бы выводъ, что у Славянъ не было народной поэзіи». Съ этой точкой зрѣнія написаны нѣкоторыя сочиненія 60-хъ годовъ и особенно «О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій». Первый печатный трудъ А. А—ча былъ посвященъ символикѣ народной поэзіи. Къ этимъ занятіямъ онъ вернулся опять въ концѣ 70-хъ годовъ въ сочин. «Малорусская пѣсня по списку XVI в.» и «Слово о полку Игоревѣ», а затѣмъ уже въ 80-хъ годахъ въ большомъ прекрасномъ трудѣ «Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень», второй выпускъ котораго заключаетъ разборъ поэтическихъ мотивовъ колядокъ и щедровокъ». Здѣсь описано много обрядовъ, объяснено символическое значеніе множества пѣсень, а иногда цѣлыя страницы этимологическихъ изысканій различныхъ обрядныхъ именъ. Въ I. 16—38 приводится критика того, что до сихъ поръ писалось о Лелѣ и Ладѣ, которыхъ считали многіе изслѣдователи божествами древнихъ Славянъ. А. А. указываетъ на то, что, «Лель, какъ имя божества, не фактъ, а очень шаткая догадка». Приведя все, что извѣстно о припѣвкѣ Ладо въ разныхъ пѣсняхъ великорусскихъ, малорусскихъ, сербскихъ и др., а также этимологію этого слова, А. А. въ концѣ говоритъ: «Для миѳологіи положительныхъ результатовъ здѣсь никакихъ». Во II-мъ вып. стр. 41 повторено объясненіе А в с е н я, высказанное раньше уже въ сочин. «О миѳич. значен. нѣкот. обрядовъ и повѣрій» (мнѣ пришлось его слышать отъ А. А—ча также на словахъ). Находя въ памятникахъ XVII-го вѣка нѣсколько разъ ф. у с е н ь (к о л е д у и у с е н ь), А. А. предполагалъ, что припѣвка о в с е н ь, а в с е н ь возникло изъ «ой усень», «о усень» (а—въ акающ. говорѣ); у с е н ь же возводится къ корню us—, что въ лит. auszrà «утренняя заря», aŭszta «разсвѣтаетъ», лот. austra—, ст. слав. оу(с)тро, латин. urere, autora, греч. ἠώς, скрт. у ш, у ш а с, ô ш а т и, съ начинат. суф. yrrhamu; а съ этимъ us онъ считаетъ родствен. vas—, что въ лит. pavasaris iszauszta «весна (свѣтлая) разсвѣтаетъ». т. е. настаетъ, скр. в а с а н т а, слав. в е с ь н а, греч. ἔαϛ, лат. ver. Суффиксъ въ у с е н ь тотъ же, что въ греб-ен-ь и т. п. На стр. 166—167 помѣщена замѣтка о к о р о ч у н ѣ.

Въ дополненіе къ характеристикѣ научной дѣятельности А. А. Потебни я долженъ сказать, что онъ всегда былъ чуждъ всякаго національнаго мѣстнаго пристрастія. Истина для него была дороже всего. Я считаю нужнымъ указать на это потому, что именно въ этомъ пристрастіи упрекали его тѣ, кто мало его знали. Напротивъ, будучи самъ природнымъ малоруссомъ не только тѣломъ, но и душей, любя искренно свою родину, онъ не раздѣлялъ украйнофильскихъ мнѣній нѣкоторыхъ изъ нашихъ и особенно галицкихъ ученыхъ. Его взглядъ на мѣсто занимаемое малорусскимъ нарѣчіемъ, всего ближе подходитъ къ благороднымъ и симпатичнымъ взглядамъ Максимовича и особенно Метлинскаго. Онъ помнилъ, что малорусское нарѣчіе есть прежде всего часть обще-русской группы говоровъ и всего ближе и родственнѣе говорамъ великорусскимъ. Не старался онъ тенденціозно расширять предѣлы малорусской области, а, напротивъ, охотно уступалъ Великоруссамъ не только все бѣлорусское нарѣчіе, но и большую часть Черниговской губ. («Сѣверщину»), считая ихъ только частями южно-великорусской полосы говоровъ. Если бы доказательства тѣхъ, кто желаетъ древне-Кіевскій говоръ считать великорусскимъ, были болѣе убѣдительны, то конечно, и тутъ Потебня не замедлилъ бы съ ними согласиться во имя научной истины.

Я бы желалъ еще обратить вниманіе на педагогическіе взгляды А. А—ча. Разъ, помню, въ 1887 г. на лекціи онъ сдѣлалъ отступленіе о преподаваніи русскаго яз. въ среднихъ школахъ, имѣя въ виду, что большинство его слушателей будутъ со временемъ преподавателями. По его мнѣнію, языку, а тѣмъ болѣе родному, слѣдуетъ учиться прямо изъ чтенія, не тратя много времени на зазубриваніе грамматическихъ правилъ.

въ дѣтскомъ возрастѣ, неспособномъ понимать отвлеченность грамматики, по его мнѣнію, особенно слѣдуетъ избѣгать подробностей грамматическаго изложенія; кромѣ того, дѣти должны учиться преимущественно въ классѣ, а не отдавать только отчетъ въ своихъ урокахъ, заученныхъ дома. Я помню, что, высказывая этотъ взглядъ, онъ ссылался на Я. Гримма. Въ своей автобіографіи, а также и на словахъ онъ говорилъ про себя, что только потому могъ заниматься всю жизнь грамматикой, что никогда не зубрилъ грамматическихъ правилъ. Сбивчивость и неясность ходячихъ грамматическихъ опредѣленій въ нашихъ учебникахъ онъ показалъ во «Введеніи». Очень удобнымъ въ педагогическомъ отношеніи способомъ онъ считалъ наглядность и потому находилъ удобными опредѣленія индійскихъ грамматиковъ (б а һ у в р и һ и собственно знач. «много рису», но служитъ для означенія извѣстной категоріи сложныхъ словъ, образованныхъ по тому же принципу).

А. А. былъ образцовый профессоръ. Лекціи его отличались живостью изложенія; часто онъ увлекался и оставался въ аудиторіи сверхъ назначеннаго времени. Но особенно интересны бывали его частныя бесѣды у себя на дому, въ кругу своихъ учениковъ. Онъ обладалъ большимъ запасомъ поэзіи и эту-то поэтическую искру онъ вносилъ и въ свои бесѣды, и въ свои лекціи, и даже въ научныя статьи, не въ ущербъ, однако, ихъ серьезности. Эстетическое чутье у него было сильно развито, и онъ всегда умѣлъ по достоинству оцѣнить всякое произведеніе изящной литературы, за которой успѣвалъ слѣдить. Я не засталъ, но мнѣ передавали, что онъ неоднократно читалъ публичныя лекціи о произведеніяхъ новой литературы. Извѣстна статья его о Достоевскомъ; въ бумагахъ сохранились замѣтки о Л. Толстомъ. А. А. былъ превосходный чтецъ поэтическихъ произведеній. Обладая прекраснымъ практическимъ знаніемъ малорусскаго нарѣчія, онъ образцово читалъ лучшія творенія малорусской литературы; но восхищаясь наивной простотой языка старыхъ писателей 20-хъ и 30-хъ годовъ Артемовскаго-Гулака и Квитки, онъ не особенно любилъ новыя мало-русскія произведенія, написанныя б. ч. искусственнымъ и плохимъ языкомъ; изъ новыхъ онъ хвалилъ только Манжуру, мало извѣстнаго, но даровитаго поэта. Самъ А. А, тоже пробовалъ писать по-малорусски: въ бумагахъ сохранился стихотворный переводъ Одиссеи на это нарѣчіе.

Какъ поэтъ и философъ, А. А. былъ большой любитель природы. Каждую весну онъ самъ занимался цвѣтами. Онъ интересовался ботаникой и читалъ Плинія; м. б., эту его склонность унаслѣдовалъ младшій сынъ, избравшій эту специальность въ университетѣ. Не лишнимъ считаю напомнить, что эта область естествознанія привлекала и знаменитаго лингвиста Шлейхера [1]).

Въ заключеніе скажу, что, лично знавъ покойнаго, я сохранилъ о немъ самое симпатичное воспоминаніе, какъ о человѣкѣ. Онъ отличался замѣчательной снисходительностью и доступностью къ молодымъ начинающимъ ревнителямъ науки. Никогда онъ не отказывалъ въ совѣтѣ, указаніи; умѣлъ ободрить слабыхъ духомъ и сомнѣвающихся въ своихъ силахъ; не отказывался просматривать даже не особенно тщательно обработанныя сочиненія. Первое время по пріѣздѣ въ Харьковъ меня заинтересовали лирники и кобзари; я записалъ нѣсколько уже извѣстныхъ духовныхъ стиховъ и скудные остатки малорусскихъ думъ; съ ними я приходилъ къ Ал. Ае—чу, и онъ всегда съ удовольствіемъ просматривалъ мои неумѣлыя записи. У А. А—ча не было ни тѣни ученаго высокомѣрія; онъ терпѣливо выслушивалъ сомнѣнія и возраженія и охотно бесѣдовалъ съ людьми, не посвященными въ науку; эти качества находятся въ тѣсной связи съ выше изложенными философскими воззрѣніями его. Въ связи съ этимъ онъ никогда не относился предубѣжденно къ сочиненію только потому, что оно вышло изъ-подъ пера извѣстнаго автора, получившаго репутацію «ненаучности», и съ терпѣніемъ принимался за чтеніе всякаго сочиненія, предметъ котораго могъ его интересовать; самое слово «ненаучность» было ему противно.

Вотъ все, что я могъ сообщить объ этомъ выдающемся ученомъ и философѣ и замѣчательномъ человѣкѣ.

Борисъ Ляпуновъ.

---

[1]) Прибавимъ и нашего патріарха славяновѣдѣнія аббата Іос. Добровскаго. Ред.

Памяти А. А. Потебни.

Съ замираніемъ сердца слѣдили мы за тревожными извѣстіями о тяжелой болѣзни Александра Аѳанасьевича; въ послѣднее время явилась даже слабая надежда на возможность его поправленія; но роковой ударъ пресѣкъ драгоцѣнную жизнь. Нужно быть ученикомъ Потебни, знать его ближе, что бы оцѣнить всю великость настоящей утраты. Русская наука потеряла могучаго своего представителя, такого дѣятеля, которые вѣками появляются, которые составляютъ славу и справедливую гордость цѣлой націи. Для Потебни наука была цѣлью жизни; ея интересы неразрывно сливались съ его личными интересами; къ научнымъ интересамъ онъ относился страстно, горячо, близко принимая ихъ къ сердцу. Выдающеюся особенностью его ума была способность возвышаться надъ частнымъ, стремленіе возводить единичное къ общему. Широта его обобщеній была поразительна. Съ высоты своихъ обобщеній онъ орлинымъ взоромъ обозрѣвалъ частные факты, открывая близость и поразительное сходство въ такихъ явленіяхъ, которыя кажутся при первомъ взглядѣ довольно отдаленными другъ отъ друга. Поразительной мѣткости его обобщеній способствовала обширность его познаній. Онъ не былъ узкимъ спеціалистомъ въ области славянской филологіи: онъ владѣлъ обширными познаніями и въ области другихъ наукъ. Общіе выводы другихъ наукъ онъ привлекалъ къ своей спеціальности, и такимъ образомъ своему предмету сообщалъ удивительно широкую философскую постановку. Въ области изученія русскаго языка Потебня остается у насъ единственнымъ представителемъ философскаго направленія. Кто знаетъ Потебню по его печатнымъ трудамъ, тотъ его мало знаетъ. Насколько сухи и иногда тяжелы для пониманія его изслѣдованія, настолько рѣчь его была жива и увлекательна. Въ изложеніи Потебни языкъ являлся не системой фразъ, формъ и звуковъ, а живымъ организмомъ, развивающимся по свойственнымъ ему законамъ, чистѣйшимъ выраженіемъ человѣческаго разума, воплощеніемъ человѣческой мысли. Исторія языка у Потебни была вмѣстѣ исторіей мысли и исторіей культуры человѣческой.

Какъ университетскій преподаватель, Потебня стоялъ на высотѣ своей задачи. Всегда строгій къ себѣ и другимъ, поражавшій эрудиціей и высотой своихъ нравственный воззрѣній, онъ для своихъ слушателей являлся олицетвореніемъ идеала въ дѣйствительности: они преклонялись предъ его научной дѣятельностью, благоговѣли передъ его честностью и правдой. И ему были близки интересы студентовъ. Для нихъ всегда была открыта дверь его дома. Его кабинетъ былъ вмѣстѣ и аудиторіей. Онъ никогда не отказывалъ студентамъ въ нравственной поддержкѣ. Тяжело больныхъ студентовъ, нуждавшихся въ особой помощи, Потебня посѣщалъ на квартирѣ, и это вовсе не для пріобрѣтенія дешевой популярности, которой онъ никогда не искалъ. Образомъ Потебни, обаяніемъ его личности жили и живутъ разсѣянные по разнымъ провинціальнымъ закоулкамъ его бывшіе слушатели—учителя русскаго языка и словесности. Для нихъ Потебня—символъ всего лучшаго въ природѣ человѣческой, яркій лучъ свѣта изъ временъ студенчества. Кому изъ нихъ случалось заѣзжать въ Харьковъ, тотъ считалъ нравственной потребностью побывать у него, подѣлиться съ нимъ своимъ горемъ и радостью, освѣжиться въ бесѣдѣ съ нимъ. И измученные дрязгами житейскими уходили отъ него, успокоенные вѣрой въ торжество разума, правды и добра, которой самъ покойникъ былъ глубоко проникнутъ.

Вѣчная ему память!

М. Халанскій.

Замѣтка Е. И. Якушкина (изъ Яросл. губ. Вѣд. № 6).

Въ библіографической замѣткѣ Е. Якушкина о Живой Старинѣ перваго года (Яросл. губ. Вѣд. № 6) находимъ слѣд. любезное замѣчаніе по поводу напечатаннаго Ж. Ст. IV отрывка изъ житія св. Адріана.

«Выписка изъ житія св. Адріана показываетъ, какимъ уваженіемъ пользовалась въ XVII вѣкѣ ильинская пятница. Слѣды этого уваженія сохранились до сихъ поръ у народа. Есть мѣстности, гдѣ ильинская пятница почитается даже болѣе чѣмъ Ильинъ день (напр. въ Вятскомъ уѣздѣ); въ Ярославской губерніи считается особенно тяжкимъ грѣхомъ оскоромиться въ ильинскую пятницу. Сохранились до настоящаго времени и поклоненіе деревьямъ, и вѣра въ ихъ чудотворную силу, и обычай протаскивать дѣтей сквозь дуплистое или вѣтвистое дерево. Еще не давно стояла у погоста св. Іоанна Богослова (въ Ярославскомъ уѣздѣ) дуплистая засохшая сосна, считавшаяся святою. Черезъ дупло этого дерева, когда оно еще зеленѣло, протаскивали больныхъ дѣтей, съ твердой вѣрой, что они исцѣлятся. По разсказу крестьянъ, одинъ нечестивецъ просунулъ черезъ дупло больнаго щенка и дерево тотчасъ же засохло. Поклоненіе деревьямъ существуетъ и въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ Ярославской губерніи».

Е. Якукшинъ.

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи (1890—1891).

Т. XV, вып. I. Матеріалы для Этнографіи Латышскаго племени Витебской губерніи. Собралъ и снабдилъ объясненіями Э. А. Вольтеръ. ч. I. Праздники и семейныя пѣсни Латышей. Изданъ подъ наблюденіемъ П. А. Соколовскаго и Ѳ. М. Истомина. Спб. 1890. 8°. 385 стр. Содержаніе: Предисловіе. Праздники Витебскихъ Латышей. Короткія пѣсни—четверостишія: a) семейныя пѣсни: родинныя и крестинныя; b) свадебныя пѣсни (съ описаніемъ обрядовъ); c) похоронные обряды и пѣсни. Приложена таблица знаковъ для транскрипціи латышскихъ звуковъ.

Т. XVII, вып. I. Таранчинскія пѣсни. Собраны и переведены Н. Н. Пантусовымъ. Съ приложеніемъ трехъ таблицъ рисунковъ и нотъ. Изданъ подъ редакціей Н. И. Веселовскаго. Спб. 1890. 8°. XVIII+154 стр. Содержаніе: Предисловіе, въ которомъ говорится о музыкѣ и пѣніи Таранчей (стр. I—XVIII). Затѣмъ слѣдуетъ таранчинскій текстъ пѣсенъ (стр. 1—71). Переводъ (стр. 72—154); три таблицы съ рисунками музыкальныхъ инструментовъ и три таблицы съ нотами 10 мелодій.

Т. XVII, вып. 2. Спб. 1891. 8°. 230 стр. Изданъ подъ редакціей Н. И. Веселовскаго. Въ него входятъ статьи: 1. Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области. М. С. Вруцевича. Описывается бытъ Якутовъ, Тунгусовъ, Юкагировъ и Чукчей (стр. 1—44). 2. Матеріалы по антропологіи и этнологіи Киргизъ. В. Д. Тронова (стр. 45—70); 3. Обычаи и обычное право Киргизъ. Его же (стр. 71—89); 4. Обряды и обычаи Чувашъ. В. И. Михайлова. (Приложены чувашскія пѣсни и поговорки (стр. 89—133); 5. Поѣздка къ Карагасамъ въ 1890 г. Н. Ѳ. Катанова (стр. 133—230).

Т. XIX, вып. 2. Народные обычаи, обряды, суевѣрія и предразсудки крестьянъ Саратовской губерніи. Собраны въ 1861—1888 годахъ чл.-сотр. А. Н. Минхомъ. Изданъ подъ редакціей А. Н. Пыпина. Спб. 1890. 8°. 150 стр. Содержаніе книжки: Введеніе, гдѣ сообщается: краткій этнографическій очеркъ; народности, населяющія Са-

ратовскую губернію: русскіе, малоруссы, инородцы—нѣмцы, мордва, чуваши, мещера, цыгане; мѣстности, занимаемыя каждымъ изъ племенъ; типы, жилье, одежда у русскихъ, малоруссовъ, мордвы, нѣмцевъ. Затѣмъ идутъ главы: народныя повѣрья; преданья о кладахъ и разбойникахъ; ворожба и гаданья; повѣрья; народное леченье; апокрифическія сказанія и рукописи; заговоры; праздничные обычаи, обряды и пѣсни; свадебные обряды; похоронные обычаи, и наконецъ, секты у русскихъ и нѣмцевъ.

Т. XX. Смоленскій этнографическій сборникъ. Составилъ В. Н. Добровольскій. Изданъ подъ редакціей В. И. Ламанскаго и И. Н. Половинкина. Спб. 1891. 8°. XXVII+716 стр. Содержаніе; Замѣтка къ изслѣдованію «Различія говоровъ Смоленскаго нарѣчія». Особенности смоленскаго нарѣчія. Матеріалы для словаря и теорія ударенія. Разсказы (100 №№, стр. 45—166) Заговоры. (100 №№, стр. 167—215). Суевѣрія и преданія (119 №№, стр. 216—392). Сказки (39 №№, стр. 397—633); Сказки о чортѣ (9 №№, стр. 633—652); Сказки о животныхъ (шутливыя) (12 №№, стр. 652—669). Сказки бытовыя (24 №№, стр. 669—711). Быль. (4 №№, стр. 711—714) Въ началѣ приложено подробное оглавленіе и указатель къ изслѣдованію: «Особенности смоленскаго нарѣчья. Различія говоровъ смоленскаго нарѣчья».

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

„ЖИВАЯ СТАРИНА“

второй годъ свой начнетъ съ января 1892 г. и будетъ выходитъ четыре раза въ годъ (въ январѣ, мартѣ, маѣ и октябрѣ) книжками отъ 7—8 до 9—10 листовъ.

Подписная цѣна за **четыре** выпуска въ годъ: въ С.-Петербургѣ (съ доставкою)—**5 р.**, въ другіе города Имперіи—**5 р. 50 к.** и за границу—**6 р.**

Подписка принимается въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ, въ редакціи «ЖИВОЙ СТАРИНЫ» (СПБ. у Чернышева моста).

Желающіе разсрочки благоволятъ на первый разъ выслать въ Геогр. Общ. на редакцію «Живой Старины» 2 р., для второй книжки—1 р., для третьей—1 р. 50 к. и для четвертой—1 р.

Редакторъ «Живой Старины» Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

В. И. Ламанскій (Звенигородская, 32).

Стран.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Цѣна 1 р. 50 к.